

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТГЕЛЬ

5/2013

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Заканчивается подписная кампания на 2-е полугодие 2013 года. Журнал «Искатель» представлен в каталогах: «Пресса России» — индекс 70424, «Почта России» — индекс 10922 и «Роспечать» — индекс 79029.

Вышел в свет последний номер журнала «Детективы Искателя», в котором опубликован остросюжетный роман Т. Косовой «Уютное преступление».

В следующем номере читайте захватывающую детективную повесть А. Алмазова «Криминальный водоворот». В ближайших номерах планируется также опубликовать произведения А. Галкина, А. Юдина, В. Лебедева и других известных вам авторов.

НАБОР КАРТОЧЕК

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatchel.net

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года
5/2013

Юрий
СОЛОМОНОВ

3
ТРИГГЕР
повесть

Олег
АЗАРЬЕВ

83
ЗАБЫТЫЙ ИДОЛ
повесть

Валерий
БОХОВ

159
МОЛЯКИ С СУХОГРУЗА
рассказ

(412) 2013

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художники	Андрей СИМАНЧУК, Валерия ПОПОВА
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Ново- дмитровская, 5а, офис 607
Телефон редакции	(495) 685-47-06
E-mail	real@iskatel.net office@iskatel.net info@iskatel.net art@iskatel.net
Сайт	www.iskatel.net
Телефоны для размещения рекламы	(495) 685-47-06 (495) 685-59-01
Служба распространения	(495) 640-21-79
E-mail	mir_isk@orc.ru

Учредитель журнала
ООО «Книги «Искателя»
Издатель
ООО «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
© «Издательство «МИР ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС77-35888
от 31 марта 2009 г.

Распространяется во всех регионах России, на территории СНГ и в др. странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по Объединенному каталогу
«Пресса России» (карточная система)
70424 — на полгода
по каталогу «Почта России» (карточная
система) 10922 — на полгода

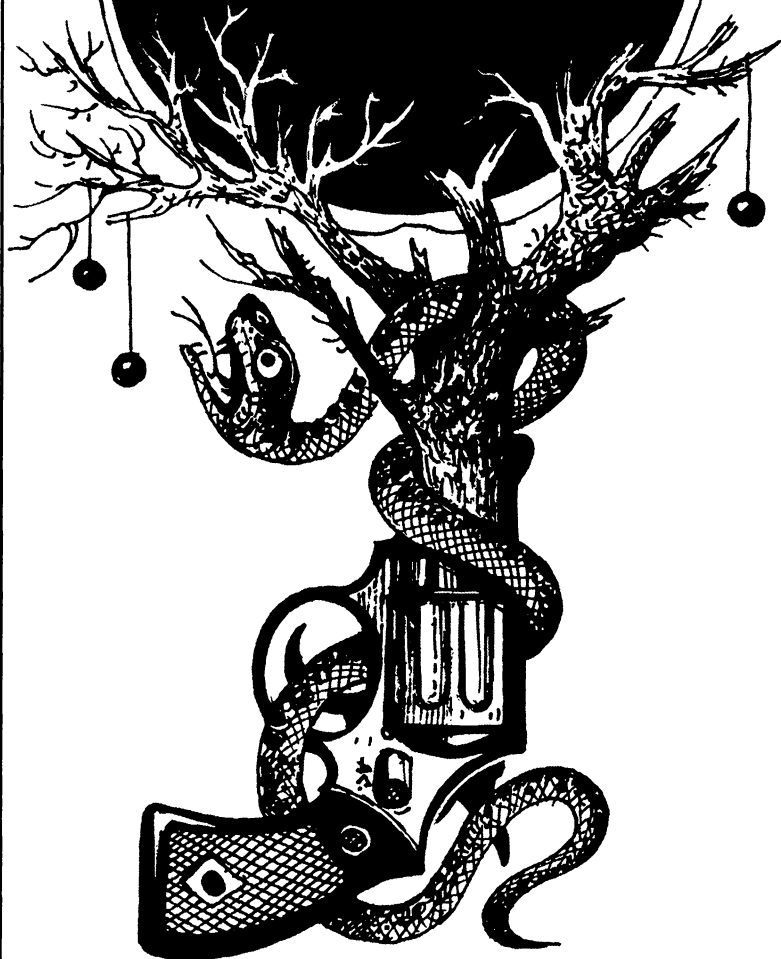
по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Автор получает ответ только в случае,
если рукопись принята к публикации.

Юрий СОЛОМОНОВ
ТРИГГЕР

«И обложу вас жилами,
и выращу на вас плоть, и покрою
вас кожей, и введу в вас дух, и оживете,
и узнаете, что Я Господь».

Иезекииль, 37:6

Ботинки. Невообразимо огромные, циклопы. Никак не по телу, контуры которого едва-едва проступают под черным куском брезента. Впрочем, тело теперь — условность чистая: машина долго горела. Я смотрю на них — и никак не верится, что эти ботинки, изведав вместе с хозяином ад, остались почти невредимы.

— Не надо туда заглядывать, — твердо наставляет капитан.

Я и не собирался. К тому же это бессмысленно: его теперь, наверное, и экстрасенсам не опознать.

— Ну-ка, повернитесь еще раз, — врач слепит фонариком. Отвел луч — и небо вокруг покрывается сине-зелеными пятнами. — Голова не болит?

Пожарные уехали, а гаишники с желтыми рулетками апатично прохаживаются вокруг груды смятого и почерневшего железа. Так изнемогший от шопинга муж таскается с пакетами за женой по очередному торговому центру. Дорога пуста и тиха, и я отчетливо слышу все разговоры. «Что завтра-то делаете?» — «Да вот, хотели к Светкиным родакам на денек, только у них там скандалешник — чума! Дерево на соседский участок упало и теплицу разгрохало. Теперь разбираются: соседи хотят до фи́га, Светкины не хотят ни фи́га...» Тело обуяла тряска — его клетки, все до последней, захвачены в плен неизвестным врагом и трепещут в ожидании зверской расправы. «Н-да, это точно надолго! Слышь, «жмура» заснять бы, пока не увезли!» — «Для твоей домашней коллекции, что ли?» В голове звенит, как от поцелуя в ухо. «Какой еще коллекции? Вдруг это тот, который из «бэхи»? Потом на телевидение толкнуть можно будет». — «Без тебя найдется кому толкнуть. Пол-Москвы уже, наверное, знает». Черный каркас фургона еще дымится. «Может, знает, а может, и не знает! Интересно вообще, что тут было...» Подойти бы к этому обуглившемуся куску металла и прижаться покрепче! Так в омертвелом зимнем парке мечтаешь породниться с бумажным стаканчиком, полным жидковатого чая. «А мне неинтересно. Я спать хочу».

— И чего он тут забыл в шесть утра! Начальство теперь мозги заездит, — качает головой капитан. Он следит за вялыми манипуляциями коллег, а потом поворачивается ко мне и долго смотрит равнодушно-оценивающим взглядом, точно на редкого паука. Вдруг его серое, непроницаемое лицо сморщивается. Это он сощуривает глаз в добрый, сочувственный полуподмиг.

— А тебе свезло! Свез-ло-о-о! Спасибо скажи тому вон парню. Это он успел тебя подальше оттащить.

Только теперь замечаю: на обочине, опасно косясь на кювет, стоит «Волга» — некогда благородно-белая, а нынче вся в ржавых веснушках. Водительская дверь открыта, а на сиденье — молодой человек. Я вырываюсь из рук недоумевающих врачей. Он выпрыгивает мне навстречу.

— Ну ты счастливчик, брат! Я, когда ехал, еще за полкилометра огонь увидел. Смотрю, горит тачка, а ты рядом лежишь — и того... вообще не шевелишься. Думал, все — трупец! Но на всякий случай отволок туда, где попрохладнее, хы! А ты во как — очухался!..

Хочется сказать что-то, подобрать какие-то подходящие моменты признания, но язык точно подморозило. Руки в карманы — и шагаю. Взад-вперед, затем по кругу, а потом — вдоль дороги, даже не думая о направлении. И лишь услышав оклик одного из инспекторов: «Куда, куда?!» — осознаю, что и правда должен куда-то пойти. Вот только куда именно? Мозг принимается биться над этой дилеммой, как над основным вопросом философии.

— Ты не спеши, с тобой тут еще хотят пообщаться, — добавляет капитан, все так же оценивающе меня оглядывая. Вот-вот кого-то во мне узнает. Но нет, не узнал: взгляд отпускает меня и принимается блуждать по окрестностям. Вдруг глазные яблоки вылезают из орбит:

— Генерал!..

И, потрясывая боками, капитан несется к вырулившему из-за поворота «Мерседесу». Все. Больше меня не трогают. Доктора из «скорой» с минуту подозрительно посматривают, но затем пожимают плечами и идут к брезенту. Они уже не поворачиваются в мою сторону — будто я тоже умер и никуда не денусь. А может, я и правда умер? Чувствую на лбу ледяную каплю. Еще одна прицельно бьет прямо в темя. Сверху, из крохотной рваной тучки сочится робкий до...

...ждь не мог нас остановить. Не имел права: мы слишком долго сюда вскарабкивались. К тому же тучи никак не могли договориться между собой. Они то сбивались вместе, то разбегались и вновь выпускали солнце — постаревшее, готовое сдать полномочия сумеркам.

— Эге-ге-ге-гей!

Эха не было.

— Э-э-эй!.. Я-ху-ху-ху-у-у!..

Ветер вырывал гласные прямо изо рта и тут же давил их неистовым воем. Невозможно было ни на миг наполнить собой тот бескрайний простор, что колыбался вокруг триллионами веточек, травинок и колосков. Изнемогая в жарких объятьях июля, мир покорно ждал своего заката. У подножия мохнатого холма, на котором мы стояли, играло бликами искусственное озеро. Где-то в его глубинах пряталась затопленная электростанция: то здесь, то там из воды торчали верхушки столбов. За пятиэтажками поселочка, выглядывавшими из лесной зелени на дальнем берегу, доносился монотонный гул шоссе. А внизу, под холмом, ежился под редкими каплями одинокий рыбак, пристроивший свой поплавок на мелководье — среди банок, пакетов, автомобильных шин и прочего хлама цивилизации...

Чем неизбежнее казалась гроза, тем быстрее я опорожнял бутылку — назло всему: погоде, работе и быстротечному времени. В кои-то веки вырвались с другом на природу-матушку — и на тебе: даже тут не расслабишься! Я прикончил остатки пива и стал озираться, выбирая подходящую мишень, в которую можно метнуть опустевший сосуд. Танк, в который полетит граната. Камней внизу, у воды, хватало, хотелось только отыскать самый солидный. Осматривая берег, я заметил трех девчонок — каждой, наверное, лет по двадцать. Их пивные бутылки так же задорно поблескивали в закатных лучах. Девочки сидели, повернувшись к воде, и, казалось, вообще не замечали, что творилось в небе. Упругие, налитые попы вдохновляли на гимны молодой и бешеной жизни, а у одной девчушки — с длинной белокурой косой — над джинсами с искушающе низкой талией розовели кружевные трусики. Я повернулся к другу и молча указал в сторону берега. Мысленно уже скатываясь по холму, поднимая рыжую пыль и задорно улюлюкая, пропарывая у самого подножия ботинок и ковыляя к воде с восторженно растянутыми до самых висков губами. Только бы не ливануло!

Но тут вместо грома... заголосила эта мелкая тварь у меня на

поясе! Как всегда, вовремя! «А пусть себе! Нет меня. Я оглох. Сдох. Ушел». Бесполезно: тварь не унималась. Минуты две она вопила, потом сделала секундный перерыв — и снова принялась верещать. Я вытащил ее. Ну, разумеется! Тот самый номер, который и в записную книжку вбивать не требовалось: я его помнил, как день рождения матери. Игнорировать бесполезно: звонки продолжались бы до утра. А сбрасывать — невежливо. Все-таки давний пациент, хороший приятель и... вообще, он много чего для меня сделал!

— Алло!

— Федор Львович, здрасьте! Это от Николая Валентиныча! Соединяю вас...

— Теодор, приветствую!

— Здорово! Как бок? Не колет больше?

— Бок в полной кондиции! Тут другое дело есть. Важное.

— Ну говори, говори!

— Не по телефону.

— Давай тогда завтра, в клинике. Или хочешь, в четверг сам заеду...

— Не-е-е, Теодор, сейчас нужно. Срочно!

У него все сейчас, все срочно! Закружилась голова — везите в реанимацию, занозил палец — оперируйте, заболел живот — сразу хоронить, да лучше в мешке с негашеной известью! Более вдохновенного больного на свете не существовало.

— Коль, я вообще-то выходной сегодня, и...

— Федь, ну правда очень надо! Поверь, я бы просто так не звонил!

— Да я и не в городе. На пленер махнули с другом, и я уже малость на грудь...

— Не проблема! Я машину пришлю.

И вот она опять — первопрестольная! Замелькала, растрелятая, за тонированными стеклами казенного авто. Я жалел, что не успел захмелеть: не так злился бы. Дождь все-таки ливанул, и это могло бы отчасти утешить. Но не утешало. Серая краска, ставшая королевой вечера, только подпитывала депрессию.

Машин, вопреки вечеру вторника, на Тверской было немного. Зато думский подъезд трещал от народа. Как и кабинет Валентиныча — все знакомые давно так звали Кольку. Когда я вошел, никто даже не обернулся. Секретарша всецело отдалась обсуждению особо важной бумаги с особо важным юнцом — видимо, общественником. Он усердно пытался добавить деловитости в свой облик, но все равно выглядел как провинциальный

поэт: сальный волос, взгляд с безуминкой и потертый костюм с короткими брюками, бессильными скрыть ярко-красные носки. На диване, приосанившись, восседала партийная челядь, различавшаяся между собой скорее фасонами дорогих ботинок, нежели лицами. Лица же были устремлены на Кольку, который нервно покрикивал в телефонную трубку:

— Ваше дело. Можете поступать, как считаете нужным. Но я уже сказал: либо сами все исправите, либо вас вызовут в прокуратуру. Уж это я вам обещаю...

Присесть было некуда, а выходить в коридор не имело смысла: там ждут до старости. И я в который уже раз принялся разглядывать висевшую над диваном картину. «А жизнь-то продолжается», холст, масло. Одна из ранних его вещей — еще прежних времен, до славы, до живописи на заказ, до депутатства, до всего, что он есть теперь... Лесная поляна в утреннем свете. Трава блестит росой, деревья предвкушают теплый полдень. А посреди поляны валяется человеческий череп. Сквозь глазницу тянется вверх зеленый побег, на который присела крохотная птичка. Каждый листок пейзажа прописан с невероятными тщанием и терпением — качество, быстро обеспечившее Кольке презрение высоколобых интеллектуалов от искусства. Но именно эта любовь к ультрареализму помогла ему со временем стать портретистом — великим или посредственным, судить не мне, но успешным в любом случае. А успешный портретист рано или поздно устаивается не только насмешек, но и много чего другого. Например, влиятельных друзей. А там — и поклонников, и наград, и заказчиков, и — как вариант! — этого вот черного кресла, которое Валентиныч энергично раскручивал, пока отчитывал телефон.

— Не надо мне здесь сказок! Я знаю, что там у вас и как. И что они сделали, и что вы сделали. В общем, все теперь от вас зависит. И я прослежу! Всего хорошего!

Он шваркнул трубкой и стал хмуρο оглядывать комнату, словно бы никого не видя. И вдруг морщины на его лбу разгладились.

— Теодор! — воскликнул он ободренно, и челядь с удивлением повернула головы в мою сторону.

— Знакомым вот помогаю, — пояснил Колька, указывая на телефон. — У них там с ТСЖ проблемы, а я на правах тяжелой — хе-хе — артиллерии...

Он вышел из-за стола и приобнял меня за плечи:

— Пойдем-ка в буфет! Ты мне до смерти нужен!

И мы пошли — только не в тот крохотный буфетик, что был

на этаже, а в нижний — просторный, шумный, с неиссякаемой очередью и «без лишней акустики». Даже если он заскакивал на разговор, то все равно набирал жратвы, как на бригаду строителей небоскреба. «Пару свиных котлеток! Нет, пусть будет три!» — «Без гарнира, Николай Валентинович?» — «Н-да, вы правы, без гарнира негоже. Бросьте сюда еще плова...» И он уминал все это с какой-то неандертальской, первобытной яростью. Я всегда потрясался ей: столь стремительному пережевыванию человека учит только армейская жизнь, а Валентиныч утверждал, что никогда не служил. В меня, отмаршировавшего еще до поступления в «мед», казарменные привычки вросли намертво. И пятнадцать лет спустя после «дембеля», приходя к кому-то в гости, я профессиональным взглядом подмечал малейшую грязь на плитусах и порогах. В скорости же поглощения пищи мне не было равных ни на работе, ни среди родных. Только Валентиныч мешал стать чемпионом Москвы. И сейчас этот рекордсмен чревоугодия сидел напротив и вдумчиво давил ложечкой... пакетик зеленого чая. Не иначе как признак очередного опасного недуга.

— Федь, мне нужно... Скажи, как лечат лунатиков?

— Кого?

— Ну, лунатиков! Тех, которые по ночам...

— А-а, сомнамбулизм? Это — к невропатологу.

— Да погоди ты! «К невропатологу»! Лишь бы отмахнуться!

Что ты об этой болячке знаешь? От чего она?

— Ну, как тебе сказать... Если совсем упрощенно, то во время сна не все участки мозга тормозятся. Прежде всего запаздывают те, что отвечают за движения.

— А это лечится?

— В принципе, лечится. Но ты-то тут при чем?

Его взгляд то беспокойно метался по залу, то застыл мутным осенним льдом, полностью утрачивая направление.

— Я хочу, чтобы ты меня обследовал!

— Те-бя?!

— Да! Ме-ня!

Я, конечно же, был готов к новой вспышке ипохондрии и даже прикидывал про себя различные ее варианты. Язва, сепсис, рак — все это он уже у себя выявлял. И я давно составил список пространных ответов, которые полностью изничтожали страшнейшие опасения без лишних поездок в клинику. Но сомнамбулизм... Профессор, простите, этот билет я не выучил!

— Коль, я терапевт. Не совсем мой профиль...

— Профиль, профиль! Что ты все время о профиле! Шикарный у тебя профиль — это я тебе как художник говорю! Желудок тоже вроде бы не совсем твоя епархия, а вон как ты в тот раз меня выручил!..

— Но сон же — тонкая материя! Там и оборудование нужно, и знания...

— Тихо! Не ори тут! Думаешь, для меня знания — главное? Мне нужен человек, которому я могу доверять.

— За доверие, конечно, спасибо, но... Какие симптомы? Ты просыпался не в постели? Кто-то из домашних заметил, как ты ночью ходишь или разговариваешь?

— Нет, ничего такого. Здесь сложнее... Слушай, а лунатики только ходят и говорят или могут что-то еще делать?

— Ну, разные бывали случаи. Иногда по телефону умудряются звонить. Есть предположения, что они даже способны водить машину, но это скорее домыслы. Нужна быстрая реакция, а ее-то как раз и нет. Но ты, ты что за собой заметил?

— Помнишь про наш уговор?

— Хватит уже про это! Сомневаешься в том, что я твой друг, — так верь хотя бы, что я врач!

— Ну ладно, ладно, не вскипай! Сам понимаешь... На слайде микроскопа сидим.

— Да говори!

— Мне... мне кажется, что я пишу во сне.

— Чё?..

— Пишу. Рисую то есть...

И мы замерли, каждый в своем молчании. Он — в выжидательном, я — в отупелом. Не скажу, что я выдающийся эскулап. И на кандидатскую-то времени не хватило. Но и у меня были успехи, дающие, по крайней мере, право на репутацию компетентного парня. А тут я впервые не знал, что ответить. С одной стороны, все, что связано со сном, еще мало изучено. И те, кто сегодня вопит: «Невозможно!» — уже завтра могут оказаться вчистую посрамленными. Но ведь передо мной был великий «диагност» Николай Валентинович Северцев! Каждую вторую его жалобу я воспринимал бы как шутку, если бы не знал, что он никогда не шутит о своем здоровье. Смущал и другой факт, известный далеко не только мне: за последние годы Валентиныч почти забыл, как держать ки...

* * *

...сть катится по полу, гонимая потоком воздуха из распахнувшейся двери. Она суха и больше не оставляет черных отметин на паркете. Нелепо и странно видеть ее в таком виде здесь, в этом святилище порядка, где каждый тюбик и карандаш имеют свое извечное место. Но кисть — лишь провозвестница бедлама, охватившего мастерскую. Уже из прихожей заметно: мольберт опрокинут, полки, разгромленные, еле держатся на стенах, картины, прежде, по-видимому, стоявшие вдоль этих стен, разбросаны по полу. Некоторые порваны... И надо всем витает тошнотворный, вьедливый запах испуга. С четырех сторон затравленно смотрят изуверченные вещи — будто бы опасаясь, что я продолжу начатое побоище, и робко спрашивая: «Ты чего?» Да нет, я ничего, у меня, друзья, теперь просто есть ключи от этой мастерской. Так давно мечтал побывать здесь, столько размышлял об этом месте, но поспел уже к пепелищу.

Первый ли я гляжу на руины? Поднимаю валяющиеся на полу склянки с разбавителями, обыскиваю одежду в прихожей, включаю свет в ванной, перетряхиваю пепельницы в поисках еще теплых окурков — жду хоть малейшего знака, намек на то, что здесь уже были, что это кто-то из них прибежал сюда — грязный, запыхавшийся, одуревший, с кровью на лице... Надеюсь, что воздух еще полон густым отзвуком его беспорядочных шагов. Но комнатный сумрак холоден. А битва с вещами случилась не позже, чем Крымская война.

Сбросив с дивана мусор, сажусь и пытаюсь хоть немного успокоиться. Руки все равно трясутся, точно живут своей, отдельной от остального тела жизнью. Зажимаю их между бедрами и закрываю глаза. Под веками еще какое-то время подрагивает квадрат окна, ущербный и неправдоподобный — с оранжевой рамой и черной ночью внутри. Ящеричный хвост реальности, вырванный из нее последним взглядом. Так, в неестественной позе, я сижу в этом странном помещении, некогда бывшем обычной московской квартирой. А тьма, что зародилась за моими опущенными веками, час за часом погружает во мрак челове...

* * *

...чество всегда карало исключительно шарлатанов-лекарей, а шарлатанов-больных почему-то никто и пальцем не трогал. Хотя крови, поверьте, они выпивают не меньше. Я не сомневался, что с Валентинычем все вновь закончится здраво. Вот

только на разгадку на этот раз требовалось куда больше времени, чем обычно. И о том, чтобы отказать ему, речи не шло: во-первых, Валентиныч все равно не отвязался бы, а во-вторых, он предлагал хорошие деньги. В общем, я оказался бессилён, как клоп перед пылесосом. Взял короткий отпуск, несколько смен белья, любимый кофе — и съехал на дачу, где Колька жил с тех пор, как стал народным помазанником. И поскольку я терял как минимум неделю жизни, то решил до дна испытать ту чашу возможностей, что дарует загородный быт бледнокожим сынам мегаполисов. С утра — рыбалка, днем — прогулка по лесу, вечером — чтение на открытой террасе... Мечта, из высокого царства которой меня мигом сбросили в пресную действительность.

Дневная жара раскалила и ночи: они стали душны до барабанной дробы в висках. Я не находил себе места. То, объятый жаждой воздуха, выскакивал на балкон, то возвращался в кресло и снова брал книгу, то тащился на кухню за стаканом воды. Валентиныч тоже ворочался и кряхтел, не в силах договориться с Морфеем. Вяло сопеть он начинал лишь перед самым рассветом, уткнувшись в спинку дивана. У меня же не получалось ни поспать утром, ни прикорнуть после обеда. В итоге обострились мои проклятые боли, и я стал все чаще припадать к коробочке с таблетками. С нею мы неразлучно сожительствовали уже давненько — с самых первых послеординаторских годов.

Я поймал ее на рыбалке со старинным корешем — аккурат в Новый год. Хмурым, бессолнечным утром, исполненным какого-то сырого мороза, от которого хочется кашлять, даже если ты совсем здоров, мы затосковали по любимому промыслу. И, наскоро собравшись, вылетели на озерный лед прямо на «Ниве». Нет, не провалились. Напротив, нашли хорошее место, провертели лунки и даже по разу что-то из них вытянули. Но накануне мы пережили бурное застолье, а холод стал железобетонным оправданием для опохмела. И на обратном пути, уже в темноте, мой друг чересчур лихо разогнался и чересчур поздно заметил, что машина подлетает к берегу. Резко затормозив, он раскрутил «Ниву» и завалил ее на бок. Дверная стойка оказалась слишком жесткой. Почти сутки я не приходил в сознание, а в память об отдыхе получил косой шрам у виска. И эту самую коробочку.

Чем пустее становилась она, тем раздраженнее — я. И оттого, что не видел у Валентиныча никаких признаков сомнамбулизма, и оттого, что заранее знал: их не будет. Ближние Кольки — а их круг после его развода ограничивался полуслепой и практиче-

ски глухой стряпухой Надеждой Ивановной — не припоминали никакого снохождения. И тем паче «сноживописания». Да и живописать здесь было особо негде: ни тебе мастерской, ни даже угла с мольбертом или этюдником, на котором бы Валентиныч как он раньше любил говорить, «лессировку лессировал». Вездесущие флакончики, тюбики и кисточки и тут полеживали, них было ничтожно мало даже для второклашки из худкружка. И резкий химический запах творчества выветрился из дома за долго до моего приезда. Тем загадочнее выглядели работы, которые мне вдруг показал Валентиныч. Это были небольшие рисунки — акварель, карандаш, пастель... Сам я мастихинов от муштабелей не отличал — тот еще знаток! Но и у меня были любимые мастера. И хоть я не разбирался в течениях и направлениях, память иногда сохраняла манеру отдельных художников: время от времени я даже узнавал их полотна, еще не успев найти музейной таблички с мелкой подписью. И сейчас чувствовал: стиль до безумия похож на Колькин...

— Да что я, в самом деле, свою работу не признаю?! — Валентиныч раскладывал листы на столе. — Ты вот свой почерк отличаешь от других? Так же и здесь. Я вижу, что это — мое.

— И в чем проблема?

— В том, что я совершенно не помню, как это рисовалось.

— Ну, может, давно было? Забыл! Я вот ни за что не процитирую всех рецептов, которые за месяц выписал. А уж за год — и подавно.

— Шуткуете, милостивый государь? Я все свои работы помню! Как и что писал, помню! Полный список, конечно, не назову. Но если увижу — узнаю сразу!

— Каждый набросок?

— Это что, по-твоему, набросок?! — он схватил со стола карандашный рисунок. Косые струи нездешнего, тропического ливня разбиваются об асфальт. Небо — одна сплошная туча, по краям которой лютуют молнии. И в их отсветах за пеленой дождя видна фигура человека в плаще. Лица не разглядеть — скрыто шляпой. Но ощущение, что оно вот-вот покажется: человек оборачивается, точно на крик.

— Это набросок?! — уже вопил Валентиныч. — Это готовая работа! Причем далеко не самая провальная!

— Ну а если... Если ты тогда работал над несколькими вещами? Более крупные запомнил, а мелкие...

— А это? — он не слушал. — Тоже набросок?!

Пастель. Все контуры немного размыты: морское дно. Зеле-

новатая вода, камни, водоросли, а в самом центре — слегка занесенное песком тело утонувшей девушки. Кажется, даже заметно, как колыхнутся волосы...

— Ты посмотри, посмотри, глаза раскрой! — Валентиныч совал работы мне в руки. — Каждая из них — история! И все детали прописаны. Если это эскизы к моим картинам, найди у меня хоть одну похожую вещь! Найди — я тебе пятьдесят тысяч зеленых дам. Сразу же!

Пейзаж. Залитый солнцем луг, усталое великовозрастное дерево, дремлющий вдалеке лес, желтый домик с резным крылечком... Только все — прогнутае внутрь, точно вытягиваемое в вакуумную трубу. Кто-то рассматривает этот микромир через лупу. «Глаз насекомого» — поясняла надпись на обратной стороне.

— Понюхай! — продолжал Северцев. — Не так давно все сделано — вот в чем штука! А я не помню!

— Так, может, ты переутомился. Не замечал в последнее время, что стал более рассеянным, медлительным?..

— О! Новые работы? Пытаешься вернуться к музам? — В дверях с надменно-ироничной улыбкой стояла Лена — бывшая Колина жена. Десантировалась из города в самое пламя диспута.

От неожиданности я даже не сообразил, что не худо бы поздороваться. Молчал, разглядывая ее пожарно-красные туфли на небоскребных каблуках. И прикидывая, что было большей его ошибкой — женитьба или развод. Северцев же, для которого эта крохотная, но искусно вылепленная фигурка и горящий черным огнем взгляд в свое время были сильнейшими раздражителями, на появление Лены вообще не отреагировал.

— Я за вещами Вадюши, — произнесла она тем же нарочито холодным тоном. — Ты в тот раз, когда привозил его, забыл почти всю одежду.

— Лен, — я наконец вышел из ступора. — А ты уверена, что эти работы — новые?

— Ну, раньше я их не видела! Или он хорошо прятал, — бросила она уже через плечо.

Ей можно было верить — и даже больше, чем ему. Лена давно стала крупнейшим специалистом по всем периодам творчества Валентиныча. Но не оттого, что получила блестящее искусствоведческое образование. Просто она хорошо считала. В прежние, еще счастливые их годы часто бывало так. Сидим здесь же, на даче. Тихо, без лишнего гламура и статусных «випов». Банька, пиво, девушки пытаются перещебетать поющих в черемухе со-

ловьев — словом, судьба оформила отгул за свой счет. Кто-нибудь из новых гостей начинает расслабленно и бесцельно расхаживать по дому — и понемногу рассматривает картины. У одной он задерживается дольше, чем у прочих. А потом, обойдя дом, снова возвращается: «Нет, это вот — просто чудо! Какие цвета, какая живость!» А Валентиныч и для безыскусных таких комплиментов уже вполне взогрет Бахусом и возвеселен духом. «Правда?» — вдруг выдыхает он с застенчивым видом толстухи, которой внезапно — то ли из интереса, то ли шутки ради — сказали, что у нее стройный стан. И тут же снимает картину со стены: «Возьмите! Это — ваше!» Гость, еще не веря происходящему, даже не решается ухватиться за раму. «Ну что вы! — вскрикивает он. — Не стоит, не стоит! Я совсем не поэтому...» — «Берите же! — Северцев буквально пихает его картиной. — Я тоже не поэтому и не потому. Просто хочу, чтобы это было вашим». И нерешительные пальцы гостя уже почти сжимаются на раме, как вдруг с террасы звучит зычный голос Лены: «Коля, ее же Смеянов покупает! Я давно договорила!» — «Кто? Когда покупает?» — Ее деловитость моментально сбивает мужа с толку. Гость отдергивает руки, «Кто-кто! — Лена встает из-за стола. — Не делай вид, что не знаешь! Он уже послезавтра за ней придет! Ты б хоть спрашивал у меня, когда стаскиваешь со стен все подряд!» Сконфуженный гость пытается сбежать на террасу, но Северцев хватает его за локоть: «Подождите! Это как-то нехорошо получается. Давайте я вам что-нибудь другое...» — «Н-н-нет! Что вы, Николай Валентиныч! Я бы и эту не взял!» — И под испепеляющим взглядом Лены гость торопится назад за стол. Туда же медленно заползает и Колька, на ходу бормоча: «Черт возьми! Какой Смеянов? Откуда взялся?» Впрочем, он быстро затихает, а картина водворяется на прежнее место. Где и висит долгие годы.

Я тогда тоже завис капитально. Уже давно иссякли и отпускные дни, и запас шаблонных объяснений перед клиником, и таблетки в коробочке; сам я стал «совой», вольготно разгуливающей ночью и цепенеющей днем, а в Валентиныче все никак не открывался «художник-сомнабулист». Я успел обследовать с десяток его гостей из числа таких же ипохондриков и дать сотню рекомендаций праздно интересующимся. Но это никак не компенсировало бессмысленность положения. Наконец я плюнул, хлопнул на шее комара и заключил:

— Не рисуешь ты по ночам. И не встаешь даже. Да и сон у тебя более или менее ровный — насколько он вообще может

быть ровным в такую жарю. Ты просто забыл про эти рисунки. Если хочешь, позвоню нашему невропатологу, и он положит тебя на обследование. Но, по-моему, ты дуркуешь. Все, не морочь больше гол...

* * *

...ову истязают лилипуты-молотобойцы. А легким тесно в грудной клетке. Обежал все соседние дачи, кабаном промчался по лесу, дважды обогнул пруд — и вот стою перед грядущим ноябрем, как перед отверстым студеным погребом. Никому, никому ничего не могу объяснить. Да и что объяснять другим, если сам не понимаешь. Здесь, как и в доме, где была мастерская, меня никто не вспомнил. Изнемоги от беготни, бестолковой и суетной, присаживаюсь на крыльце у пустой террасы, о которой знаю столько всего. По холму расплзлась березовая рошица, жестоко прореженная другими дачными участками. Там и сям алеет металлочерепица. Вдалеке воеет от тоски одинокий товарняк. А сверху гулким куполом нависло синеющее вечернее небо без единого облачка. Все-таки даже в эту тоскливую пору, когда каждый день — понедельник, милы и трогательны в своем унынии эти места. Не кишат грибниками леса, глинистая почва никогда не воздаст сторицей мичуринцам, а пруд уже не влечет романтиков с лодочками. Но приятно свежит сыроватость еловых чащ и бодрит прохладная вода родников с легким железистым привкусом. Жизнь тиха, неспешна и вечна. Только все вокруг необратимо драпируется черным. Но я не боюсь этой черноты. Я не верю в нее до конца, как до конца не верю ни во что происшедшее и происходящее. Я — валун в речном песке. Вода то накатывает, захлестывая, то отступает. Я то слышу все, что несется из приемника, то не слышу ничего. «...дело возбуждено по статье «причинение смерти по неосторожности», однако не исключено, что оно может быть переквалифицировано. Представители следствия пока отказались сообщить, кому принадлежат обнаруженные на месте происшествия обгоревшие останки...»

Неужели и они не знают? Почти два дня прошло. И все это время, наверное, под меня копали — а под кого еще? Уже дважды звонили — и я брал трубку. Странно, но было совершенно не страшно — как в компьютерной игре. «...автомашину Северцева обнаружили пустой неподалеку от его дачи. По данным следствия, она попала в дорожно-транспортное происшествие, однако был ли сам депутат за рулем — пока точно не известно. Николай Северцев, известный живописец, входил в

комитет по культуре. Он активно занимался вопросами охраны наследия, а в последние годы работал над созданием фонда, который помогал бы молодым и талантливым художникам...»

В нашей квартире тоже никого не было. Время там впало в кому. Обычно каждый жилец застает его таким, когда возвращается домой после долгого отсутствия. Глядит на прежний, уже подзабытый порядок пыльных предметов и силится представить как это все могло существовать здесь без него — каждое утро каждый вечер, каждый миг. Для меня же это жилище точно было вычитано из чужой книги: будто никогда там и не жил.

Снова осматриваюсь. Не знаю, куда еще идти, где искать, у кого допытываться. Вырубаю приемник и опять закрываю глаза — чтобы, как Декарт, уединившись в темноте, принудить себя к логике. Но мысли — голуби, которых заманивают крошками. Они подходят совсем близко, почти дают прикоснуться к себе, но в последний момент — порх! — и нет их. А взамен — вдруг только одно, тяжелое и жгучее: кто же?! Кто из них? Когда встаю, вокруг опять глубокая ночь. Вслед за сбежавшим солнцем спускаюсь по тропинке, змеящейся вокруг стылого пруда. Коря себя за то, что везде застаю так надо...

* * *

...лго это торжество осело у всех в головах! С тех пор как Лена и Коля «расстыковались», его дни рождения перестали быть тщательно организованными светскими раутами и превратились в посиделки с легким налетом церемонности. Именинник ничего заранее не готовил и никого не приглашал. «Кто помнит — тот знает». Куча народу помнила всегда, еще больше — спохватывалась время от времени. Но того, что приключилось в тот день, доселе не видывал никто. Обычно Валентиныч терпеть ненавидел всякие здравицы, и, когда кто-нибудь случайный и не в меру подпивший вдруг начинал свои «сю-сю-сю», хозяин поворачивался боком к столу, склонял голову и замирал, настойчиво внушая окружающим «Я — призрак бестелесный, и меня вообще здесь нет».

Но в этот раз я застал Северцева в роли тамады, сыпавшего витиеватыми речами, которые с каждым часом становились все труднее для понимания: к концу тоста оратор забывал, с чего начал. Самые ранние гости шепотком и многозначительными взглядами намекнули: когда они только приехали, маэстро уже был навеселе. Явление, понятно, редкое, поэтому, несмотря на всю неловкость, никто не думал расходиться. Напротив, общество заметно оживилось: так оживляется тесная и давно усто-

являвшаяся компания, в которой внезапно появляется экстравагантный новичок. Ведь на самом деле Валентиныч никогда не пьянствовал — это делал кто-то другой, живший в нем подспудно. И водка, виски — да все, что вливалось в его желудок, — выпрастывало того, нового, человека наружу, прямо в сердце любого действия. Всем было любопытно. Когда резерв тостов исчерпался, за ними следовали анекдоты, от которых побагровели уши самых закоренелых скабресников и пошляков. Дамы неодобрительно качали головами, а их мужья то и дело прыскали в кулаки. Но и это был еще не апогей. «Танцы!» — вдруг рывкнул Валентиныч. Он врубил музыку на полную катушку и козлом запрыгал по террасе. На свою беду, гости слишком долго сидели в нерешительности. Чтобы подбодрить их, Валентиныч попытался подхватить на руки первую же оказавшуюся поблизости женщину — жену то ли его школьного товарища, то ли какого-то галериста. И, не рассчитав сил, грохнулся с нею на стол. Половина стола, в свою очередь, тоже грохнулась — вместе со всем, что на ней было. Так и стоит перед глазами эта сцена. Несчастная барахтается на полу, из последних сил пытаюсь изобразить веселость, хотя слезы уже заливают лицо: слишком сильно ударились. Часть гостей растерянно и безуспешно оттирает с одежды майонез, кетчуп, жир от гуся и прочую вкуснотень. Другая часть робко отворачивается. А Северцев, распластавшись посреди террасы и блаженно прикрыв глаза, медленно произносит: «Всем шухер! Я, кажется, пернул».

Волоча его наверх вместе с незнакомым мне добродушным бородачом, то прикидывал, сколько звонков придется назавтра сделать сегодняшнему имениннику. Валентиныча это, разумеется, пока никак не тревожило: он почти полностью потерял сознание. Перед тем как уложить его, я попытался смахнуть с дивана кипу бумаги, но Северцев с хрустом на нее взгромоздился. Из-под его отяжелевшего зада я все-таки вынул пару стопок. Листы, отпечатанные на принтере, исписанные от руки, фотографии, ксерокопии каких-то планов и схем...

— А что это? — спросил я инстинктивно, хотя тут же осознал, что внятного ответа не получу.

— Что-что! Пакеты такие... Секретные пакеты, во! Ха-ха-ха-ха-ха!

Я уже повернулся уходить, когда он вдруг не по-пьяному крепко сжал мое запястье.

— Я! Я, я, я должен был все это... Это... Это обязано быть моим! Моим и ничьим больше!

— Это?..

— Это! Это! Все они должны быть моими, моими, моими!!!

Я не сразу понял.

— Ну, конечно, конечно. Раз должны, значит — твои! Твои-претвои! И с чего ты к ним так проникся?

Я вдруг заметил, что он смотрит на меня совершенно просиявшимися, исполненным боли взглядом.

— С того, что это рисовал гений.

Тут его вырвало.

Внизу горстка гостей разжигала камин. Не знаю, в чем был больше колдовства — то ли в этих мягких, теплых отсветах пламени и мелодичном потрескивании дров, то ли в кресле, в которое я сел, — но дремота вдруг взяла меня голыми руками. Проснулся уже засветло, причем не сам: кто-то настойчиво пытался меня перевернуть. Квохча и покашливая, Надежда Ивановна вытаскивала из-под меня листы, которые я на автопилоте приволок из спальни хозяина. Приподнявшись, я отдал ей вожделенные свитки.

— Что это такое, Надежда Ивановна?

— Ай?.. А это его почта! Депутатская! — На последнем слове старуха понизила голос и прищурилась. — Следит, чтоб ничего не пропало!

И пока, любовно обхватив отвоеванную стопку, она ползла по лестнице, я пошел следом — проведать хозяина. Утро раскидало по стенам солнечные ошметки. Толком разглядеть повешенное над столом полотно не получалось, но я и так знал его: ученическая копия Шишкина, испохабленная на потеху публике и тем самым спасенная. Вместо того чтобы выдворить ее на чердак, как все прочие плоды упражнений, уже зрелый Северцев добавил на холст еще несколько слоев. Мишек в основной чаще больше не было: по стволу на четвереньках ползали пьяные друзья художника. Остатки их дикого пикника валялись здесь же, под деревом. Для самого Валентиныча места в лесной сказке не нашлось, но зато он лежал поблизости — в не менее «сказочном» состоянии: ноги задраны на спинку дивана, а голова свешена вниз. Будить бессмысленно. Надежда Ивановна положила бумаги в угол и вышла. Только теперь я увидел, какая куча почты там скопилась: не ведал продыху публичный человек. Конверты, оберточная бумага, коробки для посылок, полиэтиленовая упаковка от бандеролей...

Любопытно, он хоть когда-нибудь пытался навести во всем этом порядок? Я присел над кучей. И слова, как пчелы из от-

крытого улья, ринулись ко мне — тисненными золотыми вензелями на глянце, едва различимо отпечатанные на грязно-серой бумаге, бегло накорябанные на бланках и с усердием выведенные на клетчатых тетрадных листках старомодным почерком, который пускает стрелу над «т» и вытягивает змею под «ш». «Глубокоуважаемый Николай Валентинович! Имеем честь...», «Доводим до Вашего сведения...», «Прости, сынок, что так попростому тебе пишу...», «В ответ на Ваш запрос от 10.04...», «Копию судебного постановления прилагаю...», «Надеемся впредь на плодотворное сотрудничество...», «Жалоба моя была оставлена без внимания...»

— Что ты делаешь, доктор?

От неожиданности я едва не упал в бумажный хлам. Валентиныч, откинувшись на подлокотник, смотрел на меня одним глазом.

— Да ничего. — Я тут же поднялся, теребя в руках какую-то коробку.

— Между прочим, — он так и не открывал второго глаза, — все это — боль человеческая!

— А ты эту боль...

Я не успел договорить. Северцев уже лежал на боку и похрапывал. С коробкой в руках я двинулся к двери. С коробкой в руках спустился по лестнице. С коробкой в руках миновал террасу. С коробкой в руках вышел на крыльцо. С коробкой в руках направился к машине. С коробкой в руках... Нет, открыть дверцу с коробкой в руках было положительно невозможно, я, конечно же, захотел высвободить одну руку. И тогда-то понял, что держу коробку. Небольшую, плоскую, из толстого белого картона. На крышке был начертан адрес Валентиныча — официальный, думский. А в левом нижнем углу, мелко-мелко прописан обратный — «Московская область, пос. Озерный Край, ул. Центральная...» И какой-то там дом с подъездом и квартирой, за дверью которой еженощно пульсировало чье-то недовольство. А может, застенчиво улыбалась благодарность. Я открыл коробку. Пусто. Только резкий запах бьет в ноздри. И откуда во мне эта бессознательная kleптомания?! Пришлось снова возвращаться наверх.

На пути в Москву я влип в мощнейшую пробку. Создавалось впечатление, что вся область порешила прожить выходные в столице: шоссе не двигалось вовсе. Когда подполз к дому, уже темнело: последний свободный день коту под хвост, а в понедельник — уже дежурство. Да еще Лиза теперь временно — старшая сестра, а мне

с этой новенькой париться! Ладно бы симпатичная!.. Разгул злобных мыслишек остановило треньканье мобильного. С похмелья Валентиныч сипел, как водопроводный кран без воды.

— Скажи честно! Только честно, Теодор, понял? Вот... Вот то, что было... То, что, как мне кажется, было... Это правда было?

— Э-э-э... Тут... Просто...

— Понятно. Значит, было. Миленко. А и хрен с ним! Плевать! Плевать мне на них на всех!

— Ну...

— Да кто они?! Что они?! Болото! Болото, понимаешь?! Они... Это они засосали меня. Затянули! Из-за этих вот всех я уже... забыл, как пахнет лак, пахнут краски. Хоть все заново!

— Да что ты такое говоришь-то!

— А вот то и говорю! Скоты! Ладно, отдыхай!

И он отключился, не дожидаясь утешительных комплиментов. Я шел и думал, чего больше в этом самобичевательском откровении — удрученности вляпавшегося в кризис творца или профессионального кокетства политика. Запах он забыл! Его даже я забыть не могу — особенно после той коробки.

Нога зависла над ступенькой. Я снова полез за телефоном.

— Слушай, Валентиныч! У меня тут мысли! Только по другому поводу — насчет рисунков этих...

Молчание. Как будто прозвучало что-то неуместное.

— Я подумал... А тебе не могли их прислать? У тебя такая гора этой почты...

Молчание.

— Ну, вдруг откуда-то из нее все это...

Молчание.

— Коль, ты там?

Молчание.

— Коля! Алло!

И тут откуда-то издалека, тихо-тихо, точно с другой планеты:

— Это мои работы, Федя. Мо-и.

Мобильник просигнализировал: разговор окончен. Что ж, твои так твои! Сам в себе копайся.

Так я позабыл про те рисунки. Прошел месяц. Два. Три. Лиза вернулась со «старшинства», зима с костяной ногой прохромала мимо. Вновь шириющиеся небесные прогалины настолько кружили всем головы, что даже моя бывшая звонила дважды по каким-то никчемным поводам. А к апрелю окончательно оклемался лещ — и мы с приятелем устроили волжский выезд. На

обратном пути его пропахшая рыбой машина вдруг стала саботировать приказы. Проезжий доброхот вынес вердикт: «Мозги накрылись. Ищите тягач...» И неопределенно махнул в сторону группки плоскокрыших домов мышинового цвета, сгрудившихся по ту сторону дороги: «В Озерный Край суньтесь». Та самая белая коробка вдруг выплыла у меня из памяти, как подлодка из морской пучины. Вот он какой, стало быть, край этот!

Поселок состоял из трех улиц, самая длинная из которых — кто бы мог предположить! — звалась Центральной. А вот озер поблизости не наблюдалось. В семь утра здесь было так покойно и тихо, что несчастье с машиной уже через минуту стало казаться чем-то далеким — почти позавчерашним. Сколь долго ни бродили мы по этой благословенной глуши, ничего похожего на тягач найти так и не удалось. Зато на окраине поселка, у самой трассы, нежданно отыскался автосервис. Его работники, преисполненные утренней неги, поначалу открещивались от любых квалификаций, но пара солидных купюр выявила в них мастеров мирового уровня. Захворавшее авто загнали в бокс, а нам велели ждать до обеда. Блукая по улицам, мы подошли к местной почте. И поскольку прочие достопримечательности Озерного Края — магазин и музыкальная школа, также исполнявшая роль Дома культуры, — были уже осмотрены, у нас не нашлось оправданий, чтобы исключить почтовое отделение из экскурсионного плана. Правительница его, тучная женщина с длинными седыми волосами, собранными в пучок, полистывала книгу у раскрытого окна — фрагмента умиротворяющей сельской панорамы с полуразрушенным коровником в центре. Где-то за батареей лениво водил пилой сверчок. Рядом с почтовой королевой в полудреме склонила голову юная девушка-помощница. Концлагерный скелет с химической завивкой. Вместе они составляли идеальную комическую пару. Налетавший со стороны коровника пахучий ветерок трепал книжные страницы. Солнце веселилось на стеклах конторок. Хотелось сесть и остаться в этом провинциальном спокойствии навсегда — да стульев не было.

— Эх, — выдохнул я в мирную тишину почты. — И кто у вас тут только депутатам жалобы тачает?

Начальница повернулась к окну задом, и я увидел черное родимое пятнышко, которое всемогущая природа — или с высшей целью, или из праздного куража — с математической точностью разместила на самом кончике ее носа. Скелет устремил на меня рыбий, тупой спросонья взгляд.

— А? — почти хором спросили обе.

— Депутатам, говорю, кто у вас тут пишет? И жалуется на такую райскую жизнь...

Скелет уронил ручку. Лицо начальницы вспыхнуло большезубой улыбкой.

— Жалуется? Ни на что мы не жалуемся. А вам чего, молодые люди? Отправить что хотите или так — свататься к Ленусе моей пришли?

Но скелет не подхватывал эстафету веселья. Спицеподобными руками он шарил под столом, а потом вдруг так резко и неосмотрительно выпрямился, что треснулся плечом о выдвинутый ящик.

— Тише, тише! — все еще прихихикивая, тетка погладила скелета по ушибленному месту. — Не покалечься мне тут!

Сквозь обжигающий блеск стекла я разглядывал Ленусю. Выкарабкиваясь из-под стола, девушка отводила глаза так старательно, что этого невозможно было не заметить. Я подошел поближе к конторке и пальнул в сторону Ленуси как можно более едким и подозрительным взглядом. И вдруг скелет вскочил и проворно ретировался в подсобку. Начальница только плечами пожала:

— Смущаете мне девочку!

Мое любопытство в мгновение ока переросло в изумление. Но тут мобильный приятеля возвестил: машина излечена. Уже на крыльце мы столкнулись со странным существом неопределенного пола. Низкорослый кругловатый человек, едва завидев нас, отшатнулся и поспешил отойти на безопасное расстояние. Лицо его полностью скрывали меховая шапка, непроницаемые черные очки и шарф, намотанный до самого носа, — и это в середине апреля! «Да тут просто цирк уродцев!» — подумалось мне.

Но все-таки на обратном пути я не выдержал.

— Тормозни у почты...

— У-у-у! Не слишком ли юна?

— Не знаю пока...

— Вот это, друг мой, как раз надо знать прежде всего! Побрился бы хоть для начала!

Я вновь взбежал по ступеням солнечного домика. И вновь вдохнул эту ни с чем не сравнимую смесь запахов клея, бумаги и разлуки. Скелет был на месте. Но, едва завидев мою физиономию, опять нырнул в подсобку. Я был раздосадован и заинтригован одновременно. Конечно, это могло вообще ничего не значить. Она думала совсем о другом: о другой истории, других письмах или посылках. Ее могли смущать мы — наши разуха-

бистость и ленивая глумливость, с которыми мы все вокруг оглядывали. В конце концов, не исключалось, что она просто дура и... Да никаких «и»! Дура, а дальше — точка. Не тайная дыхательница, не активистка молодежной своры, а обыкновенная дура со всеми вытекающими.

Но только вопреки расхожим представлениям будни столичного терапевта — пусть и не самого неудачливого! — немногим уступают в монотонности быту чеховских провинциалов. Просто за калейдоскоп лиц и престижность животов здесь принято расплачиваться дополнительными порциями суеты и раздражения, а слова в анамнезе так же мертвы. Наверное, поэтому я и решился поиграть. В детектива или в недоумка-романтика — не знаю. Только мне захотелось, чтобы этот хромой казус вдруг расправил плащ таинственности.

Через неделю я снова напросился в рыбаки — но на этот раз поехали на двух машинах. А по дороге назад я провозгласил автономию: мол, делишки еще есть неподалеку. И, нечувствительный к шпилькам, сбавил ход перед Озерным Кра...

* * *

...ем глаза посматриваю: нет ли их рядом? Делаю вид, что отсчитываю монеты бабушке у метро, а сам посматриваю. Мятый плащ и вязаная шапчонка — они все шли и шли за мной, еще на Дмитровке я их заприметил. Наверняка менты! Или хуже! Как же я бежал от них, как бежал! Дмитровка, Садовое, Тверская, Пушкинская... Брюки разодраны, на куртке липкое пятно. Бульвар, Есенин, Тимирязев, чебуречно-пивной смрад перехода. В одной кроссовке похлопывает: она явно затоплена. Снова бульвар, пара бомжей на лавке — я уже ничем их не респектабельней, да и не лучше, наверное...

Отскакиваю от бабульки и соскальзываю вниз по ступеням «Кропоткинской». В чреве червя, бурящего подземелье, не считаю ни остановок, ни ударов колес по рельсовым стыкам. Я сам — подземелье, которое бурают черви. И в каждом из них — тоже человечек, бурымый червями с еще более мелкими человечками. Соберись, соберись! Хоть кто-то из человечков да должен знать, куда и как ему ехать! Так сразу, напрямик, наверное, нельзя. Сперва до конца, до «Юго-Западной», а оттуда — обратно.

Надо же, я ни разу за всю жизнь так долго не ездил в подземке! Никогда в жизни не бывал под столькими равнодушными взглядами. Спасительные двери разъезжаются на «Комсомольской» — и я наконец выскакиваю. Быстрее, быстрее — к эскалатору и

вверх, вверх! Только завидев пряничное здание Ярославского, перевожу дух. Внутри на табло мерцают красные буквы — деревни, городки, полустанки... Того, что нужно, нет среди них, но я знаю, как добраться — надо только попасть в нужную электричку. Это последний вариант, дальше — отчаяние. Среди окружившего меня роя названий я начинаю искать одно — «касса». И бросаюсь в толпу, осадившую это крохотное ок...

* * *

...но почты светилось целый час после закрытия. Ну кто видел анестезиолога, который тусовался бы в операционной еще час после того, как больного увезли в морг?! Или пилота, который столько же времени торчал бы в кабине лайнера, хотя все пассажиры давно ушли? А может, вам знаком сантехник, которому было бы по кайфу поплавать в канализационном коллекторе просто так — не дела ради, а удовольствия для? Вот и я не понимал! Начальницы нет, клиентов — тоже, письма забрали, штампы проставлены, пролитый на стол клей высох и сковырнут ногтем — чем еще заниматься? Но Ленуся не появлялась. Я вдоволь нагулялся по окрестностям — то один, то в компании все того же бесполого существа в дутой куртке и темных очках. Оно, надо полагать, обитало в одном из соседних домов, а потому периодически маячило на противоположной стороне улицы. И чем свежее становился вечерний воздух, тем сомнительнее и бесперспективнее представлялось мое предприятие. Одно утешало: завтра — выходной, а дома все равно делать нечего.

Но вот она выплыла. Разодетая и раскрашенная в пух и прах. Не иначе как на прием к британскому послу собралась. По-деловому застучав каблуками, направилась к остановке. Я — следом. Уже хотел протянуть руку, чтобы тронуть ее за какое-нибудь приличное место, но тут у обочины с лязгом затормозил автобус. Ленуся бросилась к нему, как к возлюбленному после долгой разлуки. По инерции я побежал за ней и, еще не успев толком осмотреться и что-то сообразить, оказался в душном салоне. Тот, кто хоть раз ездил вечером на крошечном 33-м от Озерного Края до Кокшина, доподлинно знает: ни дальневосточные сардины, ни незабвенная килька в томате не вправе роптать на судьбу. Им в банках куда просторнее. А тут чуть зазевался — и можешь лишиться пары ребер. Не успел спрятать пакет с покупками между ног — и вот он уже похож на использованный презерватив. Не начал за двадцать минут до своей

остановки сучить ногами и месить локтями живую массу — и не видать дома: укатишь в Чеславль и вовек не вернешься.

К счастью, ехать в этой апокалиптической давке пришлось недолго. За одну остановку до Кокшина автобусик срыгнул часть пассажиров, среди которых оказался и объект слежки. Я тоже выпрыгнул на диво удачно, не столкнувшись с дверью, не порвав одежду и даже — о чудо! — ничего себе не сломав. Все освобожденные сразу же повернули направо, в сторону окраины Кокшина. Ленуся, которую, видно, лишь десница Божия всякий раз хранила от гибели в толкотне, направилась туда же. Но тут я все-таки успел ухватить девчонку за руку. Ее мгновенная дрожь, казалось, передалась и моему телу. Думал — закричит. По крайней мере, смотрела так, точно я собираюсь здесь же, на месте, убить ее, расчленить и грязно надругаться над каждым куском.

— Чего вам?

— Подождите!

— Отпустите меня!

— Да подождите же! Вы меня не помните?

— Помню. Чего вам?

— Извините, что я вот так! Просто никак не мог вас на работе застать. Я насчет одной посылки...

— Оставьте вы все меня в покое! Я не знаю ничего ни про какие посылки!

— Но мне показалось...

— Говорю же: мы ничего не знаем! Почему вы все ходите и спрашиваете? Достали!

— Кто все? Что — кто-то еще приходил?

— Приходит! Такой же ненормальный!

— Но кто?

— Откуда я знаю!

— Да как он хоть выглядит?

— Такой же, как ты, — чокнутый! Да отцепись, или я закричу!

Она вырвалась и побежала за удалявшейся от шоссе толпой.

— Ну хоть приблизительно? — крикнул я, подавшись было за ней.

Не оборачиваясь, она припустила еще быстрее. А я твердо решил, что теперь не отстану. Не сегодня — так в другой раз! Меж тем фонари, поначалу робко мерцавшие, всюду расцвели желто-белым, ясно давая понять: время импровизаций прошло. Я повернулся к остановке на другой стороне дороги. И откуда-то сверху хищной птицей налетел ужас, почти прижавший меня к земле и стиснувший горло. Рядом с остановкой стояло суще-

ство в дутой куртке. Впрочем, стояло всего лишь миг. Едва заметив, что его обнаружили, оно поспешно зашло за размалеванную граффити стенку стального каркаса — туда, где самые лихие пассажиры обычно оставляли пивные бутылки, справляли нужду или проблемывались.

Я не хил и не тщедушен: все-таки армия за спиной. А после практики в тюремной больничке испугать меня крайне сложно. К тому же человек на другой стороне дороги был, наверное, на две головы ниже и вообще мог оказаться женщиной. Но внутри точно кто-то стоп-кран рванул: я был не в состоянии двигаться. И не сомневался, что странное и дикое создание поджидает меня с глубиной наперевес. Ну, или с ножом в кармане. Но тут мне несказанно повезло: из леса вышли двое забуддыг и направились в сторону той же остановки. Я перебежал дорогу и — с алкашеским эскортом — подошел к страшному месту. Никого. А уже в автобусе мне вдруг сделалось смешно: с чего я, в самом деле, решил, будто это двуногое живет в Озерном? Может, из Озерного оно как раз ехало к себе домой? Да и судя по виду, это местный дурачок или дурочка. И вполне возможно, что испугалась «куртка» еще больше моего. Просто я был слишком занят собственным страхом, чтобы это приметить.

Но я заблуждался — глупо и глубоко. Уже дня через четыре — я даже не успел снова наведаться к Ленусе — «дутый» возник на детской площадке напротив моего подъезда. Да-да, в Москве! Он сидел под деревянным грибочком и смотрел прямо на мои окна. На этот раз я легче пересилил страх: вокруг была родная вотчина, а в прихожей — увесистый молоток. Сперва хотел взять нож, но он — орудие роковое, двусмысленных положений не терпящее. Впрочем, их и не возникло: «дутый» опять исчез до того, как я выбежал. И опять бесследно: даром я дважды обошел вокруг дома. Кто этот странный шпик, было трудно даже представить. Деньги мои — не то чтобы сногшибательные, враги — не то чтобы лютые, а репутация — не то чтобы сомнительная. Я понятия не имел, с чьей зоной интересов вдруг пересеклось мое куцеватое жизненное пространство. Уже не вспоминались ни Ленуся, ни история с посылкой Валентиныча. Я стал то и делс оглядываться — во дворе, на улице, в автомобильных пробках... И все чудилось, что откуда-то из самой гущи народа, из окон ближайшего дома, из машины, стоящей прямо за моей в бесконечной очереди безумцев перед МКАД, и из-за каждого второго дерева в соседнем парке вечно устремлен на меня напряженный, внимательный взгляд. Расслабиться теперь получалось

разве что дома и у друзей — да и то лишь потому, что у себя я наглухо задергивал шторы, а с друзьями принимал по двести.

Два раза казалось, что я и вправду заметил поблизости голубую дутую куртку, но, бросившись за нею, настигал пустоту. Не помню уже, сколько это продолжалось — может, недели, может, и месяцы... По крайней мере, до тех пор, когда теплым вечером — летним уже де-юре и де-факто — я на выходе из клиники просто-напросто не воткнулся в эту самую куртку подбородком. Внезапность оглушила: не успел и испугаться толком. Ушанка и громадные очки а-ля мистер Икс, столь долго тревожившие воображение, вдруг сами собой возникли прямо перед глазами. А затем куда-то отпрыгнули и — когда я только начал осознавать, что происходит, — понеслись прочь. Судя по скорости, которую развил этот невысокий, коренастый человечек, он тоже был ошарашен. По счастью, я быстро пришел в себя. Неоновые отражения в лужах, рев снующих по улицам машин, гомон пьяных от июня компаний — все это помчалось мимо под барабанный аккомпанемент сердца. Только бы не отстать, только бы продолжала трястись перед глазами эта ушанка! Человечек бежал, как бегут от возмездия, — не оборачиваясь, втянув голову в плечи. Его шарф размотался и теперь висел сзади косматым хвостом. Прохожие изумленно оборачивались. Красные фигурки на светофорах требовали неукоснительного подчинения, машины гневно гудели, но, игнорируя их, мы оба прыгали по дымящемуся после ливня асфальту. «Куртка» устремилась вверх вдоль шоссе, яростно протискиваясь сквозь стекавшую к метро толпу. Я вроде был все ближе и ближе, но всякий раз, когда мне оставалось сделать последний рывок, протянуть руку и ухватить человечка за воротник или рукав, откуда ни возьмись наплывала гряда торопливых людей, начиналась толкотня — и человечек вновь ускользал.

И вдруг он свернул в полупустой переулок. Я напряг последние силы и... передо мной захлопнулась тяжеловесная дверь какого-то заведения. Беглец проскользнул-таки внутрь. Рванув за латунную ручку, я оказался не то в кафе, не то в ресторане. Играла музыка, за столиками трапезничали, а в конце зала отчаянно суетился мой «герой»: он продирался через чашу стульев, ища другой выход. Неосторожным движением «куртка» смахнул с носа очки, и теперь я совсем отчетливо увидел, что это мужчина — с полными, гладко выбритыми щеками. Сидящие вокруг подняли головы от тарелок и смотрели на него, точно на диковинное блюдо, которое проносят мимо официанты. Я

Резко остановившись, я едва не сел на кого-то вер...

* * *

— С ним что-то не так?

Парень хмурится еще больше. Его лицо уже как испорченный персик.

— Нет, может, все нормально... Ну пройдемте, пройдемте! Так положено.

Я поднимаюсь. Парнишка торопливо семенит к выходу. В тамбуре кисеей висит сигаретный дым.

— А что может быть с этим билетом? — говорю я, но контролер даже не оборачивается. Хлоп! — и он скрывается за железной дверью в другой вагон. А обе мои руки стискивают крепкие клешни.

— Тих-тих! Не надо голо...

* * *

...сидеть у угловой компании получалось громче всех. Пили, тостовали, жевали, держались за руки, смеялись, заглядывали друг другу в глаза, как в последний раз. А я не знал, куда себя деть. Минуты текли — гигантские, нерасторопные, чужие. Заказал кофе — больше для отвода подозрений, — но даже не пригубил и только терзал дрожащими пальцами пакетик с сахаром. Стул был самым удивительным из всех, на которых мне доводилось сидеть. Хотя я не вставал с места час, а может, и полтора, спинка его — стальная спинка с рококошными завитушками — так и оставалась ледяной. Стоило только откинуться на нее, как начинало знобить. Толстый человечек ни разу не обернулся. Но он знал, что я здесь. Он смотрел на меня своей ссутулившейся спиной и складчатым, коротко стриженным затылком. И видел, и замышлял что-то. Все визжало: за столиками — полутрезвые дамочки, за стенкой — бодрые кухонные, предвкушающие близость закрытия, в колонках под потолком — скрипки виртуозов, а внутри меня — разум, поранившийся обо что-то неподвластное его привычным приемам. Толстяк не снимал куртки: видно, несмотря на горячительное угощение, его здесь знобило так же, как и меня. На вид я дал бы ему не больше сорока. В основном глядеть приходилось на его лысину, но когда он поворачивался в профиль, можно было заметить, что он курнос и румян. Многие, поднимая бокалы, многозначительно посматривали на толстяка, но тот не выказывал ни малейшего удовольствия от здравиц. Наконец медленно, точно сгибаясь под давлением всеобщего гвалта, мой визави поднялся. Я, как мог, напряг слух, надеясь, что он будет говорить хоть немного громче остальных, а шум в зале поутихнет. Но толстяк только что-то крикнул себе под нос, помахал указательным пальцем, а затем вдруг метнулся в мою

сторону, на ходу натягивая ушанку. От неожиданности я едва не шмякнулся со стула, но толстый пробежал мимо и даже не скосил взгляда. Качнув стол, расплескав нетронутый кофе, я ринулся к выходу. И уже в дверях вспомнил, что не заплатил. Карман, кошелек, нужная купюра, снова злополучный стол...

В общем, когда я выскочил на улицу, искать там опять было некого. Наудачу я пробежал в глубь переулка, но, естественно, ни души не обнаружил. Сунулся через арку в какой-то двор, но и его нашел пустым и тихим. Шука сорвала блесну и ушла в камыши. Я потерял сон и начал расставлять сеть.

И он попался. Через две недели — на детскую уловку. По вечерам я включал в квартире свет, музыку, телевизор — будто бы отдыхаю дома. А сам в это время сидел в кустах под окнами. меховую шапку невозможно было прозевать. И я не прозевал: когда он в очередной раз направился к заветному грибочку, я пулей вылетел наперерез. Он отпрянул так неловко, что споткнулся и сел задом в траву — еще сырую после соития с летним ливнем.

— Вот дьявольщина! Ну всегда так, — бормотал человечек и силился подняться. Но, заметив, что я подошел почти вплотную, вдруг выставил вперед коротковатые, пухлые руки и вскрикнул:

— Ни шагу, ни шагу больше! Вы и так все прекрасно видите!

Нет, этот господин оказался вовсе не страшен. Он был скорее потешен — и потешность кратно росла с каждым жестом, которым он хотел придать себе строгости. Даже я, как ни был встревожен и сбит с толку всеми событиями, все же сделал над собой усилие, чтобы не улыбнуться. Низкорослого, пухлого, неуклюжего — этого субъекта, казалось, и подросток мог свернуть в крендель. Наверное, поэтому я и не стал сразу наседать: немного доблести было бы в том, чтобы, ухватив толстячка за шкуру, одним движением вытрясти из него все человеческое и превратить в ополоумевшего от ужаса хомяка. К тому же мне хотелось прежде понять, кто это, а уж потом записываться к нему во враги.

Пухлый господинчик между тем встал. На носу его по-прежнему поблескивали исполинские солнцезащитные очки — хотя все вокруг давно плавало в ночном мраке. Из-под ушанки, как непослушный локон, выбился вопрос.

— Вы... вы... вы, наверное, догадываетесь, что я неспроста вас искал?

— Стал бы я так бегать за вами, если бы хоть о чем-то догадывался...

— Но все-таки вы меня вспомнили!

— Я — вас? Это что — шутка?

— Ой, ну ладно, ладно, не прикидывайтесь!

— Знаете что, уважаемый?! Во-первых, я ни хрена не вспомнил, а во-вторых... вам не кажется, что при вашей комплекции вам лучше быть повежливей? — Мне отчего-то казалось, что я разговариваю не с ним, а с собственным отражением в непрозрачных стеклах его очков.

— Повежливей... Повежливей... — он, точно ребенок, повторял за мной последнее слово. — Да, конечно. Извините. Просто я думал, вы притворяетесь.

— Как это — притворяюсь?

— Ну, вот так. Делаете вид, что мы не знакомы.

— Разумеется, мы знакомы. Я целых семь раз видел вашу куртку. Мы старинные друзья!

— Но вы же должны...

Я схватил его за воротник.

— Слушай, мне надоело здесь с тобой расшаркиваться! Говори, какого лешего ты за мной везде ползаешь? Чё те надо?

На мгновение толстяк замер, как глухонемой, не понимающий, что ему втолковывают. А затем — два внезапных, порывистых движения, и очки с шапкой оказались на земле. Обнажились испуганные, добродушные голубые глаза и рыжие волосы, обреченно теснящиеся по краям лысины.

— Неужели вы меня совсем не помните?

С этим милым, трогательным рохлей невозможно было быть злым.

— Я вас впервые вижу, Дмитрий.

— Впервые видите, но называете имя...

— Не я его называю. Его назвали ваши друзья. Тогда в кафе. Быстро вы от них смылись. Они обиделись, наверное.

— Никакие они мне не друзья. Я вообще понятия не имею, кто эти люди.

— Да ну! Обознались?

— Можно сказать и так...

— «Можно»? Дмитрий, в моей жизни в последнее время и так многовато странностей, и я не собираюсь ...

— Я не Дмитрий!

— А кто ты тогда, палки-елки?! — Я снова почувствовал в предплечьях тот нервный зуд, что может в любой момент начать искать себе выхода.

Толстяк сорвал с себя шарф — последнее, что закрывало его лицо.

— Ну посмотрите, посмотрите внимательней! Вы должны хоть что-нибудь вспомнить!

Его взволнованность была столь искренней, что на миг мне даже померещилось, будто и вправду мелькнуло в этом гладком розоватом лице что-то отдаленно знакомое. Но, приглядевшись, я окончательно уверился: не знаю я его. Не знаю до такой степени, что даже неудобно.

— Мне жаль. Ничего не вспоминается. У меня травма головы была. Наверное, это из-за нее...

Толстый вцепился мне в рукав, а его глаза, до этого полные страха, вдруг стали пытливо вглядываться в мои.

— Невероятно! Невероятно! — повторять слова, видимо, было его болезнью. — Вы Богом мне посланы. Травма, травма... А что за травма? Расскажите!..

— Я что-то и так многовато рассказал! А от вас еще ничего не услышал. Раз уж вы оказались не Дмитрием, так, может, для начала представитесь?

— Да, да, разумеется! Меня... меня зовут Женя. Евгений... Сей... сейчас... сейчас я постараюсь объ...

* * *

...снить вам ваше положение? Шлялся где-то три дня, на вызовы не являлся... Вы вообще знаете, что за это бывает?

— Вот только не надо, ко всему прочему, в таком тоне! Если у вас есть в чем меня обвинить — обвиняйте. Нет — извиняйтесь! То, что вы делаете, — чистой воды произвол!

Серые, водянистые глаза следователя не отрываются от меня, тогда как его тело медленно поворачивается на кресле. Влево — вправо, влево — вправо.

— Ну вот. Снова корова. Мы вам услугу оказали, уважаемый. Вы представляете, что могло бы быть, если бы первыми вас нашли не мы?

— А кто же, любопытно? Марсиане?

— Вы его знали не один год. Знали, знали! Глупо отрицать. И вам было известно, что он не в ларьке жвачкой торгует. У него, между прочим, фонд, а фонд — это деньги. Много людей заинтересованных. Я понятно изъясняюсь?

— Относительно.

— Ну, а раз так, то повторяю: давайте вы лучше нам сами расскажете — чтобы без лишних неприятностей.

— И что же я должен рассказать?

— А все. Для начала... Для начала, куда вы ехали сегодня,

когда вас выловили? — И он торжественно водружает подбородок на постамент сцепленных рук.

А может, правду ему? Сразу всю. Интересно, кто раньше прискачет — конвой или санитары из Кашенко? А еще лучше — выбежать. С разгону пробить коридорное окно и по пояс высушиться в осеннюю промозглость. Нет, промчаться по ступеням куда-нибудь в подвал и опустить голову в шумящий ржавой водой унитаз. Да что угодно, только бы освободиться от этих глаз-студней, обмазывающих тебя чем-то липким!

— В область.

— Куда именно? Зачем?

— Рыбачить мне там нравится.

— Что-то удочек при вас не было.

— А я по дороге кусты ломаю.

— Вы, я вижу, опять ничего не поняли. Может, задержание оформить? Посидите, подумаете.

— Помилуйте, за что?

— Почему не являлись по нашим вызовам? Где вы вообще были все это время?

Вопросы, которые большинство людей с избытком наполнило бы гневом и возмущением, следовательно произносил голосом автомата, объявляющего точное время. Такому самообладанию любой позавидует. Держись, держись, будь достойным противником! Они не знают! Иначе он давно сказал бы.

— В себя приходил...

— Станный способ приходиться в себя — сбежать из дому и нигде не показываться.

Я опускаю голову.

— Ладно. Вы были одни в фургоне в момент аварии?

— Уже двадцать раз всем отвечал. Да, я был один.

— Чем подтвердите?

— Ничем, наверное.

— Вы понимаете, что вам может светить причинение смерти по неосторожности? И это не в худшем случае.

— Я же говорю: я не знаю, кто это и как он там оказался! Когда пришел в себя, это... тело уже там было. А кто это? Северцев?

— Вы лучше о себе думайте, а не о теле. Кстати, о Северцеве. Когда его машина там появилась?

— Не знаю. Ее я тоже увидел, только когда очнулся.

— Скажите пожалуйста, какое совпадение! В столь ранний час он вдруг решил покататься по лесу...

— Это не совпадение. Я ехал к Николаю Валентиновичу на дачу. Видимо, он забеспокоился, когда заметил, что меня долго нет. И поехал навстречу.

— Н-да? А что это вы ездите по гостям так рано?

— Он часто меня вызывает внезапно. Звонит — и все. У жены... у бывшей жены его спросите.

— Мы спросим, спросим. И вообще, еще вернемся к этой теме. Теперь о другом. Вы точно помните, когда потеряли сознание?

— Ну да. Когда фургон перевернулся...

— Странно. Вас ведь на дороге нашли. В девяти метрах от фургона, если уж говорить совсем то...

* * *

...чно в шпионский роман попал. Нос морщился от кислого запаха обмана, подставы, разводки, кидалова — всего, что могло стоять за этим странным человеком. Но его неуклюжесть и пришибленность подкупали вернее документов. Что-то оглушило его куда больше, чем меня: он смотрел — и не видел, двигался — но не сознавал куда, слушал — но упускал суть... Все твердил: «Невероятно, невероятно!» — до тех пор, пока не произнес это слово раз восемьдесят. И вот, мы — в темном салоне, а мой новый знакомец укутался в молчание, сосредоточенно глядя на свое приплясывающее колено. Когда я уже раскрыл было рот, чтобы вытащить из него хоть кроху обещанных разъяснений, он заговорил сам. Уже не запинаясь и не делая пауз. Так либо пересказывают давно заученный текст, либо изливают то, что годами разъедало изнутри.

— Я родился в обычной семье. Рядовой советской, как тогда говорили. Отец — инженер-проектировщик, мама — библиотекарь. Все должно было быть как у других — и детсад, и школа, и университет, а может быть, армия... Должно было, но не стало. Когда мама была мною беременна — примерно на пятом месяце, — у нее на работе затеяли ремонт. В одном из хранилищ прорвало трубу, и пока сотрудники боролись с потоком, мама случайно схватилась рукой за оголенную проводку. Даже сознание потеряла. У нее потом до конца жизни дергалась рука и постоянно были мигрени. Но вот беременность, роды — все прошло почти идеально. Проблемы начались после. Причем не со мной, я-то здравствовал. Что-то случилось с окружающим миром. Когда меня принесли на кормление, сестра, поглядев на мое лицо, вдруг сказала: «Ой!» И едва не забрала меня назад. Ей

показалось, что она перепутала младенцев и дала маме не того ребенка. На другой день меня пыталась схватить нянечка, которая убирала в палатах. В слезах она умоляла маму отдать ей меня, потому что я якобы был ее внуком, а вовсе не маминым сыном. А когда мама заметила, что врач тоже посматривает на меня и на нее искоса, то тут же выписалась — можно сказать, сбежала. И почти год не спускала меня с рук.

Отец ушел сразу. Отчего и почему, я так и не узнал: мама говорить не хотела, а больше спросить было не у кого. Мы ни с кем не общались — даже наоборот: избегали всех и вся. Стоило маме появиться на улице со мной, как начинался бедлам: кто-то бежал за ней следом, осыпая проклятиями, кто-то вопил «Милиция, милиция!», кто-то, наоборот, пытался обнять нас обоих, расцеловать и увести неведомо куда...

В общем, я был обречен на плен замкнутого пространства, мама — на вечный страх, и мы оба — на скитания. Она уволилась, и из Ленинграда мы переехали в Торжок. Потом была деревня где-то под Тверью. Все в ней было серым — и дома, и дороги, и, кажется, даже люди. Раз я, четырехлетний пацаненок, наплевал на все наказания и страдания — да и выскочил из дома. Немногие похвалятся тем, что помнят свой первый страх. А я помню. Мой первый страх — это бородатый дед в драной шляпе. Он поднял палку и с хрипом погнался за мной. Как позже выяснилось, старикашка посчитал меня тем самым недорослем, который пару дней назад удавил его кошку. Мама так и не убедила его в том, что я молод для такой миссии. А вслед за дедом всполошились и все прочие: их смущал странный ребенок, который нигде не показывался.

В итоге мы уехали и оттуда. Была еще деревня, потом — поселок городского типа... Именно в поселке я сделал главное свое открытие: если одеться потеплее и держаться от людей на почтительном расстоянии, ничего не происходит! Они не обращают на меня ни малейшего внимания. Главное — не останавливаться около них надолго. Подбежал — отбежал, подскочил — отскочил! Так я, собственно говоря, и живу до сих пор. Открытие мое тогда поразило маму даже больше, чем меня самого. Она осознала, что надо что-то делать — разбираться, выяснить, наконец, что со мной такое! Мы перебрались под Москву — мама устроилась уборщицей в Первую градскую. Все вынашивала планы кому-нибудь меня показать: понимала ведь, что я — какой-то уникальный случай если не планетарного, то уж точно национального уровня. Но как показать? Это ведь все равно что хранить дома краденый шедевр Рембрандта

или Рублева. В одиночестве наслаждайся им сколько хочешь, расскажешь кому-то — и жизнь закончится. Она пробовала почитать что-то по эндокринологии, неврологии, дерматологии... Но чтобы получить хоть какие-то ответы, требовались исследования — а для них у нее не было ни возможностей, ни базы, ни знаний. И здоровья, кстати говоря, тоже не было...

Здесь его голос вдруг затрепетал, как догорающий в ночи костер.

— Она... она... — он пытался продолжить, но только всхлипывал.

Я молчал, не зная, что говорить и делать.

— Вы поймете меня, — наконец произнес он, немного успокоившись. — Кроме мамы, я почти ни с кем не общался. Если и решался заговорить с людьми, то по крайней необходимости — на бегу, на расстоянии, обрывочно. Они едва слышали меня. Почти все, что я знаю о мире, — все это из книг, из газет... Но они были лишь окнами в мир. Как на выставке: смотри — да не трогай! А мама стала дверью. Она оберегала на улице, утешала дома, научила тому немногому, на что я способен в жизни. Еще молодая, она пожертвовала всем, чтобы хоть как-то помочь. Это от нее я узнал, что люди на самом деле не такие... Что они не злы, не агрессивны, и это все оттого, что я пока не совсем здоров. Но я поправлюсь — она не уставала говорить мне это! — и все встанет на места. У меня будут друзья, коллеги, любимая девушка. Уже шестнадцать лет, как мамы нет, но до сих пор почти каждый вечер ностальгия по ее тихому, мягкому голосу... Иногда даже не верится, что я смог прожить эти годы без ее забавных историй, без ее мятного печенья, без ее вечного оптимизма, на который — о, теперь я знаю! — мне не следовало слишком полагаться.

Мама раздобыла какую-то справку об инвалидности, которая уберегла меня от школы — и я сидел дома. Дружил с книгами, прилеплялся к телевизору. Пока однажды мама не принесла из книжного коробку с гуашевыми красками. Как сейчас помню: она три рубля стоила, мама их выиграла в лотерею. Тогда в книжных крутили такие пластиковые барабанчики с билетами — и при удаче можно было получить деньги на покупку.

Краски и кисти сообщили мне, чему отдам жизнь. Ясное дело, учителей у меня не было. Но были учебники, были репродукции и — что важнее всего! — была уйма времени... Я часами разглядывал известные полотна — вникал в тайны игр света и тени. Лишь кое-что потом смог увидеть в подлиннике. Да, пять или шесть раз в жизни мне удалось побывать в музеях: в будни,

утром, обманув билетерш и гардеробщиц... Ну вот. А в той больнице я побывал всего раз. Как-то мама познакомилась с одним старичком-профессором. Не знаю, клеился он к ней или просто проникся. Но через какое-то время она все-таки решилась меня к нему отвести — поздно вечером, со всеми предосторожностями. Старичок был радушен. Он с улыбкой нас встретил, долго говорил с мамой, они смеялись. А потом старик вдруг подошел ко мне поближе — и его улыбка исчезла. Не успела мама двух слов ему сказать, как он сел на диван и больше уже не глядел в мою сторону. Потом попросил воды, а еще через несколько секунд повалился на бок. Мама быстро вывела меня и побежала куда-то по коридору... Как я понял потом, у старичка приключился сердечный приступ. Вы догадываетесь, что больше меня никто не обследовал. Гипотезы так и остались гипотезами: мой организм работает как-то по-особенному, но как именно — не известно до сих пор. Я невольно провоцирую людей на воспоминания. Естественно, у всех они разные, но я присутствую в каждом. Те за столом, которых вы моими друзьями назвали... Кем я для них только не был! Один заявил, что я Димон, с которым он в ПТУ учился. Другой — что ходил со мной в музыкальную школу, которую мы на пару ненавидели. А какая-то дамочка визжала, что я был ее первой любовью и вообще никакой я не Димон, а самый натуральный Аркаша. Хорошо, что они уже здорово накачались и на все класть хотели. Да и воспоминания оказались безобидными. А то иной раз скандалы выходят: то я глаз кому-то выбил, то пять тысяч не вернул... И самое страшное: чем дольше я рядом с человеком, тем больше образов он в себе воссоздает. Посиди я тогда за столом еще, каждый припомнил бы и наше общее детство, и хулиганскую юность, и — не знаю! — может, любовный треугольник на первой работе. Все, что могло случиться со мной, но не случилось.

Два-три раза судьба сталкивала меня с людьми нос к носу и не позволяла бежать. Как-то застрял в лифте с пожилой женщиной. И выслушал от нее невероятно трогательную историю о брате, пропавшем еще во время Великой Отечественной. Было очевидно: мне слишком мало лет, но у нее даже сомнений не возникло. Рыдая, она рассказывала мне о наших смоленских годах, о крошечном одноэтажном домике, в котором мы жили, о том, как ушел на фронт отец, как началась оккупация, как погибла наша мать, как мы потеряли друг друга... Но лифт все не трогался, помощь не приходила — и понемногу женщина вспомнила, как мы встретились в 70-х. Как я познакомил ее со своей семьей, как

мы навешали друг друга, как мечтали купить дом с участком, чтобы жить всем вместе — одним родом... Как потом заболела и умерла моя жена, как уехал за границу сын, как я переехал жить к сестре, как мы дружно прожили долгие годы, как сегодня она отправила меня за кефиром, а я не купил — почему, кстати, Пашенька?.. И слова, слова ее звучали так искренне, что на какие-то мгновения я задумывался: а может, это у меня галлюцинация памяти? Может, это я не помню, кто я и что? Может, и вправду обрел я сестру, которую теперь признать бы да и зажить по человечески — как все, то есть? С тех пор предпочитаю ходить по лестнице.

— А вы ни разу не пробовали... ну, как-то использовать свой дар, что ли?

— Использовать что?! Дар? Вы называете это даром?!

— Я не то хотел сказать. Не пытались ли вы обратить все это себе на пользу?..

— А какая тут может быть польза? Представьте человека с пистолетом в руке. Он куда-то целится. На что в этой ситуации может повлиять курок? На направление выстрела? На скорость пули? На судьбу мишени? На что?! Понимаете, я — курок. Спусковой крючок. Триггер. Я не могу влиять ни на кого, даже на себя. Только запускаю чужие ржавые механизмы. Как они работают и где остановятся, мне не то что предопределить — знать не дано! Каждый раз, оказавшись близко к человеку, я весь холодею и молюсь о том, чтобы он не почувствовал моего присутствия. И не узнал во мне давнего и лютого врага. А вы говорите — дар!

— С чего же вы живете?

— О! Хвала эпохе интернета: чтобы найти прокорм, нынче не нужно и входную дверь открывать. Детям информационного общества рукопожатия однажды станут вообще не нужны. Я, знаете ли, дизайном промышляю. Много чего делаю, в основном для других и за других — но на хлеб хватает с избытком. Впрочем, иногда и для себя кое-что пописываю. Во всех, кто живет в неодушевленном мире, рано или поздно просыпается самомнение творца...

— Так эти рисунки...

— Вот! Догадались. Да, это я их ему прислал. Долго с собой боролся, но все-таки не победил. Я жил этим столько лет, а толком никто живопись мою и не видел — так, в сети разве что. А ведь хочется, чтобы все было по-настоящему. Чтобы холсты, чтоб вернисаж! Пусть меня там не будет, пусть я останусь инкогнито. Но все-таки что-то живое! Вот я и решил ему отправить некоторые вещи: как-никак, большой художник...

— Непонятно только, зачем вы копировали его стиль? Он даже по ошибке принял эти работы за свои...

— Вот как?! Ну, должен же я был привлечь его внимание! Не так уж я и копировал. Просто сделал в похожей манере...

— Странно. Мне тоже показалось, что эти работы — его. Между прочим, из-за них он порядочно психанул...

— Ого! Ну значит, в них все-таки что-то есть! — мой знакомый, казалось, даже немного повеселел. — Ну, ну! Что он сказал?!

— Что-что... Хорошие работы, сказал. Даже очень.

— Ай, не зря я все-таки дежурил у почты в Озерном!

— И пугали Ленусю...

— Не знаю, кого я там пугал, кого не пугал... Важно, что ответ на мое послание пришел. И какой! Что работы — мне послали вы! Мы с вами можем разговаривать! А я так долго к вам подбирался! Как узнал, что вы тогда интересовались моей посылкой — все искал случая, чтобы хоть что-то про вас узнать. Или лично спросить — с безопасного расстояния. А оказалось — даже расстояния не нужно!

И он прикоснулся к моему локтю — с той смесью робости и игривости, от которой мужчину охватывают лишние подозрения. А на меня и без них свалилось столько пищи для размышлений, что мозг попросту не справлялся. Срочно таблетку! Я барабанил пальцами по рулю и шурился, точно подслеповатый, хотя никуда конкретно не глядел. Ко всему услышанному подходили любые определения: «захватывающее», «потрясающее», «изумительное», «ошарашивающее», «пугающее»... Вот только слово «правдоподобное» не цеплялось ни с одной стороны. Успокоившись, толстяк неторопливо обводил меня взглядом — художник, очерчивающий контур натуры. И все так же растягивал лицо в улыбке.

— А знаете, я рад вашему замешательству. Несказанно рад. Когда мы шли к машине, я подозревал, что вы меня обманываете. Все-таки вспомнили — и теперь просто притворяетесь. А сами... сами замышляете что-то. Но нет! Мы уже век рядом про-вековали. За это время я становлюсь либо родным и близким, либо заклятым супостатом, которому пасть рвут. А вы — надо же! — все так же в недоумении.

— В последнее время это мое привычное состояние. Так что не обольщайтесь.

— Все звучало недостаточно убедительно?

— А хоть что-то в этой истории может так звучать? Красиво —

да. Местами даже литературно. Но доказательств — ни единого. Для меня, по крайней мере.

Он продолжал весело на меня глядеть.

— Чему вы улыбаетесь? — спросил я, доставая из кармана заветную коробочку.

— Ничему. Просто впервые в жизни сталкиваюсь с тем, кто мне не верит. Обычно мне верят чересчур опрометчиво. Так что не знаю, как себя вести в таких вот случаях. Хотите — перестану улыбаться?

Таблетка озлобленно скребла пищевод.

— Так какое, вы говорите, расстояние должно быть между вами и другим человеком, чтобы он начал что-то припоминать?

— Полметра где-то, не больше. Но я этого не говорил. А зачем вам?

Я продолжал глотательные движения. Это было похоже на схватки перед родами новой мысли.

— О нет! Вы же не хотите сказать, — он затряс головой. — Нет! Нет, нет, нет!

Таблетка, кажется, добралась до пункта назначения. Я заговорщически подмигнул моему визави.

— Почему нет? Уж это-то для вас не должно быть проблемой...

— Это? Это — проблема всей моей жизни!

— Может быть. Но для меня пока что — только слова.

— Вы понимаете, насколько это мучительно? Это дьявольски неприятно даже в лучшем случае — как там, в кафе. А в худшем...

— Я все понимаю, — соврал я и замолчал. Твердость и только твердость! Никаких дебатов.

— Мне страшно, — произнес он шепотом.

— А чего бояться? Вы со мной. К тому же мы в машине, я даже не буду глушить мотор.

Он опустил голову. Но почти сразу вскинулся — с той нарочитой бодростью, которой человек тшится укрепить себя в тяжелом решении.

— А, к черту! Ради вас я готов на что угодно, — и он снова улыбнулся. — Ну... Ну, пусть будет вон тот, у остановки. В кепке — видите?

— Нет, не надо. Что этот, что те в кафе... Я должен сам выбрать.

Я чиркнул зажиганием и положил на руль ру...

...ки следователя покоятся на гладкой, без единой кляксы и царапины, столешнице, а сам следователь все чаще опускает на них глаза. Он не раздражается, не нервничает, и глубокая, отрешенная задумчивость не перепახала его лоб морщинами. Просто пришел час устать — и об этом твердит черное от осенней ночи окно.

— Значится, так...

Он постукивает ручкой по столу, оглядывая меня с головы до ног и обратно. Точно пытается придумать мне имя или легенду.

— Значится, так! — Бросок ручки на стол знаменует конец его колебаниям. — Придется вам пока побыть у нас. Эту ночь — точно.

— Но...

— С вами хотят побеседовать. Высокое начальство.

Нет, нет, все не должно закончиться здесь! Все не должно рухнуть — вот так, не по моей глупости, не из-за дурацкого случая, а просто потому что эта рыбеглазая блоха решила поосторожничать!

— Я...

— Мы еще не решили, кем вы нам будете приходиться — свидетелем или подозреваемым. Но вы, уважаемый, уже начали бегать — а это нам не нравится. Вот я, допустим, вас сейчас отпущу, и вы опять бегать станете. Поэтому давайте так. В камеру я вас помещать не буду. У нас есть комната, в которой можно поспать. А кто-нибудь из моих коллег побудет рядом.

— Но по закону...

— Я вам предлагаю по-хорошему, а не по закону. По закону, могу и задержать, если вам так хочется. У вас ведь с собой никаких документов нет? И главное — вы бегае, уважаемый, бегае-те! Это, кстати, для закона тоже основание.

Коридор, несмотря на позднее время, напоминает банку, которую ребенок наполнил всевозможными насекомыми. Здесь бегают, прыгают, ползают, ковыляют — и все с диким шумом, криками и звонками мобильных...

— Видите, — говорит следователь. — Не пустяк это дело...

И в каждом глазу у них — по кусочку растерянности. Нет, не знаете вы главного. Тоже не знаете!

Он вводит меня в комнату, где нет даже окна. Только стол, стул и продавленный диван, на котором покуривает долговязый мужик. Вместе со следователем они выходят за дверь и бормочут там, как бабки-ведуньи. Вот тут, стало быть, и наступит конец.

Вызовут всех, кого можно, — и ку-ку! Долговязый между тем возвращается: «Ну, вы располагайтесь, я тут рядом, если что».

Да, это та же камера, только хуже. В камере хотя бы есть символизм. Я не в состоянии даже присесть на этот мерзкий диван и стою, прислонившись к столу. Мало-помалу вползаю на него задом и свешиваю ноги. Надо, надо что-то предпринять, я не смогу торчать тут в полной безвестности и ждать! Вот только что предпримешь здесь, в тихом центре смерча? Первой голову всегда посещает банальность. Но, поразмыслив, я понимаю, что альтернативу ей искать чересчур долго.

— Извините, простите, я... это...

В комнате снова объявляется долговязый. Он едва не сносит притолоку головой.

— Мне... мне бы... в туалет, — я стараюсь глядеть как можно более смущенно.

Улыбнувшись, долговязый делает знак рукой: погоди, мол. И, снова пригнувшись, выхо...

* * *

...дит дикость какая-то! Их слишком много, понимаете? Нет! Никак! Ни за что!

Его голубые глаза позеленели от страха. Мы оба смотрели на компанию у парапета. Не то чтобы это была компания — так, разные люди собрались поглазеть да пофотографироваться. Слишком уж сказочно, потусторонне смотрятся огни небоскребов, вырастающих прямо из пропасти под эстакадой Третьего транспортного. В центре родного города — кусок чего-то диковинного, ненашенского. Место быстро стало культовым: ночью всегда кто-нибудь ошивается.

— А вы не открывайте дверь. Просто позовите кого-нибудь! Сейчас подъеду поближе.

Он долго собирался с силами. Механически то снимал, то надевал шапку. Наконец опустил стекло и тихо, хрипло выдал:

— Эй!

— Громче, громче, здесь же трасса. Они не слышат.

— Э-э-е-е-ей!

От группы оторвался человек и подошел к машине. Он три-четыре секунды смотрел на Евгения, а потом вдруг воскликнул:

— Peter! How did you get here? How did you find me? Incredible! I'm just...

Договорить ему не дали. Опершийся на крышу здоровяк вдул в салон кубометр перегара.

— Вованыч! Вова-а-аныч! Слышь, а мы чё-то без тебя на-
чали... Ну ты давай, давай, давай!..

Но дверь уже пытался открыть какой-то мелкий огрызок с
волосами, выкрашенными в желтое:

— А-а, с-с-сука, наколол меня с «травой»! Ничо, ща все вер-
нешь!

Сзади работала локтями накрашенная старлетка.

— Ой, Лизка, Лизка! Ура! Да пустите же меня к ней!

Машину обступали. Кто кричал, кто скулил, кто смеялся. Я
вжал педаль газа в пол.

Какими бы сообразительными мы иной раз себя ни мнили, все-
гда находятся моменты — чересчур горькие, сладкие, терпкие, —
словом, слишком насыщенные вкусом, чтобы с ходу быть прогло-
щенными сознанием. Вот она лежит перед тобою раздетая — де-
вушка, которую ты так давно поселил в своих грезах, высле-
живал взглядом в толпе днем и вожделел ночью! А ты стоишь ис-
туканом, не веря, не понимая, что все это — здесь, сейчас и
именно с тобой... Машину несет по мокрой дороге прямо к же-
лезнодорожному переезду. Очнуться бы, крутануть руль — и
хоть в дерево, хоть в кювет! Но ты будто загипнотизирован пе-
ремаргиванием сигналов шлагбаума — и видишь перед собой на
руле чьи-то чужие, не подвластные тебе клешни. Со мною
рядом сидел парень, опасно уникальный для этого мира (опре-
деление «уникально опасный», кстати, тоже подходило), а я все
думал, что впереди «транспортный крест» и надо успеть принять
левее. Осознавать происходящее начал только на Беговой —
когда сбавил скорость. Мы ехали в молчании: я был неспособен
хоть что-то из себя выдавить. Разговорчивость моего знакомого
тоже словно вылетела в открытое окно. Я остановил машину.

— Ну как, получили удовольствие? — холодно спросил Евге-
ний.

— Может... Может, будем на «ты»?

Пока я, как четки, перебирал ключи в свисавшей из замка за-
жигания связке, он изучающе меня разглядывал. Любовался
силой впечатления или снова проверял — не притворяюсь ли...
Улыбка на его лице больше не объявлялась.

— Что же делать-то? — я никак не мог разодрать слипшиеся
мысли.

— До МКАД добрось хотя бы! А то я на маминой таратайке в
ваш город въезжать боюсь: у меня ведь и прав нет...

— А как же ты тут?... Пешком?

— Ну не в троллейбус же влезать!

Заводя двигатель, я механически повторил:

— «Лизка»...

— О, это еще не худшее.

Едва мы остановились, как он — нет, нет, нет, нет! — надел шапку и потянулся к ручке двери. А я все не знал, как и что сказать. Вопросов было бесчисленное множество, но все они кричали где-то внутри, а слова никак не придумывались. Ну почему озарение — всего лишь миг, а отупение — вечность?!

— Расскажешь ему обо мне? — спросил он тихо, не то с надеждой, не то с удрученностью.

Я вспомнил муки Валентиныча и то, как он вцепился в те злосчастные рисунки. Как рассказать ему то, что тебя самого только что поставило на грань сумасшествия?

— Боюсь, что пока...

— Но он же должен как-то узнать, что есть такой я! Что я рисую! Что эти работы... Я ведь даже звонил ему как-то. Но там и разговаривать не захотели: обращайтесь, мол, в фонд.

— Да я бы с радостью! Но, сам понимаешь, он либо посмеется, либо потребует встречи. Как, как тут быть?!

— Но... можно же как-то выкрутиться. Я — инвалид, социофоб, ни с кем не вижусь... Тем более что так оно и есть!

— Можно было бы — если бы он просто неплохо отозвался о твоих вещах. Но он слишком разволновался — поверь! Теперь точно захочет все узнать.

Он уверенно стал тянуть за ручку.

— погоди! — отчаянно захрипел я. — Но ты... Ты ведь понимаешь, насколько это все потрясающе. Ты же один такой! Людям...

— А что от меня людям? Ты вон и одному человеку рассказать боишься, а все прочие что — поверят на слово?

Шарф снова почти полностью скрывал его лицо. Он открыл дверь.

— Да стой ты! — я ухватился за его рукав. — Я что-нибудь придумаю насчет Северцева!

Хотя что тут можно было придумать?

— Извини, я... я не могу сейчас. Тяжело. — Он мягко высвободил руку.

— Ну прости. Поставь себя на мое место! Как еще я мог поверить?

— Да дело не только в этом...

— А в чем?

— В тебе.

— Во мне?

— И во мне тоже.

Он уже выкарабкался на тротуар, когда я почти крикнул:

— Но мы же еще увидимся?

Он метнулся прочь от машины. Секунда — и его не было. Ни в одном из окон, ни в зеркалах. Я выскочил из салона и едва не попал под проносившийся мимо фургон.

Только когда зад снова расползся по нагретому сиденью, до головы дошло, как она сплосковала. Ведь это мог быть он — шанс, долгожданный, великий, тот са...

«...мый кайф теперь: женский общим сделали. Из-за этой трубы теперь, наверное, месяц на первый ходить».

Долговязый еще держится за ручку закрытой двери, но уже бессильно и обреченно — проходивший мимо коллега, лица которого я даже не разглядел, с легким смешком изуродовал все планы. Сделал их далеко идущими в буквальном смысле: нам теперь тащиться на этаж ниже. Спускаясь, я бегло оглядываю лестничные клетки, коридоры... Нет, тут никаких шансов! Все кишит озабоченным людям.

Дамская комната, хоть и лежа в разрухе, твердит: женщины в этом ведомстве — существа высшего порядка. С пола содрана вся старая плитка, а по углам стоят аккуратные стопки новой — розоватого мрамора. Свежеустановленные унитазы поблескивают по кабинкам обернутыми в целлофан рычажками. Правда, дверцы этих кабинок уже еле держатся, из двух раковин на стене висит лишь одна, подоконник сорван, решетка отвинчена от окна и стоит у стенки, под потолком болтается голая ламп... решетка отвинчена от окна!!! Отвинчена!!! Сердце мгновенно перемещается в горло и начинает колотиться там. Оборачиваюсь. Долговязый так и не зашел следом, оставшись дежурить у двери. Пять нерешительных, хрустких шагов к окну. Внутренние створки раскрыты, на месте болтов зияют черные дыры. За окном — забор из бетонных блоков, мощный, но не слишком высокий. В общем, смогу. Обязан смочь! Шпингалет поддается, но неимоверно скрипит. Я все время оглядываюсь. Но долговязый либо глух, либо занят своими мыслями, либо с кем-то болтает. А может, все разом. Рывок, дребезжание стекла — и одним движением я взлетаю на подоконник. Нос еще не успевает вместить в себя запахи ночной улицы, как я уже повисаю на заборе. И откуда в мышцах вдруг взялось столько мощи! Переваливаясь на другую сторону, слышу сзади чей-то крик. Но он не пугает.

Только придает энергии. А дальше — дальше лишь сырой воздух в лицо!..

— Федя? — Голос Лены в трубке звучит не просто взволнованно. Он — воплощение ужаса.

— Д-да, — нерешительно отвечаю я.

— Где ты? Тебя ведь ищут.

— Лен... Он не объявлялся? Ты ничего не знаешь?

— Господи, да если б знала! — Она едва не заходится в рыданиях. — Я думала тебе хоть что-то известно! Нас почти каждый день мучают. Извели совсем своими допросами!

— Да я сам ничего не понимаю...

— Федь, скажи, что там случилось? Ты там был? Нам никто ничего не говорит. Но я знаю, знаю, что было это тело! А Вадюша...

Трубка разразилась рыданиями.

— Лен, все образуется. Все хорошо будет...

— Феденька, найди его, найди, пожалуйста. Не ради меня даже. Ради...

Я отключился. Не знает ни йоты. Да и телефон ее наверняка слушают. Так что в моем агрегате теперь тоже нет про...

«...ку от таких мест, как я понял, — ноль. Зато смешно. Представляете, мы весь вечер убили в том клубе. Мычание какое-то — вроде как духовная музыка! Мы — на подушках, а кругом — патлатые и небритые человеки. Отвары разливали с просветленными лицами — а-юр-ве-ди-че-ски-е! И вокруг все тоже просветленно старались выглядеть. Некоторые даже головой крутили. По мобильному — не могли! Поржать — не могли! Нарушишь чужое кармическое пространство! И вот, только тикнуло одиннадцать и клиенты ушли, эти просветленные — как давай гоготать и глумиться! “Свалили! Восточные техники закончены! Наливай!” Не заметили нас просто — там же мрак крошечный, только китайские фонарики кое-где. А мы ведь несколько тысяч отдали за всю эту медитацию-релаксацию! Я, может, и правда надеялся просветлиться! Не, не денег жалко! Просто потрясешься иногда тому, какие все...»

Он засмеялся, не закончив. По-доброму, без низких саркастических ноток. Валентиныч вообще был в последние дни непривычно весел и беззаботен. Пригласил меня на дачу — снова просто так, без всяких просьб и жалоб. Собрал друзей, пили чай на террасе, слушали истории, бродили по саду. Я окольными пу-

тиями визнавал у других, что с ним: может, в партии продвинулся или здание под фонд выбил... Но все лишь губы выгибали: он же вроде всегда такой.

И только когда я стал все чаще и чаще встречать его у себя в районе — гуляющим пешком у Театра Армии, — меня осенило. У него же там мастерская! Неужели?.. Не верилось, не мыслилось!

— Что? — спросил как-то Валентиныч. — Староват, думаешь, я уже для любви-то?

И вдруг подпрыгнул на полметра. А когда приземлился, добавил:

— Вот так оно бывает иногда. А те рисунки...

— Твои, которые не твои?

— Мои, Теодор, мои! — Его голос звучал спокойно и весело. — Ты прав был: наверное, я просто подзабыл какие-то вещи. Но главное не это. Главное, что с них все начинается. Они мне показали, каким я могу быть. Нет! Каким я буду!

Меня тоже почти подбросило вверх. Не только потому, что ко всем нам снова возвращался тот прежний он — уверенный и радостный. У меня теперь тоже могло кое-что получиться. Вернее, у нас. У нас с Лысым.

Я так и звал его иногда — и он ничуть не обижался. Волнения оказались напрасными: мой новый знакомец объявился скоро. Уже через день девчонки из регистратуры, подавляя смешки, сообщили мне, что кто-то все утро названивал и спрашивал «терапевта Федора». Им показалось, я тоже прихохатываю, но это я трясся от волнения. Когда в кабинете наконец раздался звонок, я едва не уронил телефон. По счастью, пациентов не было. Трубка коротко сказала: «Это я. Извини, что сбежал. Не привык ни с кем так долго общаться». Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не завопить от радости.

Ну, а дальше — понеслось! Он то звонил каждый день и назначал встречи на пустынных обочинах трасс, то обрушивался внезапно, без всяких звонков, — и все оправдывался, все объяснял то, что и так было очевидно: если молчание золото, то разговор с живым существом — платина в бриллиантовой россыпи. Меня тоже тянуло к нему. Даже головная боль, которая почему-то в его присутствии мучила чаще, не казалась препятствием. Как любая загадка, он влек магнетически, безо всякой рациональной причины. Я прекрасно сознавал, что, возможно, никогда не смогу о нем рассказать — ни Валентинычу, ни кому-либо другому! Но это ничего не меняло. К тому же я был в восторженном изумлении от его познаний — великих безо всякой гипер-

болы. Создавалось впечатление, что его собственная память не имела дна: даты, люди, события, мифы и загадки — в ее недрах умещалось все. А его квартирка в Озерном была переполнена холстами. В основном они без рам лежали на шкафах — и Лысый сперва никак не желал их показывать. Только после унижительных моих упрасиваний достал некоторые — ранние, как он говорил, — работы. Это было точно не похоже на стиль Валентиныча. У того все выходило эпически подробно. Если дерево — то с каждой прожилкой на листике, если человек — то с лицом почти фотографической детальности... Здесь же властвовали оборванные линии. Природа писалась крупными мазками, лица прорисовывались не полностью, а так, что в глаза бросалась только одна черта. Или выражение. В общем, все больше угадывалось, чем виделось. Ты был не наблюдателем — соавтором... И чем дольше эти работы меня гипнотизировали, тем навязчивей было мое желание вникнуть в тайну их творца. Разумеется, надо было подождать со своим предложением — месяц, два, может, и больше. Но раз уж мы так здорово ладили... Я сказал. А он вдруг:

— Ох, не знаю, не знаю! Страшно. Как вспомню того профессора...

— Я никаких профессоров к тебе на пушечный выстрел не подпущу! По крайней мере, пока сам во всем не разберусь.

— В твою клинику придется ездить?

— Обещаю: только по крайней необходимости. А жить... Хочешь, жить у меня будешь?

Его глаза на миг, казалось, вспыхнули радостью, но он тут же их опустил.

— Я не могу оставить работу.

— А что тебе мешает делать ее у меня? Квартира не маленькая, жены уже нет. Или еще нет.

— Да я ведь привык. Боязно как-то.

— Так перепривыкать не придется! Целую комнату — тебе под мастерскую! Главное, кисти в раковине не мой! Или у тебя есть еще требования?

И тут я увидел, чем на самом деле светятся его глаза. Из них искрами била хитреца.

— Вообще-то... Вообще-то, есть, — загадочно улыбнулся Лысый.

Он нерешительно огляделся по сторонам, как будто кто-то мог подслушивать нас в его машине, стоявшей в полпервого ночи на дороге между лесом и заброшенной стройкой на окраине Озерного.

— Я хочу написать картину вместе с ним.

Пауза расплзлась почти на минуту.

— Это... как? — Я изо всех сил напрягал фантазию, но идея была явно за ее пределами.

— Как, как? Ясное дело, с твоей помощью! Он набрасывает — ты фоткаешь. Он добавляет слой — ты фоткаешь. А я по фото свою вещь пишу...

— Да как ты себе это представляешь?! Он в свою мастерскую не то что меня — родных не допускает! Да и не пишет он давно...

— Ну прорвись как-нибудь! Попроси нарисовать что-нибудь для тебя. В конце концов, — он пристально на меня посмотрел, — эти исследования нужны тебе! Меня они вряд ли спасут.

— Да! Да! Да! Они мне нужны! Сто, тысячу раз нужны, и я это признаю. Но тебе-то на кой черт эта картина сдалась?!

Он вдруг посерьезнел так, будто фотографировался на паспорт.

— А вот сдалась, знаешь ли. Что я видел в своем замкнутом пространстве? Что? Мольберт и монитор? Ни мира, ни женщины, ни семьи! Может у меня быть одна воплощенная мечта? Не вернисаж и не слава — так хоть какой-то обрывок реальности!

Почти плакал.

— Нравится мне, как он пишет. Он — как отдушина. Как линия горизонта — пока ее видно из окна, все кажется не таким безысходным. Не хочешь ему про меня говорить — так помоги хоть с этой малостью. И делай со мной что хочешь.

Сперва я, конечно, пригорюнился. Шутка ли — заставить летать птицу, которая давно только бегаёт да копается в листе! И тут Валентиныч сообщает о своем перерождении. Мир снова становился цветным. Засверкать в лучах солнца ему мешал пустяк: надо было как-то проникнуть в святая святых. Я принялся постоянно прогуливаться у театра, карауля Северцева. Стал задавать ему наводящие вопросы и выстраивать намеки — вначале полупрозрачные и сложносочиненные, а потом прямые и грубоватые. Впустую: Валентиныч легкой, почти невесомой рукою едва касался моего плеча и произносил что-то вроде: «Ну зачем наблюдать процесс, когда скоро увидишь итог? К тебе пациенты тоже ведь не ради процесса ходят». Или: «Вот когда выставку сделаю — а я сделаю, так и знай! — первым тебя приглашу!» Просить изобразить что-то мне в подарок тоже было бы глупостью. Он бы изобразил, наверное, — только все равно не общаясь к секретам.

Но, как это часто случается с подобными историями, помог

божественный «вдруг». Он привел меня на дачу к Валентинычу, где пахло свежепожаренным шашлыком. Он увлек самого Валентиныча беседой с малоизвестным, но невероятно болтливым театральным художником, брызгавшим слюной вперемешку с лестью и подбострастием. Он оторвал от меня телефонным звонком жену хозяина соседнего коттеджа, которая полчаса сбивчиво описывала предъязвенные симптомы. Наконец, он временно высвободил дом из-под суетливой опеки вездесущей Надежды Ивановны: старуха зачем-то поплелась в сельпо. И вот я снова шляюсь по этим полупустым покоям, заглядывая и туда, куда можно, и туда, куда, в общем-то, не совсем можно, ну да ничего страшного, и туда, куда нельзя ни под каким видом. Коридор, по стенам — рамы с едва различимыми натюрмортами и пейзажами, гостевая спальня, еще одна, бывшая детская, а ныне просто заваленная старыми игрушками комната неопределенного назначения, спальня хозяина с той же бумажной горой, еще одна гостевая... В последней комнате было расшторено окно, а на его фоне чернело нечто большое и угловатое. На миг мне даже стало страшно: показалось, будто нечто — живое и, как в малобюджетном «хорроре», вот-вот двинется на меня. Это был накрытый мольберт. Я почти подлетел к нему. Хотя, даже не поднимая простыню, можно было догадаться, что на полотне: слишком уж пасторальные дали открывались из окна. И поле тебе — уже прибранное, с желтой соломой, и лес вдалеке... Только бы он еще не закончил! Но он, как оказалось, едва начал. На карандашном наброске лишь кое-где виднелись первые мазки. Даже об ушедшей жене я не жалел так, как жалел в эту минуту об оставленном дома фотоаппарате. С собой был лишь телефон с его смехотворным объективом. Ну да вдруг что получится!

— Н-да, качество, конечно оставляет желать... Посмотрим, что можно сделать, — сморщившись, как при виде падали, мой толстяк водил стрелкой мыши по экрану компьютера. — Неужели ничего получше телефона не было?

— Если б было!..

— Ну, линии вроде как различимы.

— Значит, все?!

— Что — все?

— Моя миссия исполнена, и ты приступаешь?

— Какое исполнена?! Где исполнена?! А цвет? Откуда я знаю, как он смешивает краски? Откуда мне знать, как он вообще будет работать — «алла-прима» или...

— Алла кто?..

— Никто! Ты хотя бы вид из этого окна снял?

— А-а, черт!

— Вот тебе и «а-а»! Думаешь, все так просто? Это начало! А завершать он может вечно! Веч-но!

Я опустил взгляд. Нашкодивший второклашка перед завучем.

— Ладно. Будем надеяться, что страстью к переписыванию он не болеет. К тому же есть еще я! — с театральной горделивостью Лысый постучал себя кулаком по груди. — На первое время материала хватит, но два-три раза тебе все равно придется еще снять всё это дело. В прогрессе, так сказать. И будь добр, аппарат в другой раз прихвати посолиднее!

— А...

— Не бойся. Помню! Можешь приступить хоть сейчас. Кровь пускать будешь?

— Зачем сразу кровь? Сперва заведем анамнез! Это не больно. Думаю, сумеешь выдер...

* * *

...жать такой ледяной ветер мне не под силу. И нечего надеяться, что привыкну! Поначалу, во всей этой беготне-мешанине, не заметил. А теперь вот отдышался, огляделся — и почувствовал: ни куртки на мне, ни шапки. Все там осталось. И зябко, и тревожно, и улицы-переулки вокруг сплошь странные. Так всегда ночью в центре: Садовое вроде где-то совсем рядом шумит, но каждый поворот выводит к новой загадке. Куда дальше, где метро — не сообразить. А ведь соображать надо, причем быстрее! На квартиру, конечно, уже нельзя, в мастерскую — тоже. Пасут, пасут, везде пасут. И на электричку, ясно, уже не сесть. Но все равно нужно туда, во что бы то ни стало! Ох, счастье, что кошелек в брюках! Съездившись старой бабой, я ковыляю в ближайший двор, из него — в другой, затем выхожу на какую-то улицу и просто поднимаю руку перед проносящимися фарами.

— Э-э, камандыр, далеко!

— А я штуку дам!

— Штуку... садыс!

С такой, как у него, печкой, конечно, веселее живется. Пригревшись, я даже начинаю поклеивать носом — будто все тревоги и печали остались там, в безвестном переулке. Веселый — то ли от природы, то ли от тысячи рублей, — водила еще какое-то время произносит речи, сперва в мой адрес, а потом просто себе под нос,

но до меня так и не доходит ни единого слова. И вот уже эти слова, шум за окном и шипение приемника сливаются в сплошной гул, мягко, как разогретое масло, затекающий в уши... А потом вдруг слабое, но все более настойчивое похлопывание по плечу.

— Здэс, здэс... Гдэ здэс?

Подпрыгиваю в кресле: домчали. Даже лишнего проехали: у почты стоим. А я хотел на окраине, чтобы без лишних глаз... Но, может, оно и к лучшему. Не так продрогну, пока добегу. Вот она — все та же, до дурноты знакомая россыпь серых домишек! Вот она — все та же грязная, в выбоинах, дорога! И вот он — я, новый, старый, не думавший уже вернуться сюда, но снова скачущий по этой грязи! Дверь подъезда, как водится, на соплях, а угрюмое нутро пахнет куревом и мочой. До клетки второго этажа ведет память. А дальше на лестницу начинает выплескиваться свет — вместе с остатками чужого разговора, гремящего где-то на верхних пролетах: «Ну да!.. А она?.. Ага-ага, дала!.. Во-во, прикинь?.. Ха-а-а!.. “Локомотив”, мля!..»

Квартира — на прежнем месте. Та, что рядом, — тоже. На полусогнутых, чтоб не было видно в соседский глазок, крадусь к двери. Стараюсь как можно тише вставить ключ. Только пульс, кажется, все равно слышат все этажи. И вот уже нужно нажать на ручку, но я все медлю и медлю: а вдруг?.. Сзади слышатся шаги, и я, резко распахнув дверь, ныряю в неизвест...

* * *

...ность опьяняла. Ту радость сопричастности тайне, что подарил Лысый, я не испытывал никогда прежде. Даже в далеком детстве, когда наловил полный пакет лягушек и шел с другом их мучить. Хотя мучить этого человека было никак не позволено. Он страдал даже от элементарных процедур: во время забора крови и вовсе побелел, как свежевылепленный снеговик, трясаясь при этом всем, чем можно трястись. Впрочем, и кровь, и лимфа, и моча, и кожные покровы, и героические отряды последних волос на его голове, — все, на первый взгляд, было в норме.

Через вторых-третьих знакомых я нашел микробиологов, и они долго разглядывали клетки Лысого на своей высокоточной электронике. Ничего не разглядели.

— Что, трудный пациент?

— Нет. Интересный.

— Тогда жди, пока помрет. При жизни ничего не скажешь наверняка.

«Амбулаторка» быстро закончилась, ничего не дав и не решив. Настал час тащить пациента к нам. Я намеренно дождался той ночи, когда на вахте был Сёма — дядька столь же добрый, сколь и спившийся. Он безропотно отдал мне ключи, и Лысый попал в нужный кабинет незаметнее, чем бациллы или радиация. И вот я уже натягиваю марсианский шлем энцефалографа на его такой подходящий для этого шлема череп.

— Сейчас расслабься.

— Уже.

— Нет, не уже. Слышу ведь, как дышишь.

— По лестнице долго топали. И страшно тут.

— А ты не бойся. Здесь нет никого. И дверь я запер. Расслабься-расслабься. Уж это-то точно не больно совсем.

Я нажал на выключатель. Темный экран монитора мгновенно начал штриховаться желтым: это бесновались бета-волны.

— Да расслабься же, говорю!

Он полулежал в кресле, прикрыв глаза. Губы едва шевельнулись:

— Я вполне себе расслаблен. Того и гляди усну.

Но датчики настаивали: там, в черепной коробке, не один мозг, а, наверное, шесть с половиной. И все так напряжены, будто ведут войну с Вселенной и друг с другом заодно.

— А ну-ка открой глаза!

— Открыл.

— Ты...

Меня прервал щелчок. Монитор погас. Я бросился жать на клавиши, дергать провода, шевелил вилку в розетке, поправлял датчики на его голове. Затем вообще натянул шлем на свою. Прибор не оживал.

— Что-то не так? — спросил он с подчеркнутой отстраненностью, почти иронично.

— Пустяки. Просто кажется, я только что попал на сорок косарей.

— Да ну?!

Я старательно замел следы нашего присутствия в кабинете и стал надеяться на то, что все останется незамеченным. Шутка ли: доэкспериментировался до того, что прикончил дорогую аппаратуру. Но кроме страха, вверх-вниз водившего холодным пальцем по ребрам, в организме зародилось еще одно чувство — вернее, предчувствие. Стало казаться, что в слепых блужданиях я наконец на что-то наступил.

Пришлось долго бороться с собой, но за два дня я удушил-таки жабу. Ведь все оформлялось как благое дело. Заказываю такой же энцефалограф, пользую его как хочу, а потом отношу в клинику. Чтобы казаться себе еще лучше, можно даже признаться в былом грешке, хотя, как выяснилось, никто и так ничего не заподозрил. Но вначале все — на себе! Четыре раза надевал шлем. Работает. Работает. Работает. Работает. Прибор, разумеется, — с головой моей все было не так одно-значно.

Лысый вновь позволил прилепить ему датчики. Ну, с Богом! — Только помни: не напрягайся! Отдыхай!

Раз, два — щелк! И вот они снова здесь — эти волны. Опять штормовые: так и швыряет курсоры вверх-вниз. Но теперь я даже не успел крикнуть лысому, чтобы он расслабился. Снова щелчок — и экран тухнет. А у меня темнеет в глазах от ярости. Я даже не стал проверять, можно ли оживить прибор — как есть схватил его и сбросил со стола. Датчики не сразу соскочили с головы Лысого, и ее рвануло вбок.

— Э, э! Ты чего, доктор?! Не надо калеку докалечивать, — произнес он с беззлобной улыбкой.

Взбешенный и разоренный, я заперся у себя. Трещал череп. И тошнило. Но не от резких запахов, теперь постоянно доносившихся из комнаты-мастерской. Тошнило от идеи. Она, как вылупляющийся уродливый страусенок, уже пробила скорлупу и теперь выползала на простор семи ветров. Кому-то прозрение достается за так, а кому-то надо подарить собственным сомнениям десятки тысяч рублей, сотни километров и бесконечное множество изгрызенных ручек. Я выкачивал кровь из этого беззащитного человека, шарил тщательно вымытыми руками в неизвестности — и все ради того, чтобы понять: я — врач, а не физик, и начинать вообще надо было не там.

Через несколько дней я подошел к Лысому уже с другим прибором. Тоже не дешевым, но в этот раз — мне верилось! — траты были оправданны. Антеннка в трех сантиметрах от объекта. Палец — на большой кнопке в центре маленькой коробочки. В мгновения запредельной опасности или запредельного же волнения и тело, и сознание почти всегда потрясают своими возможностями. Сколько людей уже признавались в том, что успевали прокрутить в голове всю жизнь, падая с прогнивших мостков в холодную реку! А сколько их, вытаращив глаза, рассказывали: мол, видел, своими глазами видел, как сминается железо, когда машина врезалась в столб! Не мог видеть, и знаю, что

не мог, а видел, видел — гадом буду! И я тоже видел: стрелка дрогнула. И вместе с нею — я. Стрельнуло: знаю!

По таблице, разматававшейся во всю длину инструкционной простыни, сверил цифры.

— Хм! Электропила, микроволновая печь, принтер офисный... Приличные доли!

— Что это? Что? — заволновался Лысый. — Что за доли? И для чего эта штука?

— «Спокойно, товарищ, спокойно!» — я пел во весь голос. — Потом расскажу. Но очки свои уже сейчас можешь выкинуть: они тебе никак не помогают, только привлекают лишнее внимание. Шапка и куртка — тоже так себе защита, если они, конечно, не из никеля. Ты, помнится, говорил, что приятельствовал с телевизором. Часто включал?

— Да не особо. У нас старый был, работал плохо. С маминой зарплатой, сам понимаешь...

— Ну да. Мобильником ты, надо полагать, тоже не пользуешься?

— Нет, конечно. На что он мне? Да и покупать сложно: паспорт нужен, с продавцами долго общаться...

— Я так и думал! — И я поднес к нему свою «трубку». Которая тут же сообщила о сбое связи. — И голова моя, кажется, тоже от тебя «фонит».

Конечно, я поковырял его еще немного: где-то поколол, где-то поскреб... Но уже по инерции: мысли занимало другое. Отнес свои предположения к одному спецу.

— А может так быть?

Он рассмеялся, потом вздохнул, потом почесал ухо.

— Биоэлектрет с таким сильным и долгоживущим полем? Нет, ну, всякое может быть во Вселенной, но...

Вслед за «но» на меня с цепями и кастетами бросились его здравомыслие, научный скепсис и богатейший опыт. А я даже не стал ввязываться в драку — просто ничего не услышал. Ведь может быть всякое, а значит, и такое! И пусть все мои знания, аппараты и препараты — не больше, чем огарок свечи в огромном темном замке. Зато я знаю, какой чулан освещать...

— Слышал про опыты с гиппокампом крыс?

Лысый оторвался от холста. За его спиной уже всевластно простиралось поле родной Валентинычу Капитоновки, а лес вдальке поигрывал оттенками желтого. Лысый не мог знать, что за этими прощающимися с теплом деревьями лежит дорога — та самая, по

которой я уже трижды мотался к мастеру. Чтобы сделать качественные снимки, нужны были веские, сложносочиненные поводы, ибо мастер утопал в неотложности. Он поспешал: уже призывно белели пустые стены двух залов, снятых в самом центре Москвы, уже типография метала буклеты и пригласительные, уже укладывалось в ящики дорогое шампанское, а по даче прохаживалось все больше знакомых искусствоведов, критиков и журналистов. «Хорошие все-таки у него были учителя!» — сказал как-то один из них, разглядывая картины. Возможно, это был просто разговор с вечностью, но я оказался рядом — и откликнулся: «Он же всегда говорил, что нигде особо не учился». Искусствовед-журналист-критик снисходительно улыбнулся и шепнул: «Многие нигде не учились. И писатели тоже любят так говорить. Доктор филологии, всю жизнь занимался готическим романом, а как сам взялся за перо — заявил, что самоучка. На заводе молотом машет. В рабочем поселке живет. А по ночам — исключительно для себя! — пишет интеллектуальную прозу. Или такие вот натюрморты. Оно все так лучше продается». Я улыбнулся в ответ, но, скорее, на автомате: в моих кругах дипломы не сжигали, а вешали на видное место...

— Каким гиппокампом? Опять загадки? Я уже перестаю понимать твою речь.

— Крысе вскрывают череп, а жизнь мозга поддерживают в растворе солей. При этом в мозг вводят электроды, которые посылают импульсы. За счет этого усиливаются связи между определенными нейронами — ну, нервными клетками...

Лысый внезапно метнулся в угол комнаты.

— Ты чего?! Ты... Ты со мной такое хочешь?! Ну уж нет! Всему есть предел! Меня и так достали твои эксперименты.

Я рассмеялся:

— Это *ты* чего?! Кто ж будет тебе череп раскалывать?! Тем более что ты сам это делаешь...

— Я? — Он нервно почесал щеку, оставив на ней бурый след краски.

— Да, ты! Прибор, которым я водил вокруг тебя, называется анализатор электромагнитных полей. Я про него не ахти как много знаю, но он мне твердо сказал, что ты в некотором роде излучатель...

— Кто?

— Излучатель. Про поля, надеюсь, слышал? Линии электропередач, компьютеры, сотовые... Вот, если верить этому самому анализатору, такое поле есть и вокруг тебя. Причем не самое слабосильное. И оно действует на...

— Всех вокруг. Интересно, как поле может заставить человека думать так, а не иначе.

— Дай договорить! Во-первых, не думать, а вспоминать! А во-вторых, поле вообще много чего может! Может менять любые физиологические функции. Давление, пульс, слух, зрение. Может ослаблять внимание, вгонять в депрессию... Даже кожную болезнь вызывает — ты знал? Все зависит от того, какое оно и на что действует. По крайней мере, биоэлектрическая активность мозга от него может меняться — а значит, не так, как обычно, работают и память, и внимание, и психика. Это все — то, что мне известно сейчас, когда я погрузился в тему и начитался всякой всячины. А теперь — то, что я допускаю. Даже назвал бы это предварительным диагнозом, если это касалось бы моей области знаний. Но это касается той области, где не то что я — великие ученые умы еще ничего не решили...

— Ну говори уже, давай свой предварительный! — Лысый бросил кисть и яростно тер руки ветошью.

— Так вот. Я думаю, что твое поле хоть и слабосильное, но все же на близком расстоянии способно воздействовать на мозги окружающих — как электроды на крысу. В результате в этих мозгах возбуждаются нейроны, отвечающие за вторичную память. И вынимают из этой памяти... то, что из нее вынимается. То, что было записано на «жестком диске».

— А что — за то или иное воспоминание отвечают отдельные клетки?

Он даже сбил мне дыхание. Воткнул, понимаешь, свою мыслишку прямо между моими!

— Нашел... Нашел что спросить. Уфф!.. Я ведь не невролог! Хотя тут и невролог вряд ли что достоверное тебе скажет. Не договорились еще на этот счет. Одни считают, что информация действительно хранится в отдельных нейронах, другие — что она — в электромагнитном поле, которое производит мозг. Третьи...

— Понятно. — Лысый опустил на диван, как приговоренный к пожизненному опускается на скамью подсудимых. — И сделать, конечно же, ничего нельзя?

— Ну... Ну... Тут надо подумать. Ведь мы знаем теперь, где искать!

Он смотрел в пол, все так же теребя ветошь.

— А ведь мне уже тридцать семь.

— Но...

— Слушай, давно хотел тебя спросить! А как это — с женщиной? Когда по-настоящему...

Я пожал плечами, старательно — наверное, слишком старательно — изображая равнодушие.

— Да ничего особенного. Ну, почти так же, как и сам с собой. По крайней мере, нам, докторам, все одно.

— Неправда. Я видел. В интернете, в этих фильмах — там все по-другому.

— Да там актеры! У них понарошку...

— Понарошку?! — Он исподлобья посмотрел мне в глаза. — Это моя жизнь понарошку!

Я почувствовал себя освиистанным клоуном. И почему я ждал, что он будет ликовать от моего открытия? Типичное заблуждение врачей — да и многих других ученых, наверное. У нас был в клинике такой случай. Рентгенолог обнаружил в носовой пазухе пациентки личинку — дрянь какую-то кампучийскую, которую она привезла с экзотического курорта. Выскочил из кабинета радостный, как будто ему «Нобелевку» дали. «Смотрите, говорит, — как хорошо она у нас получилась!» А тетка — в обморок ...

— Ладно! — вдруг воскликнул Лысый. — Когда там у него вернисаж-то?

— Да уже вот-вот! — я был рад перемене темы. — Двадцать третьего, что ли... Сейчас посмотрю!

— Да я не об этом. Та работа, из спальни, выставляется?

— Не знаю. Но, судя по тому, что он торопится...

— Вот и отлично! Тогда к тебе просьба! Договорились — выполняй!

— О чем договорились-то?

— Все о том же! О картине, которую с ним напишу!

— А ты разве не написал? Это вот что такое?

— Остался последний штришок!

И изобразив штришок рукой, Лысый метнул ветошь на ст...

...ол, кресла, полки, кровать, окно, темное небо в окне, духота и легкий запах соседского курева в туалете. Все точно так, как помнил. Параноидально точно. Стало быть, никто про это место не знает — по крайней мере, пока. Здесь будет форпост. Землянка. Здесь буду жда... Я проваливаюсь, не успев даже произнести про себя это столь короткое по форме и столь длинное по сути слово. И не могу выбраться из ямы до следующего обеда. Впрочем, «обеда» — сильно сказано: последний таракан тут по-

весился два месяца назад. На пути из магазина впервые смотрю туда.

И сразу — шальное: а ну как сунусь? Отгоняю: рано пока. Но идея — репей. «А вдруг сразу все узнаешь? Или, может, ты просто боишься узнать?» Держусь еще сутки. Потом не выдерживаю. А там — эх, кто бы осмелился сомневаться! — тот же злой домофон. И нем, и глух закрытый подъезд. Час, а может, и больше, шатаюсь около него, время от времени покаявая себя сомнением: а тот ли теперь это дом? Наконец дверь открывает девочка лет десяти. Она не то удивленно, не то испуганно смотрит на меня своими черными глазами — огромными из-за толстых линз очков, а потом соскакивает с крыльца и исчезает за углом. Ручка двери — в моих торопливых руках.

Чем ближе заветный этаж, тем выше обороты сердечного двигателя. Вот и дверь — железная, незнакомая. А за нею женщина — как вторая такая же дверь. «Кого вам?» И вот тут-то нападает настоящее замешательство: я толком и не подготовил вступительную речь! За спиной у женщины показываются два мужика — огромные и тоже совершенно мне неизвестные. «Простите. Кажется, ошибся». И, в обратном порядке отсчитывая ступеньки, костерю себя: ну почему, почему ничего не обдумал заранее?! ДЭЗ, райсобес, страховой агент, новый сосед — да кто угодно! Главное — войти! Но вместе со свежим воздухом, очистившим ноздри от подъездной вони, в голову влетели мысли потрезвее: а зачем, собственно, туда так нужно было входить? Даже если там — ОН, что тогда? Быка за рога при всем честном народе? Ты нелеп! Едва-едва улизнул от этих морд — и ну снова суетиться! Замри хоть на время!

И вот я снова взираю на недо-Ленина. Да, так его зовут. Он виден почти отовсюду. Посреди двора, окруженный с трех сторон рядами окон, взирает со своего постамента на провинциальную сирость маленький Ильич с отколотой левой рукой. Свергнутый в девяностые и восстановленный в начале двухтысячных, он был два десятка раз искалечен и подлатан, сотни раз облит краской и бесчисленное множество раз оплеван и обмочен. В конце концов власти отреклись от вождя: не представляет, мол, культурной, и прочее... Но бдительность и рвение местных коммунистов никогда не позволяли изничтожить его до конца. В последние, аполитичные, годы памятник перестал возбуждать вандалов, и к нему уже относились с ироничной нежностью — как к юродивому. Кто-то даже иногда сметал с него пыль. Вот только во взгляде покрытой шербинами бетон-

ной головы вместо положенной ленинской мудрости уже давно сквозит гоголевская грусть.

Опускаюсь рядом на дряхлую лавочку. И замечаю: наблюдают. Нет, «наблюдают» — слишком бесстрастно звучит. Я про-тагонист на сцене провинциального театра. На крыльце подъезда, откуда я вышел, стоит женщина из той самой квартиры. Рядом с нею — две старушечки. Сразу в нескольких окнах, на втором, на третьем, на пятом этажах застыли фигуры. В окнах соседних домов тоже шевелятся занавески и мелькают головы. Лиц, разумеется, не видно, но на них наверняка одно выражение — то же, что и у матроса, увидавшего с мачты таинственный берег. Страх превращает желудок в черную дыру, норовящую всосать в себя не только тело хозяина, но и все пространство вокруг — вместе с памятником, домами и их обитателями. Я креплюсь, сдерживаюсь, не бегу. Все скудные силы направлены на то, чтобы не дать повода в чем-то меня заподозрить. Вот так, вот так, посиди немного, нагнись, завяжи шнурок, неторопливо оглянись вокруг, зевни... Шире! Во-о-от! А теперь не спеша поднимайся и... не спеша, кому говорят! И двигай! Да не к своему подъезду! В арку — и из двора!

Так, командуя самим собой, я стараюсь выйти из окружения. И совсем не думаю о том, когда и куда буду возвращаться. Как в танце: все внимание — телу. Но ужас есть ужас. Движения выходят торопливые и несуразные: организм учинил восста...

* * *

...ние манной каши — вот что все это напоминало. Бессильный, простодушный толстяк пытался сердиться! Он прямо-таки полыхал гневом.

— Эгоист! Себялюб! Получил, что хотел, — все, сполна! А теперь, только-только столкнувшись с первой трудностью, кидаешься в кусты! Я выполнил свое обещание! И смею настаивать...

К концу каждой фразы его голос взмывал до таких высот, что казалось, Лысый вот-вот всхлипнет. Чувство смешливой нежности, которое вызвала у меня его истерика, говорило о том, что он давно не знакомый и не пациент, а младший брат — не меньше! Но в запредельном приходится отказывать даже младшему брату. Насчет первой трудности он, конечно, загнул: я вовсю бился над трудностями позабористей. Уже на следующий день после открытия стало ясно, что я не смогу, не сумею удержать все это в своей квартире и в своем сознании. Тайна разрывала череп. Как и любому первооткрывателю, мне нужны были

соучастники, свидетели, критики, апологеты... Не то чтобы я рассчитывал стать великим. Сфера, с которой пришлось соприкоснуться, была почти совсем чуждой. Доверься я профессионалам — и они мгновенно поднимут все на свой заоблачный уровень, оставив меня на бобах. Но открытие пролагало тропку в самые труднодоступные области человека. Поэтому просто хотелось немножко постоять у истоков — и чтобы меня запомнили именно в таком положении. Тем более что я имел гигантское преимущество перед всеми профессионалами мира — мою неполноценную голову. И над тем, чтобы как-то подпустить поближе к Лысому головы полноценные во всех смыслах, стоило поднапрячься. Возможно, удалось бы даже облегчить его жизнь, но только надо было пробовать, испытывать. А Лысый по-прежнему не желал жить ни мышкой, ни свинкой, ни кроликом. Надо всем этим я, собственно, и размышлял, когда он огрел меня своей идеей, как обухом по затылку.

— Слушай, давай не тратить нервы на обсуждение заведомо невозможных вещей, — я старался говорить ледяным тоном.

— А что тут невозможного?! Что?! — визжал Лысый. — Ты уже столько раз съездил в этот дом, столько раз видел и фоткал картину!

— Видел и фоткал. Но ни разу не трогал. Ты хоть понимаешь, о чем просишь?

— Понимаю! Потому и прошу!

— Хорошо, давай оставим пока моральную сторону. Как это выполнить технически? Я ни с того ни с сего вваливаюсь к нему с твоим холстом, никому ничего не объясняя, бегу наверх, по пути всех расталкиваю, а потом возвращаюсь оттуда с другим таким же холстом, грузу его в машину и сваливаю. Так?

— Погоди! Ты же сам говорил, что там подготовка идет! Кругом картины стоят. При таком беспорядке...

— Да откуда ты знаешь, что это за беспорядок и как он выглядит?

— А ты попытайся! Почему ты даже пытаться не хочешь?!!

Я устало опустил в кресло: эта оборона была непробиваема. Господи, молю, сделай так, чтоб хотя бы визг прекратился!

— Мы, Жень, совсем не о таком договаривались...

— А о чем договаривались? Я должен был написать картину с ним вместе. С ни-и-и-им! А получается что? Просто переписал его вещь? Так я могу и с Бакстом, и с Куинджи, и с самим Дюрером поработать! Не-е-ет! Тут вся суть в том, что я — соавтор. И раз я не могу оказаться рядом, а ему лучше вообще обо мне не

знать, то пусть хотя бы моя картина будет на его выставке. Что, тайная радость — это так много?

— Еще раз говорю: невозможно.

Дальнейшая сцена была в духе фильмов Альмодовара, Озона или кого-нибудь другого, не менее чувственного и модного. Один мужик сидит в кресле, обиженно поджав губы, другой — резкими, небрежными движениями перекидывает вещи из шкафа в чемодан. Прощание педиков. Я знал, что все может этим закончиться. И сейчас, когда все этим заканчивалось, ничего не мог поделать: и друг, и научная сенсация, и посмертная слава миражом растворялись в воздухе. Я вскочил.

— Ну ты же... Ты же сам художник, твою мать! Ты же понимаешь, что это его картина!

Лысый хлопнул дверцей шкафа.

— Его?! Его?! — уже прорыдал он. — Да что ты вообще во всем этом соображаешь, чтобы судить?!!

Нет, уж лучше мне было молчать: каждое слово только приближало нас обоих к порогу дурдома. Сев на чемодан и продавив его почти до полу, Лысый тряс плечами. Он даже не отводил в сторону свои красные глаза.

— Много знаешь, да? Конечно, где уж мне с моей жизнью в четырех стенах! Но что-то и тебе, всезнайке, неизвестно!

Он выпрямился.

— Не собирался тебе рассказывать, но, вижу, иначе — никак!

— Если ты...

— Сядь, — рывкнул Лысый.

Я даже оторопел: впервые он пытался повелевать. Зависла пауза, после которой он повторил свой категорический императив, но уже более низким и спокойным голосом.

Окна давно потемнели, а начавшаяся за ними морось добивала в горожанах остатки оптимизма: улица затихала. Лысый разглядывал свои перепачканные краской руки, словно впервые их видя.

— Я не знаю, как умерла мама. Она до последнего дня оберегала меня от людей, и даже когда приехала «скорая», просила не выходить из кухни. Так ее и увезли. Потом, через несколько дней, звонили из больницы... Но я не к тому! Просто мне всегда не хватало посторонних. Я уже был взрослый человек, неплохо писал и даже получил первый заказ на иллюстрации для детской книжицы, а разговаривать, общаться толком так и не научился. И всегда искал того, с кем смогу хотя бы нормально объясняться — вот так, как с тобой. Неожиданно для себя я впервые встретил такого совсем рядом. Нет, он был самым обыкновенным типом, просто

наши квартиры очень удачно располагались: его балкон — под углом к моему. Когда он выходил покурить, мы время от времени перебрасывались фразами. Сперва дежурными — о погоде, о дворовых делах, потом стали что-то рассказывать друг другу... Естественно, я бдительно следил за тем, чтобы ни на улице, ни в подъезде с ним не столкнуться. А так, издали, мы и лиц друг дружки разглядеть почти не могли. Я видел только его очки и усы, а он — мою лысину! А может, и лысины не видел: она тогда поскромнее была.

Так вот, где-то лет четырнадцать назад от этого соседа я узнал о трагическом случае с одним из аборигенов двора. Молодой парень жил с матерью и тетками, пахал на каком-то комбинате. Ну а по выходным, как это водится, предавался с корешами известному увлечению. Раз они в подпитии вздумали пошляться по крышам. И парень сорвался. Сам или не совсем сам — не знаю: в любом случае, никого потом не посадили. И хоть дома у нас невысокие — пять этажей всего — треснулся он крепко. Когда вышел из комы, выяснилось, что у него амнезия. Полная! Вообще ничего не помнил — ни тятки, ни мамки, ни имени. Подержали его какое-то время в больнице, но потом махнули рукой — и отдали родственникам. Я сам видел в окно, как его привезли: полдвора сбежалось. Ну, и, конечно, мне тогда сразу стукнуло: это — шанс. На что — неизвестно, но все равно шанс. Может, этот парень теперь окажется совершенно другим, новым — и не будет воспринимать меня так, как все. Терять было все равно нечего, и на следующий день я поспешил в соседний подъезд. Обдумав, конечно, детали. Оделся как полярник, перемещался только бегом, сплел какую-то глупую легенду про почтальона, особо не надеясь даже, что в нее поверят. Просто надо было, чтобы его мать открыла дверь — а дальше я сам как-нибудь проскочу, найду его, и все моментально выяснится. Но легенда даже не пригодилась: от них в тот день выносили какую-то мебель. Квартира стояла нараспашку, из нее непрерывно выходили люди — и на меня никто особого внимания не обратил. Так, только мужик в подъезде обернулся, но я ускорился — и он дальше потопал. Короче, подфартило.

Мистер *tabula rasa* сидел в кресле. Вокруг — родные. Все читали, как на панихиде, а он подвывал что-то себе под нос. Мамаша и тетушки опраивали ему одежду, гладили по голове, все повторяли: «Славонька, Славусик»... А Славонька смотрел в пол, и скулеж его нисколько не трогал. Одна рука у него была как мерт-

вая. А в другую какой-то мужчина — видимо, тоже из семьи — сунул стакан молока: «На-ка, Славян, молочка раздави!» А Славян поставил стакан на пол — и ка-а-ак врежет по нему ножницей! Все вокруг — в осколках, пол и стена — в молоке, тетки визжат... А тут из прихожей — вот ведь еще удача! — грузчики крикнули, что им нужна помощь. И все, кто оставался в комнате, вышли к ним. Я оказался наедине с беспамятным. Тут же снял шапку, подсел к нему вплотную — и представился. Повторил свое имя еще и еще, а потом сел около парня и просидел так минут пять, не меньше. Никакой реакции! И головы не повернул. Тогда я прикоснулся к его черепу — вначале рукой, а потом и своей черепушкой. Но слышались чьи-то шаги, и я спрятался за занавеску: кресло Славяна стояло около окна. Дистанция была минимальной, и я решился провести рядом с ним побольше времени. Чтобы уж наверняка! Рабочие кончили вытаскивать старую мебель и взялись затаскивать новую. В комнату периодически кто-то заскакивал, но тут же выбегал — и я оставался незамеченным.

К вечеру грузчики собрали шкафы — ну, или что там они притащили — и стали рассчитывать. В этот момент я и вышел из-за занавески. Славян сидел все так же — неподвижно и глядя в пол. Мне удалось воспользоваться толкотней в прихожей и сбежать. Хотя ноги и затекли дико, но до дома я добрался без приключений. И — в глубочайшем недоумении. С одной стороны, все вышло не так плохо: мое присутствие парня несколько не смущало. Это был единственный на тот момент случай, если не считать маминого. Правда, мне от такого «феномена» было ни кисло, ни сладко. Но надежда — тварь живучая. Ближе к ночи мне пришло в голову, что, может быть, со временем его мозги чем-нибудь да наполнятся, и тогда я смогу еще разик к нему заглянуть.

А на следующее утро я наблюдал за окном дикую, нездоровую суету. Как будто где-то заложили часовую бомбу, и теперь все сбивались с ног в ее поисках. Когда стемнело, люди зажгли фонарики и повсюду носились с ними. Вечер я продежурил на балконе, дожидаясь соседа. Он, видимо, тоже рыскал по двору и вернулся поздно. Оказалось, сбежал мой бессловесный друг. Как рассказала его мать, прошлой ночью он проснулся и стал с криками шарахаться ото всех. Ничего не объяснял, а когда его называли по имени, только злился. Оделся, растолкал близких — и выбежал! Прокричав напоследок, что никакой он не Слава... — Не Слава? А кто?

— Вот и я сразу спросил, кто. Через минуту после того, как из подъезда выбежали его тетки, это имя знал весь двор. Он назвался Колей. Колей Северцевым.

Я вцепился в подлокотники, точно сидел не в кресле своей гостиной, а в кабинке аттракциона, вихлявшейся высоко над землей на сумасшедшей скорости под мощными порывами бокового ветра. Рот не хотел раскрываться.

— Но почему... почему Колей Северцевым?

— Потому что это мое имя. Так меня зовут, — Лысый глядел мне прямо в глаза. — Извини, что сразу не сказал. Но ты тогда ведь и не поверил бы, правда? Какое-то время я порывался его найти! Только где? Как? Тем более что из меня, с моими-то «особенностями», сыщик еще тот — ты уже убедился. А потом стало страшно. Что может случиться, когда встречаются двое с мозгами навыворот, трудно даже предположить. К тому же с Колей Северцевым я и так могу пообщаться — и посредством зеркала это куда безопасней. Решил, судьба у меня такая: всегда быть наедине с собой. А потом он понесся вверх. И понес туда же мое имя. Оставив мне только болезнь.

— Но теперь, почему именно теперь ты решил с ним связаться?

— Я увидел его картины.

— Картины?..

— Да. Их написал гений.

Нехорошо застучало в висках, и я снова полез за коробочкой. «Да нет, это просто вранье», — откуда-то из глубин перепуганного тела еще пытался пробиться робкий глас здравомыслия. «В вашу первую встречу, в машине, ты тоже думал, что все — вранье», — глушил его глас эмоций.

— Ты спроси у него, — вдруг произнес Лысый, будто ловя мои разбегающиеся мысли. — Спроси про Озерный Край. Теперь понимаешь, что у этого холста чуть больше прав, чем тебе казалось?

И он уже совершенно спокойно разглядывал мою перекошенную физиономию.

Что тут скажешь? Повез, повез я картину. Не то чтобы с радостью и повизгиванием, но повез. И не столько потому, что Лысый отказался от каких бы то ни было опытов, сколько из-за реакции Валентиныча. Уж слишком она была «политической». Я ему: а точно ли ты из Новошахтинска, и, мол, гораздо ближе есть некий поселок, где много твоих поклонников... А он будто вообще не слышит вопроса. Я повторяю, а он — снова глухого

изображает. Не припомню, чтобы он с друзьями в таком духе общался! Вот и стал холст Лысого, как вторая «запаска», верным пассажиром моего багажника. Конечно, в те немногие посещения дачи Валентиныча, которые мне удавалось подстроить, ничего выгореть не могло. Надуть Лысого тоже не получилось бы: в доказательство подмены он требовал картину мэтра. И тогда я навязался Валентинычу в помощники при перевозе работ на вернисаж. Он удивился моей услужливости, но не более.

Я одолжил у приятеля фургон, в который мы и сгрудили все выставочные вещи. В нем же я спрятал картину Лысого. Сложность состояла только в том, чтобы заполучить нужное время на поиск заветного полотна: дотошный Валентиныч сам загружал картины, да еще и поехал следом в сопровождении эскорта из нескольких машин. И речи не могло быть о том, чтобы затеряться где-нибудь на лесной дороге да в тишине и спокойствии отыскать шедевр. Но тщание мастера помогло там же, где могло сгубить. Когда мы приехали на место, Валентиныч собственноручно обхватил самую большую картину, затащил ее внутрь — и застрял там вместе с сопровождающими минут на сорок, осматривая залы и негодуя на цвет стен, который оказался не снежно-белым, а бежевым. Я все сделал безукоризненно: поле и лес Валентиныча остались лежать в салоне за сиденьями, а поле и лес Лысого отправились на вернисаж. Уходя легким после сброшенного ярма, я все-таки снова бросил мэтру пару слов о провинциальных почитателях.

— Вот что ты пристал, а? — вдруг рассмеялся Валентиныч. — Да знаю я этот Озерный Край! Они мне два года подряд писали. Раз даже телевидение какое-то мелкое туда поехало. Но не нашли ничего! А у тех и доказательств никаких не было! Только фотографии парня какого-то. Ну да, похож слегка на меня молодого, и что? Он, поди, сам ныкался где-нибудь по соседству.

Обратно ехал — руки так и приплясывали на руле. Ни да тебе, ни нет! Ведь писали! Совпадение? И почему он ответил через такую паузу? Пока одна часть сознания сопротивлялась невероятному и призывала организм не перевозбуждаться, другая уже выискивала в поведении Валентиныча — нынешнем, давнем, — хоть что-то связывавшее его с Лысым. Но ничего не обнаруживалось: он не слыл ни затворником, ни истериком. Лишь ремесло их обоих роднило. И кто-то из них врал. А Озерный Край недвусмысленно намекал на то, чтобы я снова в него вер...

...нулся я далеко за полночь. До темноты — благо, она уже быстро накрывает наши широты — бродил по окрестным переулкам, прячась от чужой зоркости, острого слуха и животного обоняния. И только потом, оглядываясь, прокрался к подъезду. И отсюда сбежал бы, да некуда. К тому же я должен хоть что-то узнать. Хотя бы то, что уже ничего не узнаю. Свет зажигать страшно. Комната заполнена тусклыми отблесками и тишиной ночного двора. Донесли или нет? С одной стороны, кто здесь вообще меня знает? С другой — «менты» уже доказали свою вездесущность. О дреме и помышлять нечего, и до утра я подрагиваю под пледом. Ближе к полудню организм капитулирует. И медленно меркнут солнечные зайчики, гонимые по потолку сверкающим металлом машин с улицы.

А затем — через секунду ли, через век? — кто-то словно вгоняет в уши тонкие сверла. Разлепляю веки. Комната снова темна. Не понять, как, откуда вошел в меня этот пронзительный, резкий звук. Но вдруг со стороны входной двери начинает слышаться неясный шорох, и я догадываюсь: в квартиру звонили. Неужели все-таки кто-то сдал? Шорох сменяется металлическим лязгом: дергают за ручку. Не долго, не настойчиво, а так — два-три раза, будто запоздалый гуляка проверяет, точно ли уже закрыт ресторан. Затем становится тихо. Едва дыша, поднимаюсь и крадусь к светящейся точке глазка. Но медленно, слишком медленно! Все, кто мог быть на лестничной площадке, либо уже ушли, либо давно приготовились высаживать дверь — и она вот-вот вылетит прямо на меня. Задержав дыхание, как погружающийся ко дну ловец жемчуга, прикиваю к глазку. И едва не вскрикиваю от неожиданности. Как ни искажает линза силуэт за дверью, его я узнаю всегда. Мозг еще пытается заняться аналитикой и понять, как он меня вычислил, но... рука уже вертит ключ в скважине!

И вот он, этот момент! Мы глядим друг на друга, и теперь я все знаю. Но едва я делаю шаг навстречу, как он вдруг срывается с места.

— Эй! Э-э-эй! — крича, я бросаюсь следом.

Удрать ему не удастся: слишком тяжело найти в темноте кнопку домофона! Когда он наконец нажимает ее, я уже повиваю на нем. Из подъезда вываливаемся вместе, и я первым падаю со ступенек. Он запутывается в собственном плаще и грохается еще менее удачно, перевернувшись через голову. Не успевает встать! Один прыжок — и я уже рядом, а он еще только

поднимается на локтях... и в этот момент какая-то неодолимая сила подхватывает меня сзади и просто бросает на асфальт — точно тюк с мукой. Прижатый сверху чем-то неподъемно тяжелым, я успеваю увидеть, как моего преследуемого хватают две темные фигуры и волокут прочь от крыльца. На какое-то время вся группа теряется из вида. А когда меня поднимают на ноги, я вижу, что темные уже отпустили добычу. Один из них что-то возбужденно кричит в «мобильник».

— Опаньки! — выдыхают мне сзади в шею горячий воздух. — Типа нашелся наш герой, что ли? И жив-здоров, каже...

* * *

«...тся вам, что древние крепости — самый возмутительный на свете мираж? Они вот так красуются вдалеке, парят себе в небе со своими изящными башенками, в которых так и мерещатся то отважные рыцари, то их обворожительные дамы сердца, то коварные изменники. Но заглянешь внутрь — и нет там ничего, кроме, извиняюсь, центнеров птичьего помета...» Худой сутулый старикашка с козлиной бороденкой и зеленым платочком на шее спрутом обвил юную девушку и, таскаясь с нею от одной картины к другой, не давал ни малейшего шанса на побег. Торжество было в разгаре. Виновник уже произнес краткую, проникнутую скромностью и самокритикой речь и теперь давал интервью какому-то журналу о досуге. Гости бродили по залам с наполненными фужерами, разглядывая полотна, — кто с оценивающим выражением знатоков, кто с восхищением подхалимов, а кто просто с видом вежливой заинтересованности, приличествующим модным местам. Я же разглядывал самих гостей: движение всегда интереснее статики, пусть и высокохудожественной. К тому же тема искусства за последние месяцы мне, прямо скажем, немного приелась. Вокруг шептали: «Будет, будет...» Ожидали приезда кого-то монументально-значительного — то ли министра, то ли председателя чего-то, то ли вообще Самого. А я ждал понедельника. Ждал Самого и ждал понедельника. Глазел вокруг — и ждал понедельника. Попивал воду — и ждал понедельника. Корил себя за то, что как-то рискованно и самонадеянно припарковал машину в переполненном переулке — и тут же вспоминал, какая это, в сущности, мелочь в сравнении с тем, что скоро грянет понедельник. День, когда я приподниму пыльную завесу безвестности над чудом Лысого.

Мимо степенно прошествовали сразу три поколения дам света: увитая янтарем кучерявенькая бабуля, ее долговязая дочь

с подтянутыми щеками и бриллиантовой россыпью на измученной соляриями шее и тощая девчушка лет четырнадцати — вся в черном. Да, я все-таки нашел, кажется, относительно безопасный способ свести моего диковинного приятеля с учеными кругами! В качестве первого круга я выбрал нашего хирурга. Угрюмца, который еще в юности ампутировал себе чувство юмора. Над анекдотами не смеялся, на робкие шутки, с которыми больные бодрятся и хорохорятся, не реагировал, телевизор не смотрел и, кажется, вообще не раскрывал никаких книг, кроме научных. Даже на собственном пятидесятилетии он улыбнулся лишь дважды, и оба раза — жене. У такого человека точно не было в лексиконе слов типа «розыгрыш» или «подначка». Так же стопроцентно предсказуем, как в желуде стопроцентно предсказуем дуб. Рядом две полные кумушки энергично обсуждали кого-то отсутствующего: «А ведь ему уже за сорок! Вот все мы — ты, я, Танька, да кто угодно! — приходим с работы домой. Кто детьми занимается, кто исторические книги читает, кто еще что... Этот каждый день — каждый божий день! — с тусовки на тусовку, с тусовки на тусовку! Так и хочется спросить: ты для чего живешь, Боря?»

Чтобы сразу выжечь любые подозрения со стороны хирурга, я попрошу его самого выбрать ассистента, не сообщая мне имени. Нет-нет, двух ассистентов — так научней! А местом эксперимента станет рентгеновский кабинет. Ну, или процедурная — если будет свободна.

У двери в следующий зал женоподобный молодой человек в шарфике поверх сиреневого пиджака кричал прямо в ухо другому женоподобному молодому человеку в толстом свитере с длинным воротом — да так, чтобы слышали оба зала: «Твое неприятие постмодернизма уже само по себе есть постмодернизм!»

Лысый войдет в одно помещение, а мы будем наблюдать за ним из другого через смотровое окно. К Лысому присоединится один ассистент. Потом я его выведу — и заведу второго. Конечно, невозможно предугадать, как они оба среагируют, но... тут без риска никак. Небритый парень с убранными в хвост длинными волосами раскачивался перед спортивного вида очкастым блондином и поигрывал бокалом в руке: «Не-не-не, поверь мне, областные — самые борзые. Москвички — пафосные, но они имеют право, да и пафос этот — наносной, пыль в глаза. Приезжие понимают, что они здесь на птичьих правах, — и не рыпаются. А эти на полном серьезе строят из себя богинь только на том основании, что Москва, дескать, от них через дорогу. Отсюда вся их спесь — и это при полном отсутствии прописки». Уже сейчас было

ясно, что хирург немногим больше моего разбирается в электромагнитных полях и нейронах, но он станет первым, кто хотя бы что-то узнает. И подтвердит тем, кто будет дальше. Ведь кто-то же должен быть дальше. Валентиныч, судя по всему, увлекся — не то интервью, не то молоденькой барышней, которая его брала. Он бегал с нею от картины к картине и истово размахивал руками, а девушка кивала в такт. Дело оставалось за малым — снова заманить в клинику Лысого. Но, учитывая все мои заслуги, не верилось, что понадобятся новые пряники. К тому же... Что он там творит? Что... о Боже! Да пустите же, я врач!

Девушка из журнала верещала, будто ее насильовали семеро. Валентиныч облокотился о стену и рвал воротник рубашки, пуская кататься по полу блестящие белые пуговицы. Лицо мокрое, багровое...

— Окно откройте! Коля, где-нибудь больно? Грудь болит?..

— Это... это... не может, — он тянул меня за рукав. — Не может...

Вместе с обслугой я вывел его в какую-то комнатенку и хлопнул дверь как раз в тот момент, когда за спиной завязывалась потасовка гостей-сердоболов с шуплым телевизионщиком, вздумавшим включить камеру. Валентиныч не терял сознания и по первым признакам не производил впечатление человека, стоящего на краю смерти. Да, пульс его подскочил аж до ста двадцати, но немного погодя пришел в норму. Не успела приехать «скорая», как мэтр уже снова был на ногах. Еще две минуты на переодевание — и он сам на белом коне вылетел из каптерки, грозно отослав эскулапов восвояси и велел продолжать празднество. Политик обязан держать удар, даже самый подлый и болезненный — от собственного тела. И держал он блестяще — все вокруг видели. Внезапный приступ аллергии на чей-то парфюм — и точка! Казалось, лишь мне заметны посиневшие губы и побледневшие щеки. Гости мгновенно разделились на истинно светских (сделали вид, что вообще ничего не заметили), просто светских (улыбались хозяину торжества и разглядывали картины, но время от времени мастерски перешептывались, не поворачивая голов) и невоспитанных (открыто косились и пожимали плечами). Я остался до закрытия. Значительный не приехал: позвонил, поздравил и обещал «как-нибудь». Я следил за Валентинычем, но он уже не давал никаких поводов для тревоги и ото всех сочувствующих только отмахивался. И хоть я считаю себя наблюдательным, признаюсь: не сразу сообразил, что к чему. Просто не понял, куда нужно смотреть. А

нужно было — не на Валентиныча и не на гостей. Мне и в голову тогда не пришло глянуть на место, где свирепствовала «аллергия». Место нашей с Лысым картины. Я осознал это уже вечером, когда увидел, как ее снимают со стены и тащат к выходу.

— А с этой что? — спросил я как можно более непринужденно.

— Потом поговорим, — бросил Валентиныч, захлопывая дверь машины.

Меня прошиб пот. Неужели заметил? Неужели догадался, что я с этим связан? Ясно, свое дитя ни с чьим не спутаешь! Но когда он успел взглядеться во все до мельчайших штрихов?..

— Не-не-не! Невозможно! — кричал Лысый. — Я же все так тщательно... Нет, это безумие какое-то!

Он только что по потолку не бегал.

— Сам посмотри — такая же! Точно такая же! — и уже в тридцатый раз он тыкал в картину Валентиныча, стоявшую у двери в моей прихожей. — Уж я-то кое-что в этом понимаю!

— Что мне от твоего понимания?! — ревел я, стискивая виски.

Впутал меня в мерзейшую историю, возможно, лишил друга, а теперь еще набрался наглости что-то доказывать. Вышвырнуть бы его отсюда, да только не мог я! Не из жалости. Отнюдь. Сквозь оглушающие трубы ярости, сквозь визгливые скрипки обиды тихой, баюкающей флейтой пробивался голос рассудка: то, что он виноват, тебе только на пользу; сейчас его и надо брать, а еще лучше завтра — пусть ночь помучается! Чувство вины и вправду как-то ужало Лысого. Наутро мне казалось даже, что я в квартире один, — так он заскромничал. И действительно уже ни в чем не мог отказать — принял встречу с хирургом как неизбежность. Так что мне крайне досадно было узнать, что у хирурга умер кто-то из родственников и он умчал в Соликамск как минимум на неделю.

Все эти дни я, конечно, пытался дозвониться до Валентиныча, но его телефон неизменно был выключен. Поначалу я не слишком тревожился: все-таки и занятой государственный, и творец-хандрец в одном флаконе. Но где-то в следующую среду девушки из регистратуры вручили мне конверт, который им передала какая-то грустная женщина. В конверте оказалась записка от Лены: она сообщала, что с Колей неладное. Он перестал общаться и с ней, и с сыном, и вообще с кем бы то ни

было. Бросил дачу, съехал на квартиру, где уже несколько лет не бывал, и никого к себе не впускает. И поскольку я, в свою очередь, был флаконом, в котором смешались статус друга и медицинский диплом, кому как не мне было возглавить штурм этого внезапно возведенного бастиона.

Одной рукой я комкал записку в кармане куртки, а другой без устали жал на кнопку звонка. Наконец на его клетот из квартиры откликнулся голос. Вроде как Валентиныча. К двери что-то прошаркало.

— Ты, что ли?

— Я, конечно! Тут все уже...

— Уходи.

— Коль, ты хоть...

— Уходи, говорю. Не поможешь.

И все. И ни звука больше. И только белая лампа гудела над лестничной клеткой. Как я ни мучил звонок, никто уже не откликался. Мне стало страшно. Я уже не имел права отступить. Ведь, скорее всего, беда была накликаема мною. И, отложив пока свои опыты, я стал приходить день за днем: регулярность процедур — основа терапевтического успеха. Тем более что я наращивал натиск. И где-то в воскресенье довел его до предела: сперва трезвонил в дверь, потом стал колотить в нее кулаками, кричать и грозиться выбить. С верхних перил свесились темные, безликие головы любопытствующих. Наконец из-за двери раздался тихий голос. Не от страшных секретов тихий, а от жуткой, невыразимой усталости. Я заявил голосу, что принес срочную новость, которая изменит его взгляд на вещи. Я действительно уже давно решил ему все рассказать и все выяснить — только подбирал последние, самые деликатные эпитеты. Дверь распахнулась. На меня глядели два налитых кровью глаза. Тихий голос произнес: «Ну, заходи». И вокруг сомкнулась такая плотная темнота, что мне показалось, будто я потерял сознание. Вероятно, все шторы в квартире были наглухо задернуты, и ни одна лампочка не горела. Темнота пахла густым перегаром. Судя по тому, что мои колени уткнулись во что-то мягкое — скорее всего, диван или тахта, — я досеменил до комнаты. Темнота молчала — и молчала долго. Я все сидел, боясь неловким движением или случайным словом спровоцировать нехорошее. Как говорить с абсолютным мраком? Было непонятно, ни в каком состоянии Валентиныч, ни где он. Может, остался в прихожей — и спит на полу...

— Ты меня вообще-то хорошо знаешь? — прогремев совсем

рядом, голос заставил меня вздрогнуть. Оказалось, Валентиныч тоже сидел на диване.

— Ну, более или менее...

— Не более и не менее! А просто ни фига! Поэтому ты и стал мне другом. Друг — это человек, который согласен хоть что-нибудь о тебе не знать.

Я решил.

— Коль, на самом деле я кое-что все-таки...

— А ты вот помолчи все-таки немного, о'кей? — гаркнул Валентиныч, почти что сбросив меня на пол волной перегара. — У тебя была возможность узнать кое-что, но ты сказал, что я дуркую!

— Коль...

— Что — «Коль»? Опять про Озерный, да?! О'кей, я из Озерного — радуйся! Что дальше? Озерный он раскопал, археолог! Ты хоть знаешь, что это за парень был у них на фотке? Ты знаешь, кем я там был? А никем! Меня вообще не существовало!

Руки свело судорогой. Конечно, события готовили меня к тому, что я услышал. Но это не мешало страху смыкать кандалы. Мозг стал телевизором, потерявшим сигнал спутника: привычная, домашняя картина мира распадалась на отдельные цветные квадратики, уступая место хаосу. А Валентиныч продолжал — и с каждым словом голос его отвердевал, как с каждой минутой отвердевает бетон.

— Это была какая-то гадость. Понятия не имею, что. Наркота, а может, и еще гаже... Не знаю, как долго длилось. Однажды я очнулся и понял, что не помню, кто я, где и зачем. Вот так! Вообще ничегошеньки не помню! Сижу в какой-то комнате с желтыми занавесками, вокруг — люди... Но кто они, чего хотят?! А в голове — точно голос чей-то. И все твердит: Коля Северцев, художник. Будто кто-то рассказывает мне мою жизнь. Художник! Я — ха-ха! — потом не то что рисовать — карандаш правильно держать не мог! Всему пришлось заново учиться! Ну, или не совсем заново: есть ведь теория, что познание — это на самом деле вспоминание, так? В общем, я больше не хочу туда возвращаться, но тот человек, тот, другой я... Он откуда-то все равно прорывается. И я боюсь. Эти странные работы...

Диван тряхнуло — это Валентиныч вскочил.

— Ну как, доктор, такое ты вылечишь?!

И он тут же зашелся в истерическом смехе. А потом ухватил меня за руку и потащил в прихожую. Парализованный шоком, я даже не сопротивлялся.

— Все, ты удовлетворил свое любопытство! Теперь уходи!
— Коль, подожди! Мне нужно...
— Ничего тебе не нужно! Все, я говорю! Иди! — И он захлопнул за мной дверь комнаты..

Уйти я, разумеется, не мог. Надо было только собраться с мыслями — и выложить ему все. Я нащупал выключатель. И, оглядывая освещенное тусклой лампой помещение, вдруг увидел картину — ту самую. Она стояла у стены, ничем не прикрытая. Да, точная копия, не придраться. И поле, и лес, и небо такое же, по-осеннему просторное... И тут в правой части панорамы, у дальней кромки поля, я заметил это. Сперва казалось, что глаза просто обманывают: долгое сидение в темноте, волнение, усталость... Но они не обманывали. Это было там.

— Ах ты су...

* * *

...ка! Что здесь делаешь?

— Да он не соображает ни фиги! Харэ его месить!

Слизываю с губ теплую кровь. Затылок гудит: успел испытать на прочность стену дома. На ней — ни единого окна: мы стоим с торца. Точнее, стоят они, я удерживаюсь в вертикальном положении двумя парами рук.

— Что — харэ? Он молчит, паскуда!..

Получаю еще один удар по лицу.

— Так, кому говорю?! Закончил! Молчит — и пусть молчит пока. Мы еще не знаем, нужен он нам или нет.

Хватка с обеих сторон ослабевает, и я валюсь наземь. Сознания не теряю, но все вокруг — как за запотевшим стеклом. Внезапно людей становится больше. Меня подхватывают под руки и куда-то волокут. По дороге я, кажется, теряю ботинок. Скорбное путешествие заканчивается на заднем сиденье какой-то машины, где я, судя по всему, все-таки вырубаясь. Потому что когда мир снова обретает яркие тона, я уже полулежу в кресле светлой комнаты. И откуда-то издали доносится до меня голос: «...и врач вас посмотрит, да я и так вижу: ничего страшного!» Поднимаю голову — и узнаю того самого следователя. Все на том же крутящемся кресле.

— Вот видите, как нехорошо бегать. Все равно вернулись — де еще и с намятыми боками. Перестарались местные коллеги, ну да вы и сами виноваты: так неслись, что им и выхода другого не оставалось. Хотя они и его не сразу признали. Но теперь-то вы нам все сами расскажете, верно? И что там у вас на дороге было, и зачем сейчас за ним бежали. Расскажите! Тем более что

оснований запретить вас в камеру у нас предостаточно. Хотите в камеру? И так вижу: не хотите.

И следователь улыбается. Следователь в приподнятом настроении. Следователь ухватил фортуна за причинное место. Следователя вот-вот разорвет от переизбытка гормонов счастья.

— Теперь-то понимаете, что мы специально не стали тогда за вами гнаться. Решили посмотреть, куда вы нас приведете. Вот вы и привели. И отпираться теперь — себе же делать хуже...

Он еще лопочет что-то наставительное, но голос его затихает, точно кто-то невидимый крутит регулятор звука — то ли у него на спине, то ли на затылке, то ли вообще управляет следователем с пульта. А во мне все громче звучит мой собственный, внутренний голос, сперва нашептывая, а потом криком крича то, что так не хочется слышать: «Теперь знаешь!» И это правда. Теперь знаю...

Дверь распаивается — и влетает она. Это, видимо, ее образ — верхом на ветре. От неожиданности следователь привстает.

— Еле... Елена Вадимовна! Как вы себя чувствуете?

— Да при чем здесь я, в самом деле? Где мой... мой муж? Почему к нему не пускают?

В мою сторону даже головы не поворачивает.

— Елена Вадимовна, тут, собственно, допрос. Это же, сами понимаете...

— А-а-а, то есть этот, — не глядя, она указывает в мою сторону пальцем. — Этот важнее, да?! Да кто он вообще такой?

— Но... подождите, ведь это же врач вашего бывшего супруга!

Вот теперь точно всё! Она медленно поворачивается в мою сторону и впервые смотрит — даже не на меня, а сквозь меня, будто бы я весь сработан из стекла.

— Врач? О-о-н?! Нет уж, нашего врача я знаю! Он худой шатен с бородкой. А этот... вы что, не видите, что он маленький, лысый и толстый? Вы, видно, совсем сле...

* * *

...пой дурак! Эта фаустовская жертвенность не только перепархивала чужие жизни, но и в любой момент грозила перепархивать мою. В ярости я вылетел от Валентиныча, так и не продолжив разговора. И ехал вышвырнуть Лысого из всех жизней сразу. Может быть, даже сунуть ему пару раз побольнее — в зависимости от того, как он себя поведет. А как он может себя повести, я уже прикидывал: либо начнет нудно обосновывать свои права на минимальные авторские «отступления», либо опять разрыдается, жалуясь на то, как искалечен судьбиной. Но того, что

ждало меня дома, я не мог предвидеть ни шестым, ни седьмым чувством. Когда я ввалился в дверь вместе с картиной — ее я, пользуясь ситуацией, попросту спер, — внутри правила тишина. Там никого не было. Он не просто ушел — слинял, прихватив свои пожитки и одну из моих теплых курток. И хотя это было именно то, чего я хотел, все внутренние соки вскипели: как так?!! По какому праву?!! Я врезал кулаком по зеркалу с праведной яростью мужчины, долгие годы изменявшего жене и вдруг узнавшего, что и она гульнула разок.

Я был вымотан. А ведь назавтра ожидалась смена графика, которая требовала идеальной физической формы. Один из терапевтов уходил в отпуск, и все утренние смены становились моими. Остро необходимо было лечь, но никак не ложилось: я прыгал туда-сюда, злясь то на себя, то на Лысого, то снова на себя...

На часы посмотрел, лишь когда на столе завибрировал мобильник. Полвторого. Время, прямо скажем, не для «Салют, как дела?» Поначалу подумал: Лысый. Но в трубке рыдала Лена. Она вдрызг расквасилась: лопотала что-то, глотая слова вместе со слезами, а я никак не мог вникнуть в смысл остававшихся междометий. «Он... с ума...» «Крушит...» «Режет...» «Он...» Я бросился к машине, даже не обратив внимания на то, как она вдруг скособочилась. Догадался, только когда руль повело вправо, а движок принялся тужиться, точно под грузом чемоданов и толстых теток. Ублюдки! Сразу два колеса! Но с другой стороны дома, во дворе, стоял фургон — я еще не успел вернуть его. Слава богу, моего пузатого спасителя никто не тронул! Сквозь ночь я мчал к мастерской Валентиныча. И бил, бил, мысленно тысячу раз бил себя кулаком по лбу за то, что поспешил сбежать от него.

У мастерской колотилась в припадке Лена. Даже через полуоткрытую дверь было видно, что внутри больше не пахнет порядком и гармонией: приют муз осквернен жесточайшим разгромом. Самого Северцева там уже не было. Я сунул Лене корвалол и понесся на дачу — единственное место, где он мог сейчас находиться. Свет там горел почти в каждом окне: Надежда Ивановна была начеку и знала даже о моем приезде. «Нет, не объявлялся! Ох, беда-то, беда...»

Дождаться его и начинать разговор при старухе не хотелось: состояние Валентиныча было как никогда далеко от предсказуемости. Пришлось устроить «засаду» на подъезде к Капитоновке: дорога эта и днем почти пустая, а ночью — тем более. К тому же любая машина с легкостью ее перекрывала: чтобы разъехаться двум, требовалось почти на полкузова заезжать в кювет.

Ждал долго. Где-то рядом выводила заунывные, исполненные безнадежности трели одна из последних птиц, еще не сбежавших от грядущего холода. Будто вспоминая какую-то мелодию, она неустанно повторяла три ноты. Полуморозец осеннего утра заставлял то включать, то выключать зажигание. Когда я уже начал подремывать, нудеж тоскующей птахи вдруг стал сопровождаться другим, не похожим на пение звуком. Вначале показалось, что он — снаружи. Но нет, звук рождался здесь: под задними сиденьями что-то ворочалось. Тяжелое и неповоротливое, оно проползло по полу и взгромоздилось на сиденье позади меня. Ход конем. И в зеркало смотреть было не нужно.

— Извини, но спина затекла невозможно! Хорошо я все-таки придумал, а?

— Что х-х-хорошо? С машиной?

Я не знал, что делать. Увидь я его на улице в Москве, тут же бросился бы выдавливать ему глаза. Но здесь он был слишком неожидан и непривычен — как супергерой трехмерного блокбастера в черно-белом немом кино. Его просто не должно было тут быть.

— Да нет, это чепуха все. Заставить человека бояться собственных картин — как тебе замысел?

— Сильно. Но непонятно зачем.

— Темен ты все-таки, приятель. Про кишки все знаешь, а про души — ни фига. Я каждый день ждал, что ты с ним вместе вернешься. Что ты скажешь ему, что он узнает, увидит...

— И я тебе, конечно, был нужен только для этого?

— А что делать, если к этим людям иначе — никак? Что делать, если вы все оберегаете их от малейшего ветерка?! С ним не то что встретиться, ему дозвониться невозможно, а почта... сам знаешь, как до него дошла почта. Думаешь, я одну посылку с рисунками отправил? Да их, наверное, за эти годы с десятков было. И в каждой — письмо. Только, видно, его депутатское величество письма эти теряло, не читая. Даже для тебя он был дороже! Ах, не дай бог узнает! Так что не тебе возмущаться. Я тебе не друг, а крыска лабораторная! Что, скучновато без крыски-то, а?

— Я же помочь хотел...

— Чем, ну чем ты можешь помочь?! Оденешь меня в спецодежду электрика, закатаешь в металлический лист, а по периметру выроешь ров с водой? Кто тебе сказал, что поселиться в пробирке — моя главная мечта?!

— А какая у тебя мечта?

— Сказать ему правду.

— Я, как видишь, тоже пытаюсь это сделать. Только менее подлым способом.

— Подлым?! — взревел Лысый. — Не смей учить меня морали! Я его создатель! Все, что он делает, — мое! И все, что не делает, — тоже мое! Мое, понял?! И не хрен вам всем лебезить перед этим куском глины!

— А ведь говорил, что он гений! Врал?

— Придурок! Я и сейчас считаю его гением. Абсолютным. Но он — гений не по праву!

— А разве так бывает?

— Бывает, знаешь ли! Как с дворянством. Ему ни за что ни про что — «золотая благодать», а он на что ее пустил? Напомнить?!

— Он теперь другой!

— Благодаря мне другой! — вопил Лысый. — Опять благодаря мне! И моим рисункам!

— Но ведь ты его стиль копировал!

Вдруг Лысый с размаху треснулся лбом о приборную панель. Затем еще и еще. После третьего удара он затих. И в этот миг в далеком далеке, у той черты, что отделяет землю от неба, зажглись два желтых кошачьих глаза. Лысый был — не поднимая головы:

— Я не копи-и-и-ы-ы-ы-ровал! Просто я... я уже не могу-у-у писать иначе. Не умею! Пока он набирал известность, я посмеивался. А потом вдруг мне стали нравиться какие-то его вещи. Эта манера... подробная. Вот, думал, у того Северцева берут, у этого — нет. Тому заказы всегда, этому — почти никогда. Может, это я недосматриваю или недописываю? И начал понемногу дописывать. На него озираться. Сам не заметил, как стал сверять каждый штришок. А как бы он это во-о-от?! А как бы он вон то-о-о?! Однажды утром понял, как невыносимо стало работать. Он просто не дает. Он слишком велик. Каждую вещь начинаю с подозрений: а вдруг он сделал бы иначе, лучше? Устал, устал бороться с каким-то вторым собой, который все время смотрит из-за плеча...

— Но разве не так же создаются все вещи — книги, музыка, картины?

— Именно! Именно! Только в конце тот, второй «я» обязан умереть!

Фары светили уже в двух сотнях метров. Да, это, кажется, был Валентиныч. Я завел двигатель. Встречная машина сбавила ход и протяжно, нервно просигналила. Лысый поднял голову.

— Он, да? Вот и дождался!

— Стой! Ты...

Но он уже рвал ручку двери.

— Все! Теперь тебе ничего не изменить. Пойми, я не против Северцева-депутата, Северцева-отца и любого другого Северцева. Хочу только, чтобы больше не было такого художника.

— Как бы не так! — Я газанул и резко крутанул руль влево. Фургон подпрыгнул на кочке. Пейзаж в лобовом стекле повернулся на 90 градусов и померк. Когда он вспыхнул вновь, его наискось перечеркивала трещина. С левого боку — хотя это уже был не бок, а крыша фургона, — что-то злобно скрежетало. Кровь норовила залить глаза. Лысый, завалившийся на меня, со стонами пытался вышибить ногой лобовое стекло. Снаружи завизжали тормоза — это Валентиныч увидел, что случилось. Руль и сиденье стали тисками, не дававшими пошевелиться.

Лысый наконец выбил стекло и стал медленно выползать из салона. И пока он отдалялся, какая-то неумная часть меня на миг — вот безумие! — снова стала жалеть о том, что я навсегда теряю это чудо природы. Когда он шмякнулся на траву, скрежет сбоку стал яростнее — и вдруг в углу моего заваленного на бок мира я увидел нависший над машиной столб, деревянный столб с фарфоровыми изоляторами. От него в разные стороны разлетались искры: это оборвавшийся провод нахлестывал своих еще целых, но натянутых до предела собратьев. «Эй, вы живы?» — раздался сверху голос Валентиныча. Лысый словно услышал команду: преодолевая сопротивление своего полного тела, он отчаянно пополз на голос. Я попытался крикнуть что-то вроде: «Коля, беги!» Только задел локтем гудок на руле, который полностью заглушил все издаваемые мною звуки. Я рванулся вслед за Лысым, но меня удержал ремень. Строптивые, не подчиняющиеся пальцы, казалось, полгода воевали с замком, но в конце концов победили: нейлоновая змея со свистом рванулась вверх. Сплевывая кровь, я принялся выкарабкиваться. Стеклопанель крошка впивалась в руки, но я этого почти не чувствовал. Мне уже удалось почти полностью выползти из кабины, когда раздался крик. Отчаянный, неистовый, страшный, но главное — лишенный какой бы то ни было рассудочности. Он походил на полуживотный вой — такой издают в мучительном сне, из которого никак не вырваться. Я что было сил рванулся вверх — и увидел их. Лысый стоял на коленях на краю кювета, а Валентиныч склонился над ним. Я не понял, кто из них кричал, да и не время было разбираться: последний, превосходящий все человеческие и нечеловеческие возможности бросок... И тут сзади

оглушительно хлопнуло, а меня окатило горячей волной. Столб, вместе с проводами и снопом искр рушащийся прямо на них, — последнее, что я увидел перед провалом в нич...

* * *

...то тут не намекает на жизнь. Ни дивана, ни тахты, ни даже табуретки. Один нескончаемый дощатый помост, на котором я уже провел ночь. И, кажется, еще проведу. Видишь, что ты наделал?

— А что я? Это столб наделал. Кто ж знал, что он такой хлипкий...

— Хлипкий — не хлипкий, а садануло крепко. Триста восемьдесят вольт — или сколько там бывает у таких линий? Обычно такое убивает. А я вот как-то... Пришел в себя, когда вокруг уже была куча народу. Сперва с перепугу шарахался ото всех: не понял, что вдруг стал человеком.

— Человеком — может быть! Но мною-то ты точно не стал! Зачем имя присвоил?

— Не присваивал я. Само как-то... Я еще не понимал, как дышать, а они — уже с расспросами-допросами. Твое имя просто первым в голову пришло. Ну, мое, согласишься, в тех обстоятельствах было бы самым неудачным вариантом. Потом уже додумался добавить, что документы сгорели. Эти теперь тут напускают на себя инквизиторский вид. Что, такое страшное преступление?

— Нет, наверное... Я вообще не про то. Ты сразу его назвал, потому что знал уже?..

— Нет, нет, что ты! Я под брезент не заглядывал! Ведь до последнего скакал по всем этим лестницам, комнатам, дворам! Надеялся: не твои ботинки! Видишь, что натворила твоя правильность? Игрался в науку, сделал меня кроликом, но при этом — при этом тебе еще хотелось оставаться хорошеньким. Я желал гораздо меньшего — всего лишь, чтобы этот человек хоть на миг испугался себя, как я всю жизнь боялся себя... Не дергайся там, с ним все в порядке. С такими всегда все в порядке. Он в уме, в сознании и, кажется, скоро вернется к своим фондам, комитетам, а может, и холстам. Все это время, как оказалось, сидел в Озерном, у своих вновь обретенных родственничков... А у следователя глядел на меня со странным выражением: испуг, смешанный с состраданием. И все порывался выбежать. Но я на него больше не в обиде. Знаешь, под тем столбом, за миг до того, как я лишился всех своих гадко-волшебных свойств, у меня

сбылась самая древняя мечта. Впервые человек вспомнил... меня. Именно меня, я знаю: он вдруг взвыл, как тот самый Слава из нашего двора! И в Озерном я ждал, что он хоть что-нибудь спросит, но он не решился. Может, так и не поверил до конца. Честно говоря, я и сам уже несколько дней с упованием хватаюсь за живучую мыслишку о том, что ничего не было. Вообще ничего! Я всегда жил как все, а нынче просто умом помутнел и взялся за опасные забавы с чужим именем. Вот представь: все это кто-то мне внушил — нарочно или исподволь? А хотя бы тот парень, что якобы меня, полумертвого, от машины оттаскивал, — уж больно хитро он потом посматривал! Как идея?

— Как песок на простыне. Спать можно, но всегда что-то будет мешать.

— Знаю. Картины, да? Угу. Две наши близняшки-идиллии. Так и стоят там, в квартире. Правда ведь — беглому, поверхностному взгляду не различить? Только бдительная обстоятельность заметит. Истукан виден из всех окон двора в Озерном — и из моих, и из его, так что я даже не думал. И притулил-то его, нашего безрукого большевичка, с самого края, к дальней кромке поля — а он сразу заметил. Зоркий художник, дальновидный политик! И везучий халявщик, которому опять лучше всех. Тут удивляются моему равнодушию. Не знают, что мне, как тому государю Ивану Антоновичу, не привыкать к заточению. Да и выйти теперь не лучше, чем остаться. Здесь — всего лишь жесткие доски, а там... там новая, неожиданная жизнь. Оплаченная по особому тарифу. В ней едва ли еще возьму карандаш.

— Ну почему же едва ли?

— Потому что надо бежать.

— От кого? Люди тебе больше не опасны...

— Ты знаешь, от кого, Федя. Думаешь, моя тень скакала все эти дни по земле и воде только потому, что я хотел кого-то найти? Я не просто искал, я... спасался. И спасаюсь до сих пор, и не могу спастись. Потому что ты — везде! В окнах, на экранах, в щели, которую делает эта хитрая дверь КПЗ... Все эти дни я вижу твое лицо, слышу твой голос. Ты обрушиваешься в сознание на полуслове — и я то заново проживаю нашу недолгую жизнь бок о бок, то представляю твою собственную... Ты въелся в меня сильнее, чем я въедался в других — словно это ты, а не я, был излучателем. Теперь я и вправду та самая крыса с электродами в мозгу. Прости, прости меня, наконец! Ослабь силу тока! Выйди из головы!

Олег АЗАРЬЕВ
ЗАБЫТЫЙ ИДОЛ

Человек зачат в грехе и рожден в мерзости,
путь его — от пеленки зловонной до смердящего
савана... Всегда что-то есть...

*Роберт Пенн Уоррен «Вся королевская рать»
(перевод О. Азарьева)*

— Клянетесь ли вы говорить правду, всю
правду, ничего, кроме правды?

— А вы уверены, что хотите знать ВСЮ
правду?

О. Барышенский «Очень короткие истории»

1

Костя заглушил подвесной мотор. Сразу стали слышны плеск и журчанье воды вдоль деревянных, смоленных снаружи и крашенных изнутри бортов. Старая рыбацья лодка еще несколько томительно-тягучих секунд скользила по мелководью к близкому берегу, затем выползла носом на плоскую отмель, увязая килем в мокром сером песке, резко встала и слегка накренилась на левую сторону.

Толчок был не сильный, но Петя на всякий случай ухватился за шершавый борт. Он сидел на корточках на носу лодки и, распрямившись, сразу же спрыгнул на отмель. Босые ступни погрузились по щиколотку в прохладный сырой песок, разбавленный морской водой. Накатила мелкая волна, и ступни еще глубже ушли в песок.

Петя, голый по пояс, загорелый, потянулся, гримасничая от удовольствия, поддернул шорты — широкие и длинные до колена, в бело-синюю вертикальную полоску, как у пиратов из голливудских боевиков, — и сделал несколько шагов по берегу. Оценивающе прищурился и оглядел островок.

— Неплохо, неплохо, Константин... в хорошую погоду, — проговорил он тоном знатока необитаемых островов. — А вот в шторм тут — гиблое место.

— Ну, ты и пессимист, — сказала Марина. Она встала и, осторожно переступая через широкие скамьи, тугие рюкзаки и прочий скарб, добралась до носа лодки. — Какие штормы летом в этой луже?

— Штормы? Еще какие! Ты не смотри, что море мелкое. Оно довольно непредсказуемое. Вот и подобные островки то по-

являются здесь, то исчезают. По воле штормов. Помнишь, что дедок дудел на эту тему?

Марина остановилась на слегка задранным лодочном носу и с сомнением посмотрела вниз, на мокрую отмель. Борта у лодки были невысокие, но Петя по выражению лица Марины понял, что она лениво раздумывает: прыгнуть или нет. Всех троих основательно разморило на солнце, пока они плыли неведомо куда. Вернее, и Марине и Пете ведомо было, куда и зачем они плывут, но точные координаты островка известны были только их предводителю, Косте. А они доверяли ему как себе.

Марина страдальчески наморщила аккуратный носик. В такую жару любое усилие и каждое движение казалось ей чересчур утомительной и ненужной тратой сил. Она неуверенно раздумывала: подождать, пока Костя освободится и поможет ей сойти на сушу, или все-таки набраться духа и прыгнуть самой?.. А тут еще Петя со своими кошмарами...

— Штормы... непредсказуемое... Откуда такие сведения, умник? — спросила Марина и нерешительно поставила ногу на борт лодки. — От старого маразматика?

Петя вернулся к лодке и протянул Марине обе руки.

— Из мудрых книжек. Полезно полистать перед путешествием куда бы то ни было. Все, что он вам на уши вешал, я еще дома прочел. В книжках и в инете.

Костя на корме сосредоточенно возился с ржавой консолью подвесного мотора. Наконец консоль поддалась, мотор сдвинулся, и маленький гребной винт вознесся из прибоя, роняя с лопастей струйки воды. Костя зафиксировал положение мотора, удовлетворенно выпрямился и расправил плечи. Потом закрыл туристский компас, который висел у него на шее, на шнурке для мобильного телефона, и поднялся со скамьи, наблюдая, как Марина в своем красном топики, коротких красных шортиках в обтяжку и красных пляжных шлепанцах цепляется за Петины руки и, слегка отставив красивую полку, не без изящества прыгает с лодки на берег.

Костя поджал губы, ощущая некоторое недовольство. Он хотел первым ступить на остров. Торжественно сойти — наподобие конкистадора-первооткрывателя. Но Петя, похоже, не оценил важность момента и опередил его. Причем без всякой торжественности. И Марина туда же... Костя удрученно вздохнул. Что поделать? В конце концов, не лезть же по головам товарищей на нос посуды с криками: «Стойте, стойте! Дайте мне первым сойти на берег!» Это было бы несолидно, глупо и

смешно. И в первую очередь — глупо. А глупости делать Костя не привык... Впрочем, слегка пожурить их все же надо, чтобы помнили, кто здесь главный.

— Вообще-то, первым сходит на берег команданте, — заявил Костя. — А вы уже сиганули. Без спроса. Без приказа. Без команды сошли на берег.

— Не знаю насчет команданте, но капитан сходит на берег последним, — отозвался Петя. — А ты у нас капитан. Рулевой. Кормчий. А мы всего лишь твоя послушная команда.

— Какая вы команда? — отозвался Костя насмешливо. — Сухопутный народ.

— Тоже неплохо. Экспедиционный корпус... Нет! Группа исследователей.

— Ага! Как бы не так! — сказал Костя с наигранным высокомерием. — Вы — пассажиры. Груз. Балласт! Разгильдяи... Особенно ты, Питер.

— А кто притащил этот балласт сюда? — откликнулся Петя. — Ты, родимый! Ты же хотел показать нам безумные и роскошные красоты этого райского уголка где-то посреди Азовского моря!

— Он, он... — рассеянно поддакнула Марина, машинально переступая шлепанцами, которые непрерывно тонули в мокром песке, словно в трясине. Она сделала два шага вперед и остановилась там, где песок не расплзлся под ногами, а был сухим и слежавшимся.

— Ты приволок нас любоваться дымящимся вулканом, пальмами на берегу, непролазными джунглями и кровожадными ди-карями, — заливался Петя. — А мы — народ нетерпеливый и любопытствующий. Вот и сошли первыми. А что? Жить торопимся и чувствовать спешим — изо всех сил. И это, по-моему, здорово! — Петя взглянул на Марину, ища поддержки.

Но Марина уже не слушала их. Она с интересом разглядывала остров. Это была намытая штормами гряда песка длиной около семидесяти метров и шириной не больше тридцати. На скромной возвышенности в дальнем конце острова торчали два чахлах деревца непонятной породы, словно два осиновых кола над могилами вампиров; а на длинном пологом склоне редкие кусты растопырили ветки с мелкими листочками, напоминая собой не до конца обглоданные скелеты. У подножия склона раскинулось широкое и плоское пространство песчаной отмели, куда и причалила лодка. Вдоль кромки этой отмели, в нескольких шагах от воды, протянулся неровный

песчаный нанос, намытый, должно быть, волнами во время шторма, а на самой отмели тут и там виднелись дары моря, которые называются плавником, — разбросанные как попало и полузанесенные песком доски, сучья, толстое бревно и большая причудливая коряга, смахивающая на кресло работы абстракциониста.

Позади Марины грузно приземлился Костя — рослый синеглазый блондин с гладкой, как у девушки, кожей, в футболке и обрезанных выше колена, обтрепанных по краю обреза выцветших джинсах. Он обнял Марину за тонкую талию, притянул к себе, прижал и не без самодовольства осведомился:

— И как тебе мой островок?

Марина не отстранилась, но взглянула на него снизу вверх с ехидным прищуром. Ох и любит же он побахвалиться порой! В такие моменты, как сейчас, у него просто на лице написано: а где ваш восторг, ребята, — я ведь тут самый лучший. Вот и теперь он просто сияет от самовлюбленности: восторгайтесь островом, восхищайтесь мною; я жду, когда вы начнете визжать и плакать от счастья! Это ведь я в прошлом году побывал здесь в компании приятелей. А теперь вот сделал одолжение — и вас привез... Марина поджала губы. Интересно, а с кем он тут все-таки «бездельничал» в прошлом году? Молчит ведь, не признается. Только и выдавил, что с приятелями, ты, мол, их не знаешь. А ведь в прошлом году, перед его поездкой на море, Марина уже спала с ним и считала, что нашла-таки свою половину. «Не дай бог, узнаю, что переспал здесь с какой-нибудь... — подумала она и тут же спросила у себя: — Ну и что?.. Что будет?.. Да ничего ты не сделаешь! Потерять побоишься...» Она хмыкнула и проговорила:

— Твой островок... Ты сказал это таким тоном, как будто собственными руками насыпал его к нашему приезду.

— Ну, не насыпал, но... как бы... открыл — для вас!

— Ты смотри, Колумб нашелся! — сказал Петя с усмешкой.

— За то, что привез, спасибо, конечно. — Марина помедлила. — Только ведь еще неизвестно, понравится нам тут или нет. «Спасибо за отдых» будем говорить в конце. Тем более что четыре дня — не так уж долго.

Все помолчали, осматриваясь.

— Остров, как я понимаю, безымянный, — проговорил Петя. — Так давайте назовем его как-нибудь.

— В чью честь? — поинтересовался Костя равнодушным тоном.

Петя ехидно прищурился.

— Ну, конечно же, в честь нашего команданте! Материчок Константина Великого.

Марина хихикнула.

— Принято!

— Ладно вам! — проворчал Костя с досадой.

Он еще мгновение помешкал, оглядываясь, а затем решительно пошел в глубь островка — к широкой песчаной отмели с корягой и сухим плавником. Теплый ветерок трепал края его серой вытянутой футболки. Петя и Марина молча двинулись за ним. Костя на ходу обернулся.

— Кстати, хочу обратить ваше внимание, господа неблагодарные туристы: в этом году мы здесь первые.

— И откуда ты все знаешь? — сказала Марина. Идти в пластиковых шлепанцах по песку было неудобно. Марина скинула их, оставив на отмели подальше от воды, и пошла босиком.

— Посмотрите вокруг! — воскликнул довольный Костя, разводя руки.

Петя огляделся.

— И что?

— Песок ровный, балбес! Следы здесь только наши.

— Волнами смыло, вот и все.

— Когда?

— Ближайшим штормом.

— А что дедок, хозяин лодки, нам сказал?

— Этот небритый морской перец много чего натрепал, когда лодку сдавал нам в аренду.

— Он сказал, что с весны не было ни одного шторма.

— И сказал, что пока не предвидится, — добавила Марина. — Но я не очень-то верю нашему заспиртованному морскому волку. Я скорее Пете поверю.

— Не мне, а ученым книжкам, — поправил Петя. — Но и к дедуле не придаться. Он-то все время тут сиднем сидит, в местных рюмочно-распивочных ошивается. Так что, значит, штормов и впрямь не было. Но все может случиться.

— Вот как? Тогда, ребята, чаще поглядывайте на небо, — сказала Марина серьезно. — Если какие тучки, волны... бросаем все, прыгаем в лодку и гоним к берегу.

— Я бы посоветовал чаще поглядывать на горизонт, — произнес Петя. — Раз мы тут первые, могут быть и вторые и третьи. И делить с ними остров я бы не стал. Неизвестно, кого черт сюда

притащит. А ни милиции, ни полиции тут явно нет. И я не уверен, что хуже — шторм или незваные гости.

Костя остановился посреди песчаной площадки, указал пальцем себе под ноги.

— Тут будет наше стойбище! — провозгласил он. — Где-то здесь мы раскладывали костер... Тэк-с... Кострище тут было... камнями обложенное... Хм... Видно, за зиму песком занесло. Или смыло... Ерунда! Откопаем или новое выложим. — Он поставил ногу на бревно, наполовину скрытое в песке. — Главное — смотрите, плавника сколько. Топлива для костра на месяц хватит, не только на четыре дня.

— В общем-то, мне и в самом деле тут нравится. — Петя, поднатужившись, установил покосившуюся корягу ровнее, присел, поерзал, устраиваясь поудобнее. — Ты смотри — почти как в кресле...

— Рано рассиживаться! — объявил Костя. — Надо вытащить лодку повыше на берег и разгрузиться.

— И лагерь неплохо бы поставить, — напомнила Марина.

— Да уж как-нибудь без ваших напоминаний, — отозвался Петя.

Костя ладонью звонко шлепнул Петю по голой спине.

— Пошли!

— Только без фамильярностей, — сказал Петя. — Я могу неправильно понять.

— А ты что, поменял ориентацию? — осведомилась Марина.

— Я — нет. А вот за него не ручаюсь.

— Он тоже, — улыбнулась Марина. — Я за него ручаюсь.

Петя с недовольным кряхтением поднялся и поплелся к лодке. Костя энергичной походкой вечного лидера снова бодро шел впереди. Марина посмотрела им вслед, прикрывая ладонью глаза от солнца.

— Костя!

Тот остановился и обернулся.

— Ну?

— А мне что делать? — скучным голосом спросила Марина. У нее не было никакого желания таскать тяжелые рюкзаки и ставить палатки.

— Погуляй пока, осмотри остров. А мы потрудимся. Так уж и быть.

— Как скажешь, команданте, — согласилась Марина не без радости. — Кстати, а мобилка здесь работает? Домой я могу позвонить?

— А вот это — фигушки! — усмехнулся Костя. — Четыре дня как-нибудь обойдемся без мобилок.

Марина разочарованно вздохнула, вернулась к шлепанцам, подобрала их и пошла к холмику с деревцами.

По песку Марина ступала осторожно, внимательно глядела под ноги, поскольку вдруг вспомнила, что в песке, раз уж тут бывали люди, может притаиться что-нибудь неприятное, — развороченные консервные банки, осколки стекла или еще что-то колюще-режущее.

Выше по склону песок слежался плотно и не сыпался, не проваливался, здесь кое-где пробивалась серо-зеленая травка. Марина снова надела шлепанцы — шагать стало удобнее и быстрее. Она обогнула корявые кусты и направилась к вершине холма.

Два деревца на холме были выше Марины не более чем на ее вытянутую вверх руку — она ради любопытства измерила. Тонкие голые стволы, и на верхушках — по пучку веточек с пучком тускло-зеленых листочков на каждом. Под ветром листочки тихо шуршали. Внизу, по другую сторону холма, в нескольких шагах от Марины накатывали наискось на узкую полосу пляжа небольшие волны. К воде вел короткий, но довольно крутой песчаный склон, а из песка торчали угловатые края нескольких камней. «Да, на заднице тут не съедешь, — подумала Марина. — Но по камушкам, как по ступенькам, вполне можно добраться при желании...»

Впрочем, купаться ее не тянуло, она успела накупаться и позагорать за те четыре дня, что они с Костей прожили в поселке до приезда Пети.

Марина посмотрела с холмика в сторону лодки. Костя и Петя выгружали ящик с пивом. Поодаль уже лежали три рюкзака, три двадцатипятилитровые пластиковые канистры с водой, два Костиных закопченных котелка и плотно набитая армейская сумка, похожая формой на маленький аэростат.

Костя еще с осени твердил им о необитаемом островке в получасе от цивилизации. Дескать, в прибрежном поселке — некогда суровом рыбацком, а теперь насквозь курортно-багажным — лодку для путешествий на островок сдает внаем жилистый пропитой старик, отставной рыбак. С компасом Костя хорошо знаком, недаром полжизни провел в походах по горам и лесам не такой уж и необъятной родины. Так что в море тоже найдет дорогу туда и обратно. Костя обещал не

отдых, а четыре дня райского наслаждения... К лету он таки уговорил их.

Марина искала место, чтобы присесть. В трех шагах от деревьев из песка выступали серые шершавые камни. Крайний, с плоским, словно грубо обтесанным верхом, торчал очень удобно. Марина потрогала его. Он был теплым. Марина присела на камень, спиной к своим спутникам, — так легче было представить, что на острове, кроме нее, больше никого нет. Отсюда густая, темная синева моря, подернутая рябью мелких волн, казалась бесконечной, а мир — совершенно безлюдным. «Хорошо бы, чтоб и впрямь никто чужой здесь не объявился за эти четыре дня», — подумала Марина, глядя на море.

Когда в поселке Костя и хозяин лодки ударили по рукам, старик объявил, что насчет неожиданных и непрошенных гостей на катерах или яхтах, а также погранцов он ничего не гарантирует, потому как никому ничего запретить не может, он не Господь Бог и даже не владелец острова. «Тут, блин, ребятушки, дело такое, — сказал он, разя наповал неистребимым перегаром и дымом от «Примы» с отломанным фильтром. — Тут как повезет. Риск же ж — благородное, блин, дело? А? Ну вы ж, блин, хотите приключений, я вижу. Вот и рискуйте, блин... Только лодку, блин, вернуть не забудьте...»

Марина спросила у него, откуда взялся остров? Костя уже объяснял ей, но как-то туманно, и она не очень-то ему поверила. В самом деле, разве так бывает, разве так может быть? Сегодня нет никакого острова, а завтра на том же месте торчит из воды песчаный бугор, а через неделю, месяц или год его снова нет, как и не было.

Старик, почесывая щеку в грубых морщинах и неряшливой седой щетине, поведал, что такие островки в нескольких километрах от берега и в самом деле после штормов то появляются, то исчезают. Их понемногу намывает на месте мелей, а также вокруг подводных скал «и прочей ерунды». Одни островки существуют лишь до следующего шторма, другие держатся несколько лет, а то и десятилетий, увеличиваются или уменьшаются в размерах, меняют форму, зарастают травой, деревьями, некоторые умники даже хибарки на них сколачивают, а потом в море изменяется течение или еще что происходит («ученым тут, конечно, виднее, блин, чего и как»), и рано или поздно после очередных осенних штормов и зимних бурь островки эти тоже исчезают — вместе с деревьями и хибарками, а бывает — и с людьми. «Вот такое у нас море, — сказал старик. — Непред-

сказуемое... А вы думали — хухры-мухры?» — И он присосался к бутылке с пивом, которую принес ему Костя, — скромное жертвоприношение местному сатиру на пенсии, чтобы тот благословил их путешествие...

Солнце давно миновало зенит и заметно склонилось к горизонту. Оно больше не палило нещадно, а просто ласково грело. Марина закрыла глаза и легла спиной на камень, сунув под голову ладони. Лежать было почти удобно. Теплый ветерок уносил прочь голоса парней, так что Марина слышала только тихий плеск волн и слабый шорох листьев и ощущала непривычную безмятежность. Нечасто ей было так хорошо. Разве что с Костей после бурных занятий любовью, когда она, расслабившись в сладостной истоме, как будто медленно уплывала в блаженное забытие, словно после хорошей порции травки.

Марина была на год младше Кости и Пети. В этом году они окончили четвертый, а она третий курс медицинского университета. Полтора года назад, когда была на втором курсе, перед зимней сессией она познакомилась с Петей.

Марина после занятий сидела над учебником по общей терапии в читальном зале институтской библиотеки. Свободных мест, как всегда перед сессией, оставалось немного.

В зал вошел парень, которого она заметила еще с первого курса. Рослый, кареглазый, с прямым чуть длинноватым носом и твердой линией губ. Темные волосы над высоким лбом коротко пострижены. Через подруг в общаге она знала, что звать его Петр Захаров. Марина считала его довольно красивым. Впрочем, она заметила, что так полагают и другие студентки. Когда Петя попадался ей в коридорах института, нередко его сопровождала какая-нибудь смазливая сокурсница. «Очередная с...а!» — думала ей вслед Марина, потому что самой Марине никак не выпадало познакомиться с Петей поближе.

Но на этот раз ей повезло. Петя оглядел читальный зал, встретился взглядом с Мариной — она не отвела глаз — и направился к свободному стулу за ее столом. Она прилежно склонилась над учебником, но слова на странице больше не складывались в понятные фразы.

Петя со скрежетом отодвинул стул — гулкое эхо пронеслось по залу, и кое-кто недовольно оглянулся, — положил на стол увесистый том медицинского атласа и уселся рядом с Мариной.

Она почувствовала, что непроизвольно краснеет — вероятно, от удовольствия и возбуждения. Щеки и даже лоб горели, как при высокой температуре. «Не хватает еще вспотеть, как лошадь после скачки, — с досадой и отчаянием подумала Марина. — Хорошо, хоть дезик стойкий».

Она лихорадочно придумывала повод, чтобы обратиться к Пете, завязать разговор, а потом и знакомство. Он в это время листал атлас, потом зевнул, покрутил головой, выискивая знакомых, никого не обнаружил, повернулся к Марине и принялся открыто и нахально разглядывать ее.

Она не выдержала, зыркнула исподлобья, глухо и злобно спросила:

— Чего? — И тотчас подумала, помертвев от ужаса: «Вот идиотка! Да полюбезней же ты с ним!.. А то встанет и уйдет».

Петя наклонился к ней и тихо проговорил:

— Смотри не переучись, а то мозги из ушей полезут. От натуги. И так уже аж бордовая. Того и гляди — гм... самовозгорисься.

Марину подмывало сказать что-нибудь дерзкое, но она боялась, что Петя оскорбится и пересядет на другое место, поэтому только пробормотала:

— Хочешь поделиться опытом — как это бывает?

Петя хмыкнул.

— Да ты, похоже, настоящая ведьма. И, небось, ядовитая, как отвар из поганок.

«Ну все, сейчас уйдет», — потерянно решила Марина.

Но он не ушел. Слово за слово, и он уговорил ее прогуляться после читалки. Впрочем, она не очень-то и отнекивалась — для виду разве что.

На прогулке Марина вдосталь наслушалась о нем и его лучшем друге Константине Смирнове, об их интересах, об учебе... и местных баек о преподавателях и профессорах. На прощание Петя назначил ей встречу — или свидание — на следующий день, сразу после занятий.

Роман их стремительно развивался до конца сессии, которую она из-за частых и продолжительных свиданий с Петей чуть не завалила. Впрочем, до интимных барахтаний в постели не дошло. Сессия помешала. Да и Петя не очень-то настаивал и не лез руками куда не положено. Свидания проходили весьма пристойно. Марина недоумевала — почему? Или она ему не так уж и нравится, или он и в самом деле втрескался в нее не на шутку, в таких случаях всякое бывает. Впрочем, Ма-

рина, исходя из личного опыта, сомневалась, что в нынешние расхлябанные времена подобная трепетность вообще возможна...

Потом, уже после сессии, к ним присоединился третий — Костя. Рослый красавец-варяг, белокурая бестия. Потенциальный лидер, надежный, притягательный, всегда уверенный в себе — правда, порой до безудержной самоуверенности. А также самовлюбленный, надменный и нетерпимый с теми, кто ему не по нраву... А с Мариной — любезный, обходительный, предупредительный, ласковый, этакий романтический кавалер из романов Вальтера Скотта, Александра Дюма-отца и старых французских киношек. Да еще и с весьма перспективными родителями... И у Марины начался новый роман, в котором Костя, не в пример Пете, без особых рассусоливаний, настойчиво и очень быстро добился того, что нужно мужчине от привлекательной женщины.

А Петя получил очень вежливую отставку. Во время решительного объяснения Марина как можно мягче и ласковее проговорила:

— Петя, милый, ты не представляешь, как сильно я тебя уважаю...

После долгой и утрюмой паузы Петя ответил севшим голосом:

— Ну что ж, я все понял... Уважауха — штука хорошая. Но не в этом случае.

Однако их компания не развалилась. Через два месяца они снова как ни в чем не бывало встречались втроем, пили пиво, отправлялись на дискотеки, вечеринки и дни рождения, в кино, кафе и на концерты. И снова шутили, хохмили, пикировались. Только теперь не Петя обнимал Марину — нежно, трепетно, осторожно, как хрупкую вазу или колбу, а Костя — крепко, похозяйски, как собственник прижимает удачно приобретенный предмет. И все трое делали вид, что ничего особенного не произошло. Петя не хотел терять Марину и Костю. Костя — Петю, Марина — Костю и Петю. И потому они не копались в подсознании, не ковырялись в психологии, не поминали Фрейда. Они старались просто жить.

Когда Петя покидал их компанию, Марина с Костей отправлялись либо к Косте домой, когда его родителей не было, либо на родительскую дачу, либо в недорогую гостиничку с почасовой оплатой, где Костя показывал, на что способен в постельной премудрости...

Марина вздрогнула от чужого прикосновения и проснулась. Увидела черные плавки и серую футболку своего варяга-рыцаря.

— Мы думали, ты купаешься вовсю, а ты спать завалилась, — проговорил Костя. — Ну, ты даешь!.. И нашла где пристроиться. На камнях. Застудить себе решила всё, что имеешь? А еще медик...

Марина села и потерла кулаками глаза, чтобы избавиться от дремы. Костя примостился рядом, обнял за талию. Солнце повисло над самым горизонтом. Оно было тускло-желтым, как будто за день основательно выгорело. Камень под Мариной был еще теплым, но ветерок с моря похолодал, и Марина зябко подняла плечи и прижалась к теплому Косте. Волны уже не плескались, а шумно плюхались на песок и с шипением растекались по узкой отмели вниз.

Костя нежно прошелся ладонью по спине Марины, снизу вверх, так, что ладонь оказалась под топилом. Двумя пальцами он провел вдоль ее позвоночника, сверху вниз. И его ладонь, словно бы невзначай, оказалась под резинкой ее шортов.

— Я хочу тебя, — прошептал Костя.

— Прямо здесь? — покосилась на него Марина.

— А что, можно и здесь.

— На виду у Пети?

— Он там ужин готовит, ему не до нас.

— Да? Не уверена.

— Давай спустимся пониже.

— Там волны весь пляж заливают.

— А мы стоя.

— А мне так не нравится.

— Как — так?

— По-собачьи.

— Раньше нравилось.

— Кто тебе сказал?

Костя помолчал, раздумывая.

— Что будем делать? — спросил он удрученно.

— Пойдем Пете помогать.

Костя соорудил огорченное лицо.

— А как же э-э-э?..

— Ночью в палатке.

— А Петя услышит... — ехидно заметил Костя.

— Зато не увидит. И мы тихонько будем.

- Ты?.. Тихонько?..
- Может, совсем не будем? — спросила Марина вкрадчиво.
- Согласен, в палатке, — быстро сказал Костя.

2

Под котелком горел огонь, трещали, постреливая искорками, сухие ветки и щепки. Над котелком поднимался пар.

Костя устроился на коряге, походившей на кресло абстракциониста, и с затаенным вожделением втягивал носом долетавшие из котелка запахи.

— Ну что, скоро? — нетерпеливо поинтересовался он.

— Успеется... — сосредоточенно буркнул Петя.

— И кому я поручил такое важное дело, — проворчал Костя. — Если бы я готовил — все уже были бы сыты и довольны.

Петя с деревянной ложкой в руке стоял у костра и смотрел, как в котелке булькает нечто среднее между кашей и супом, приправленное тушенкой. Он наклонился над котелком и тоже потянул носом — громко и демонстративно.

— А что, очень даже вкусно пахнет... — И тут же задумчиво добавил: — Или просто с голодухи кажется?..

Марина лежала, подпирая голову рукой, на старом и прочном, еще советской работы, надувном матрасе из прорезиненной ткани и смотрела на костер. Ей было очень удобно на упругой поверхности матраса, очень спокойно и мирно. Прыгающие язычки пламени завораживали, и она была готова задремать. Но ей не хотелось уплывать в сон из этого умиротворения, и потому она старалась отвлечься, прислушиваясь к разговору парней и временами вставляя пару едких слов.

— Сильно голодные люди, Петя, — заметила она, — запросто могут слопать нерадивого повара. Сырым!

— Фу, какие гадости вы говорите, мадам! — отозвался Петя, тщательно перемешивая варево.

— Это она нарочно, чтобы отбить нам аппетит, — пояснил Костя.

— Понятно. Чем меньше мы съедим, тем больше ей достанется.

— Не претендую, — сухо отозвалась Марина. — Сомневаюсь, что ужин будет объеденьем.

— А ты встань и понюхай котелок, — обиженным тоном сказал Петя. — Запах просто божественный. — Сам он понюхал ложку, подул на нее, хотел было облизнуть, потому как запах не-

замысловатой стряпни ему и в самом деле нравился, но решил, что совать после этого ложку в котелок будет антисанитарией. Он решил снять пробу позже, когда масса в котелке окончательно дозреет. Ждать оставалось недолго.

— Видишь, Костя, он даже ложку лизнуть опасается, — съехидничала Марина. — Чтобы потом всю ночь по кустам не бегать, морской воздух не портить.

— Язва сибирская... — горестно сказал Петя в пространство. — Лишу жратвы и наследства.

— Наследства? — не удержалась Марина. — Пары рваных трузеров и стоптанных кроссовок?.. Али-Баба Корейко!

— Ты, Петя, лучше ей дай ложку облизнуть, — подсказал Костя, усмехаясь. — Если останется живой, значит, можно и нам откусать.

— Ну да, верно. Кобра от яда не умирает, — вздохнул Петя.

— Фиг вам, сами облизывайте, — отозвалась Марина. — Я бы сейчас горячего чайку...

— Или холодного пивка... — мечтательно молвил Петя.

— Ну не-е-ет! — заявил Костя. — Вот этого точно не будет! — Он погрозил пальцем в ту сторону, где в мокрый песок у самого прибоя был зарыт ящик с пивом. — Не дам! Холодное пиво — для жаркого дня! А для такого вечера — и горячий чай сойдет. Тоже, между прочим, неплохо.

— Холодное пиво для жаркого дня... — повторила Марина задумчиво. — Какой слоган!

— Небось по телику слышал, — встрял Петя.

— Клевета! — возразил Костя. — Только сейчас озарило.

Петя изогнулся над котелком, шумно потянул носом и зачмокал губами.

— Ты, Питер, — сказала Марина, — сейчас похож на ведьму из сказки про Элли. Которую пришибло не по-детски. На Гингему... или Бастинду... как их там...

— Осталось только домиком ему по башке треснуть... — добавил Костя мстительно.

Петя зачерпнул из котелка и принялся старательно дуть на густую пахучую смесь в ложку. Потом, вытянув губы, начал осторожно, чтобы не обжечься, пробовать.

— Ну? — спросил Костя. — Что там твоя адская кухня, придворный отравитель?

— М-м-м... — Петя закрыл глаза. — Чудо!.. Какой изысканный вкус! Именины желудка.

Марина слушала, как Петя и Костя хорохорятся, треп-

лются и хохмят, как они весь день и весь вечер играют в веселье и бодрость, как демонстративно показывают ей и друг другу, что им обоим всё нипочем, — слушала и при этом неторопливо, урывками, раздумывала: почему они так заметно ершатся-петушатся? Не потому ли, что сами не очень-то уверенно чувствуют себя на островке посреди моря и что-то гнетет и беспокоит их — что-то подспудное и темное, древнее, полузабытое, загнанный в самый дальний угол, но так и не изжитый полностью животный страх перед неизвестностью и опасностью — страх, который теперь, ощутив эту опасность и неизвестность, пытается высвободиться из пут и оков цивилизации. Маленький такой страшок, усохший за тысячелетия, но по-прежнему назойливый, живучий... Ей и самой на этом островке было немного не по себе. Особенно сейчас, к ночи, тьме...

Костя резко встал.

— Так! Ну, всё! — сказал он грозно и решительно. — За попытку уморить нас голодом я отстраняю тебя от котелка и поварешки...

— Поздно! — перебил его Петя со злорадством. — Харч готов. Садитесь жрать, пожалуйста. — Он взял перекладину с котелком за концы, снял с рогулёк и поставил котелок рядом с кострищем.

Не прошло и минуты, а в котелок уже окунались три деревянные ложки, стремительно выгребая в старые эмалированные миски тягучее варево.

— Да, пахнет стряпня недурно, — приговаривал Костя. — Хотя на вид...

— Если на вкус она такая же, как и на вид... — недоверчиво сказала Марина.

— Миски проглотите! Кладите больше! — напутствовал Петя. — Тут даже мясом пахнет. Где-то рядом с тушенкой лежало...

Когда миски оказались полными, а котелок и в самом деле пустым, Костя вспомнил о хлебе. Марина подсказала, что хлеб у него в палатке, в армейской сумке. «И остальное тоже», — добавила она.

— Ах, ну да! — отозвался Костя. — Надо же обмыть новоселье!.. Петя! А ты чего расселся? А чай кто поставит? Ты же у нас дежурный кок сегодня!.. Давай, дорогой. А то лишу боевых ста грамм.

Петя застонал, бережно поставил миску на песок и с крях-

теньем поднялся с бревна, покрытого свернутым спальником.

— Только ради ста грамм.

Он быстро подвесил маленький котелок с водой над огнем, пошуровал кривой веткой в угасающем костре и подбросил на угли щепок и сучьев.

Марина опять лежала на матрасе, ей по-прежнему было удобно и спокойно, разве что малость прохладно и свежо — с моря начал задуть сырой и зябкий ветерок. Она терпеливо ждала, пока стряпня в ее эмалированной миске остынет, а ребята утомонятся.

По стенам внутри Костиной палатки метался желтый круг света — Костя рылся в вещах. Временами было слышно, как он чертыхается. Наконец полог в палатке откинулся, и появился Костя — в одной руке фонарик, в другой пол-литровая бутылка водки с пластиковыми стаканчиками на горлышке, слева под мышкой круглый черный хлеб в запаянном пакете, справа — охотничий нож в ножнах. Он сел, выключил фонарик и бросил его рядом с корягой.

— Питер, тебе поручаю хлеб, — сказал он озабоченно. — А я займусь розливом драгоценной влаги.

Бутылка осторожно приземлилась рядом с фонариком, хлеб перелетел в руки Пети, нож воткнулся ножнами в песок возле костра. Петя дотянулся до ножа и начал вспаривать пакет на хлебе, а Костя вытаскивал стаканчики, как матрешек, друг из друга и ввинчивал их доньшками в песок. Потом открутил крышку на бутылке и бережно разлил жидкость по стаканчикам.

— Держите посуду. — Он по очереди передал полные стаканчики в протянутые руки.

— Ах, как славно, — вздохнул Петя полной грудью. — Минуты райского блаженства.

— Заметьте — обещанного, — не без гордости добавил Костя.

«А ведь он прав», — подумала вдруг Марина. Ей тоже почудилось, что наступили минуты если не счастья, то покоя и блаженства, когда можно забыть обо всем, что осталось за пределами этого островка, забыть о прошлом и будущем и наслаждаться только безмятежным настоящим.

— Ну, готовы? — произнес Костя торжественно. — Тогда за остров! «Сбылась мечта идиотов», как сказал бы незабвенный Ося Бендер.

И они дружно выпили.

Каша закончилась очень быстро. Костя вертел в руках пакетики из-под каши и супа быстрого приготовления. Марина свернулась клубочком на матрасе, а Петя грустно смотрел в костер. Все молчали. Тишину нарушал шумный накат ночных волн и треск веток в костре. Потом Костя пошевелил ногой жестяную банку из-под тушенки и задумчиво произнес:

— Когда я собирался сюда, отец покрутил эти концентраты, вот как я сейчас, и говорит: эх, нам бы такие, когда мы были студентами и шастали по лесам и горам.

— Ну-у, тогда много чего не было, — подал голос Петя.

— Тушенка и тогда была, — заметила Марина.

— Но, говорят, лучше качеством... — сказал Костя. — Да и не о ней речь.

— Зато не было ни мобилок, ни компьютеров, ни плееров, ни флэшек, ни спутникового телевидения, ни компьютерной графики, ни три-дэ анимации, — проговорил Петя. — Каменный век за углом. И как они только жили?

— В самом деле, — пробормотала Марина. — И как они жили без СПИДа, экстази, героина, «паленой» водки, мафии, террористов, инфляции, взрывов и стрельбы на улицах, мировых кризисов, заказных убийств, извращенцев, маньяков и прочих нынешних прелестей?

— В общем-то, дружно и весело, — сказал Костя с легкой завистью. — Как ни странно, веселее, чем мы сейчас. — Он скомкал пакетики и бросил в костер.

— Чему же завидовать? — пожал плечами Петя, нарезая хлеб. — Диктатура, цензура, очереди, еще что-то там такое... дрянь всякая.

— Наверное, это их только спланивало. А дрянь... Отец говорит: нынешние уроды-политики о хорошем почему-то стараются не вспоминать. А дрянь всякая, как ты это назвал, — она как была, так и осталась. Ну, может, кое-что слегка видоизменилось. Политики стали брехливее и подлее. Хотя при коммуниках их, собственно, у нас и не было. В политику нашу нынешнюю все помои слились — бездари с раздутым тщеславием, подонки с ворованными деньгами, аферисты со связями, чиновники-взяточники... Все осталось, как было, только в более крупных и менее потаенных масштабах... Я отцу верю. В самом деле, человек своим внутренним складом в принципе измениться не может. Какой была его натура три... нет, тридцать тысяч лет назад, такой она и осталась. Если брать по-

крупному, наша жизнь не очень-то отличается от допотопной. Ну, в чем-то немного лучше, а в чем-то немного хуже. Только технический прогресс добавился, да и то лишь за последние сто лет. — Костя достал из кармана шортов сигареты и зажигалку, закурил. — Как я понял, им, тогдашним студентам из отцовской компании, было весело, потому что им повезло: подобралась дружная группа единомышленников... А можно и так сказать, что жили они в то время — вопреки тому времени. Но не все. Отец говорит, те из тогдашних студентов, кто был начальскими жополизами, подлецами и шестерками, теперь, как правило, большие чиновники, но остаются прежними жополизами, подлецами и шестерками. Только теперь не особенно и скрывают это. Да и некоторые нормальные тоже спаскудились...

— Тут я с тобой согласен, — раздумчиво промолвил Петя, открывая банку бычков в томате. — В каждом из нас хватает дерьма. И все мы что-то скрываем друг от друга. Врем, утаиваем правду, уходим от ответа и так далее. При этом одни прячут свое дерьмо подальше и держат под замком, а другие им пользуются — кто втихаря подличает, а кто и не скрывается. И, наверное, ничего с этим не поделаешь. Какой-то умник сказал: «Так было, и так будет...»

— Ну вы, философы! — проговорила Марина сварливо. — Развели трепотню не по делу. Весь кайф сломали. «Райское блаже-е-енство», — передразнила она Петю. — Вы лучше о чае позаботьтесь... И вообще, я замерзла!

Пока Петя сосредоточенно делал бутерброды с бычками и бутерброды с окороком и соленым огурцом, заваривал чай в котелке и вскрывал пакет с кусковым сахаром, а Костя, попыхи-вая сигаретой, разливал в неустойчивые стаканчики вторую порцию «огненной воды», озябшая Марина отправилась в Костину палатку, надела джемпер и притащила на матрас старый, еще бабушкин, тонкий от многочисленных стирок шерстяной плед.

Петя, взглянув на Марину, хлопнул себя ладонями по коленям и удивленно сказал:

— Нет, вы посмотрите на эту сибаритку! Как дома на диване устроилась!

— Вижу — ты жутко завидуешь, — откликнулась Марина и подумала тотчас: «Блин, он ведь может неправильно понять!» И договорила прежним тоном: — Так тебе и надо.

— Завидую? — Петя помедлил (у него вдруг мелькнула

мысль: «Смотря, что ты имеешь в виду, Мариша»), потом пожал плечами. — Тебе только кажется.

Он протянул по бутерброду Косте и Марине. Костя погасил окуроч в песке. Марина села на матрасе по-турецки, закуталась в плед.

После второго тоста — «Ну, за классный отдых!» — Петя и Костя закурили, а Марина, разглядывая звезды, съела еще один бутерброд с окороком и огурцом.

Потом Костя разлил из бутылки остатки, принес гитару, снял чехол и взял несколько аккордов, которые едва перекрыли неутолимый шум волн.

— Если бы не волны, — задумчиво сказал Петя, — можно было бы подумать, что мы на привале где-нибудь в лесу.

Костя отставил гитару и взял стаканчик. Помолчав, отозвался:

— В общем-то, похоже. Только там ветер шуршит листьями, а тут волны шуршат песком.

— И ветерок тут ничуть не теплее, чем в ночном лесу, — добавила Марина с матраса, кутаясь в плед. — И так же жутко... Нет, жутче. Как представишь себе, что вокруг сплошь вода — и вширь, и вглубь. Да еще ночью, когда ее не видишь, а только слышишь, чувствуешь. Оторопь берет. — И она передернула плечами.

— Может, все-таки допьем, а потом уже будем разговоры разговаривать? — предложил Петя.

— Принято! — Костя одной рукой поднял стаканчик повыше, а другой принял у Пети бутерброд с бычками в томате. — За что пьем на этот раз?

— За яростных и непокорных, — сказала Марина. — Как в песне... вы знаете...

— Ну да, как раз в тему, — сказал Петя. — Море, ночь, остров, черт знает кто вокруг острова плавает во тьме. Нам тут лишь пиратов и клада не хватает. Для полного счастья.

— А кто может плавать... там? — вдруг тихо спросила Марина.

— Не знаю, — сказал Петя и поглядел во тьму, где волны гулко падали на песок. — Какие-нибудь кракозябры... с клешнями и щупальцами. И размером с лошадь. А по ночам они выползают на маленькие островки обсушиться. И перекусить туристами.

— Тьфу на тебя! — в сердцах воскликнула Марина. Петя рассмеялся.

— Давайте так! — предложил Костя. — Выпьем за то, чтобы приключения яростных и непокорных всегда имели счастливый финал.

— Я не против, — сказал Петя со вздохом. — Только вот правильный Костя своим правильным тостом весь ужасик испортил.

— Не нужны нам здесь никакие ужастики, — хмуро проворчала Марина. — Нам тут и без них неплохо.

— Ну, поехали, — сказал Костя.

— Ладно, будем толстенькими! — провозгласил Петя.

— Ну, за это я точно пить не буду! — возмутилась Марина.

— Мы пьем за счастливое окончание любых приключений, — объявил Костя.

И они выпили и снова замолчали, слушая море и редкие потрескивания догорающего костра. Костя взял гитару и начал наигрывать одну из забытых песен забытого Окуджавы, но Марина попросила его не брэнчать. Все равно нет настроения ни петь, ни подпевать. Да еще такому старью. Пусть вокруг будут лишь звуки природы. Костя обиделся и сказал, что Окуджава вовсе не старье, а он, Костя, не брэнчит, а играет.

Петя усмехнулся, набирая кружками чай из котелка. Профессионал от дилетанта отличается именно тем, что один играет, а другой лишь брэнчит. Причем в любом деле. Но зачем обижать друга? И Петя высказался в том смысле, что согласен с Мариной, лучше послушать стихию...

Костя вздохнул и отставил гитару. Закурил новую сигарету и осведомился:

— Ну, так почему же здесь страшнее, чем в лесу, Мариша?

— Во-первых, там, на материке, везде земля, — проговорила Марина рассудительно. — Иди, беги — под ногами твердь. А тут крохотный кусочек... и не земли даже, а так, песка... а вокруг ночная тьма и черная, как ночь, вода. Невероятное количество воды, а посреди — горстка песка и три идиота. Впрочем, я, кажется, повторяюсь... — Она немного помолчала. — И хоть нас трое, все равно, как подумаю, тут же у меня в груди начинает шевелиться какой-то ком... из одиночества и страха. — Она медленно покивала в подтверждение своих слов. — Во-вторых, я не знаю, чего ждать от этой воды. Может, за ночь она смоет островок вместе с нами... — Она понизила голос. — Недаром настоящий Робинзон... как его... Селкирк, тронулся рассудком. И, наверное, тронулся ночью... —

И, немного подумав, она неторопливо договорила: — Я люблю тепло и уют. Походы по горам и лесам для меня — определенный экстрим. Я доказываю себе, что способна на что-то. А тут, если экстрим и есть, то зависит он не от тебя, а от безмозглой природы. И непонятно становится, что я, собственно, здесь делаю?

— Ну, договорилась, — заметил Костя снисходительно. — От райского наслаждения до черт-те чего. Тоже мне, Робинзонша.

Петя попросил у Кости сигарету и зажигалку.

— Не знаю, как Костя, но и я чувствую почти то же самое, — медленно заговорил он. — Остров — как запертая комната. Никуда не уйти, что бы тут ни случилось. Даже друг от друга... Правда, комнату можно отпереть. А вот остров... — Он вздохнул. — Одно меня радует: утром взойдет солнце — и страхи умрут.

Марина несогласно фыркнула.

— Ну, спрячутся. — Петя затянулся сигаретой. — Просто мы с тобой, Маринка, сегодня впервые на необитаемом острове. А завтра поплещемся, позагораем, обвыкнемся и после заката выясним, будет нам снова что-то мерещиться или нет. А вдруг все твои страхи за день соленой водичкой смоем? Притремся к острову и забудем все эти нелепые жутики и кошмары.

— А что скажет наш предводитель? — спросила Марина.

Костя хмыкнул. Он точно не помнил, что испытывал в прошлом году с приятелями и приятельницами на этом островке. С самого приезда они крепко пили и отчаянно блудили, и он позже с трудом припоминал, что они вообще делали. Но сейчас ему тоже было немного жутко. Потому он и вытащил гитару — пошуметь песнями. Но в том, что и ему не по себе, он не признался бы ни Пете, ни тем более Марине — ни при каких обстоятельствах.

— А ничего, — насмешливо сообщил он. — И пошли спать. Поздно уже! — Он встал, бросил окурочек на багровые угли, шагнул к палатке. Потом обернулся. — Ты идешь, Мариша?

Марина нехотя поднялась и, придерживая на плечах плед, подошла к нему.

Петя тоже встал. «Говоришь, ничего? — подумал он, глядя на друга. — Знаю я тебя. Раз ничего, значит и тебе тут бздовато. Красуешься перед нами. И не перед нами, а перед Маринкой. Ладно, красуйся дальше, скаут без страха и упрека».

— Костя! — окликнул он. — Оставь сигареты. И зажигалку.

Костя засунул зажигалку в пачку сигарет и бросил пачку Пете. Он с нетерпением ждал того момента, когда останется в палатке вдвоем с Мариной. Ему бешено захотелось почувствовать ладонями ее упругое тело, а губами — ее шею, податливые губы, копну ее волнистых волос, почувствовать ее покорность, ее готовность отдать себя...

— Костик, я вообще-то на матрасе спать буду, — сообщила Марина и повернулась к Пете. — А ты спать не идешь?

Петя уронил окурочек в песок у костра, сунул пачку с сигаретами за резинку плавок и скучным голосом ответил:

— Пройдусь по бережку перед сном. Половлю кракозябров.

— Не забудь котелки помыть, — напомнил Костя.

— Весь вечер только и мечтаю...

Когда Костя, недовольно бурча под нос, заволок сопротивляющийся матрас в палатку и они с Мариной скрылись за пологом, а по стенкам палатки запрыгали карикатурные тени в желтом пятне фонаря, Петя собрал грязную посуду, нырнул в свою палатку за фонариком, а затем, загребая босыми ногами остывший песок, медленно пошел к лодке. Он догадывался, чем сейчас Костя и Марина займутся. Ему неприятно было бы слушать вздохи и стоны из их палатки. Он решил подольше задержаться на берегу, может быть, отсидеться в лодке, наедине с ночным морем — черным, маслянистым, слабо поблескивающим, подвижным и оттого опасным и завораживающим. И пусть волны заглушат ночную жизнь их привала.

Петя шел к лодке в тусклом свете молодого месяца и множества ярких звезд, обсыпавших небо. В одной руке он нес большой котелок, в который положил котелок поменьше с мисками и ложками, а в другой — походный двусветный фонарь. Фонарь был включен на рассеянный боковой свет, и слабое желтое пятно моталось по песку под ногами.

Петя вглядывался в темноту, откуда доносился угрожающий шум невидимых волн, пытался разглядеть лодку. Днем разгруженную лодку они с Костей почти полностью вытащили на берег... Вот и смутный силуэт ее, немного наклоненный на один борт.

Петя поставил фонарь на землю, светом к морю, прошел несколько шагов и почувствовал, как босые ступни погрузились в водно-песчаную смесь. Он уронил большой котелок под ноги (в котелке лязгнули миски с ложками) и сел на корточки. Достал

маленький котелок, поставил рядом с большим. Потом оглянулся на палатки. Они едва виднелись в отсвете угасающего костра.

«Интересно, что они там сейчас?.. — сумрачно подумал Петя, чувствуя тяжесть в груди. — Уже начали? Или только укладываются?.. — Он сжал зубы. — Да хрен с ними, в конце концов!.. Что мне, нечем заняться? Вот сейчас буду с удовольствием железо драить... До оргазма». Он взял большой котелок, зачерпнул им песок с водой, сунул руку внутрь и, стараясь ни о чем не думать, начал сильно и зло оттирать подсыхающую кашу.

Когда в чистый большой котелок были сложены выдраенные маленький котелок, миски и ложки, Петя медленно выпрямился, потирая занывшую от неудобной позы поясницу, взял котелок и фонарь и отнес подальше от прибора. Фонарь он погасил, и темнота сразу стала гуще. Он взглянул на тлеющий костер, потом решительно развернулся и пошел к лодке. Ему захотелось посидеть в этой старой, выдавшей виды посудине, поглядеть на звезды, послушать, как накатывают на берег волны. Успокоиться. Отрешиться... Посудомойные радости отрешиться не помогли. Только добавили усталости и раздражения. И мысли о Косте и Марине тоже никуда не делись, он лишь отгонял их, как назойливых и опасных ос.

Петя коснулся носа лодки, на ощупь прошел вдоль корпуса к корме. Волна резко ударила его по ногам выше колен.

«А море-то к ночи разошлось, — подумал Петя, невольно делая два шага назад. — На шторм, конечно, не тянет. Однако не сволокло бы лодку в воду. — Он взялся рукой за влажный борт. — Вымоет песок из-под кормы, и не заметим, как унесет наш крейсер. Вот хохма будет!»

Следующая волна была мощнее. Она с такой силой ударила в корму, что лодка содрогнулась. Мелкие брызги осыпали всего Петю. Вода забурлила вокруг ног, потащила песок в глубину. Петя почувствовал, что его ноги тоже ползут вместе с песком. Его вдруг охватила паника — на миг показалось, что вода уже поборола его и сейчас утянет с берега в черную бездну. Даже дыхание перехватило, как будто он уже тонет. Петя судорожно и крепко вцепился руками в качнувшийся навстречу борт, перегнулся и неуклюже упал на влажное дно лодки.

«Прямо-таки девятый вал, — подумал он, успокаиваясь. Ладно, подождем, что дальше будет. Если начнет подмывать

дно, я почувствую — лодка будет покачиваться... Не пришлось бы прерывать ласки влюбленных и бурлачить лодку дальше на берег. — Он злорадно хмыкнул. — Вот облом будет для Кости!..»

Он кое-как устроился на носу, на сыром настиле, пахнушем деревом, водорослями и рыбой, жалея, что не прихватил спальник, но возвращаться к палаткам не было желания. Вытянул ноги, достал из пачки сигарету и зажигалку, поднял голову и загляделся было на звезды, но тут большая волна снова гулко ударила в лодку, прошуршала вдоль корпуса, плюхнулась на берег.

Петя с беспокойством прислушался к журчанию убегающей воды, закурил и спрятал пачку в плавки. Присутствие Марины на острове его стесняло. Лучше бы они приехали сюда чисто мужской компанией. Два парня и всего одна девушка на острове, да еще когда она нравится обоим, и не просто нравится, но и вызывает весьма определенные чувства и желания... Впрочем, он думал, что все в порядке, все в прошлом, что ничего такого не будет, никаких эмоций... И так ошибся! Да, Костя точно сглупил, когда взял ее на остров. А он, Петя, просто идиотище, раз без боя уступил Марину. Как же! Благородство. Дружба. Последнее слово остается за дамой... А Костя? Поступил бы он так же? Этот вопрос постоянно мучил Петю. Вот только задать его другу он не решался, опасаясь, что Костя оскорбится. Да и скажет ли правду? Дружба дружбой... Где-то он слышал, что мужскую дружбу могут разрушить лишь две вещи — женщины и деньги. «Хотя нет, не только, — сказал он себе. — Любые отношения может разрушить еще и раздутое тщеславие. А у Кости его и так больше, чем надо. Боюсь, заматерееет со временем дружище, и попрет из него чванство, как гной из прыща. Будет ли тогда вообще узнавать старых друзей? Станет ли принимать товарищеские замечания или будет считать, что все замечания — суть производные тайной зависти? Будут, конечно, и завистники. Только вряд ли среди них окажусь я. Да только ему ведь не объяснишь... Впрочем, возможно, я не прав, может, ничего такого и не случится. Будет он по-прежнему всем друг и хороший парень... со званиями и наградами. Если такое, конечно, бывает в жизни... А Марина?.. А что — Марина?..»

Петя вдруг вспомнил, как он вошел в читальный зал и увидел Марину. Она была похожа на Брижит Бардо — еще юную и еще не крашенную под блондинку. Он давно приметил ее в кори-

дорах института и тогда же решил познакомиться. Случай был весьма подходящий — стул рядом с ней пустовал. Петя направился прямо к ее столу. Он почему-то был уверен, что уйдет из читального зала вместе с этой девушкой...

И все поначалу складывалось прекрасно.

А потом появился Костя. Для него Марина была не первым институтским трофеем. И не последним, считал Петя, хотя Костя убеждал его, что такого, как с Мариной, у него не было ни с кем, что это — настоящее. И что он вовсе не отбивал Марину. Ну, просто вот так вот все получилось: просто Костя оказался более привлекательным, и Марина потянулась к нему. Чего уж там? Расслабься, друже... Петя верил и не верил в это, но не стал выяснять отношения. С лучшим-то другом. Он уступил. А вот Марина, пожалуй, и впрямь «втюхалась» в этого героя-любownika.

Одиночество и немного водки настроили Петю на критический лад. И мысли у него были под стать — тяжелые, хмурые, сонные. Задремать мешал разве что бодрящий ветерок, пропитанный запахами моря.

Петя прикурил новую сигарету от окурка, выбросил окурки за борт и снова задумался. Косте всегда везет — наверное, поэтому он такой решительный. Везунчик. Аура у него, что ли, такая... или генетика... И всегда ему достается лучшее. И легко. Да и вообще нашему Косте, даже когда что-то не складывается, не о чем беспокоиться. Ведь папа его — богатый человек и начальник, у которого Костя единственный сын и наследник. Костя и сам умный парень, в жизни он наверняка немало добьется. И даже без отцовской поддержки. А с поддержкой добьется еще большего. Правда, впрочем, такова, что сам он никогда и никому не признается, что с поддержкой. Возможно, и себе. Не при его самовлюбленности.

Нет, конечно, Костя надежный человек, настоящий друг. Во всяком случае, пока. Поддержит, поможет, подскажет. Петя не раз убеждался в этом. Правда, сам Костя никогда не попросит ни поддержать, ни помочь, ни подсказать. Мол, сами с усами. Одно дело — быть покровителем, а другое — быть под покровительством. Нравится ему быть покровителем, непогрешимым лидером. Впрочем, он лидер и есть. С ним Петя не стал бы спорить за лидерство. По дружбе. Пусть себе тешится. Покоритель вершин. Одинокiй герой на гигантском постаменте. Властелин мира и повелитель стихий...

А что у самого-то Пети? Если прямо и честно. Родители —

люди очень среднего достатка. Вернее, мать. Отец, нестарый еще человек, умница и силач — сочетание, которое случается крайне редко, — два года назад умер от разрыва сердца прямо на работе. Так что мать и младший брат — небольшая подмога, скорее моральная. А еще точнее — балласт. Вот и выходит, что Петя, как и Костя, тоже пробивается наверх сам. Но — без подстраховки. «Для Кости его жизнь вроде как репетиция — не удалось раз, попробует другой, — думал Петя. — А у меня вроде как смертельный номер — не выйдет в первый, второго раза может и не случиться... Конечно, с подстраховкой рисковать не страшно, риск-то минимальный». Зато он может гордиться — пусть лишь перед собой — тем, что хоть с Костей и дружит, но не пользуется им, как рыба-прилипала, поскольку считает, что если воспользуется, то дружбы на равных не будет, а значит, не будет вовсе. А он не хочет быть другом из милости, другом второго сорта. Уж лучше добиться в жизни меньшего, но говорить с Костей на равных. И за Марину он не стал бороться, потому что и в самом-то деле выбор остается за женщиной. «И что мне было делать? — размышлял Петя горестно. — Костя выбрал Марину. И я выбрал Марину. Даже раньше Кости... Но Марина-то выбрала Костю. Не драться же мне с ним на дуэли — из-за ее выбора! Он-то тут при чем? А если бы она осталась со мной? Да и какие дуэли в эпоху заказных убийств!.. Морду набить никому из нас троих я и то не могу — и друга почем зря потеряю, и Марину не верну, а себе и рад бы — да не получится... Она ведь ясно сказала, что уважает, мол, да и только... Недаром говорят: сучка не захочет — кобель на нее не вскочит. А поверить, что эта парочка — Ромео и Джульетта... что у них безумный амур-лямур... Поверю лишь тогда, когда они женятся...»

Еще одна большая волна с размаху врезалась в корму лодки, пена плюхнулась через борт. Петя почувствовал, как лодка покачнулась и сдвинулась с места, подхваченная водой. Он резко поджал ноги и сел. «Пора звать подмогу, — подумал он озабоченно. — А то заробинзоним тут не понарошку...» Он щелчком отбросил окурочок в сторону и прыгнул за борт — ногами в мокрую песочную кашу. Волна тут же шарахнула его сзади, словно дала пинка, — он едва на четвереньки не встал. И почему-то подумал: «Вот и природа с твоими рассуждениями не согласна».

Петя быстро пошел по остывшему песку к лагерю. Вдруг вспомнил о котелках и фонаре, вернулся, нашарил их и снова поспешил к палаткам.

В палатке Кости было тихо: то ли уже закончили, то ли так и не начинали.

Петя поставил котелки и фонарь возле кострища, включил фонарь на боковой свет, ладонью похлопал в стенку палатки и громко сказал:

— Подъем! Аварийная ситуация!

В палатке зашевелились.

— Ты чего орешь? — недовольно спросил голос Кости.

— Лодку смывает.

— То есть...

— Пошли — сам увидишь.

— Я же говорила — нечего сюда переться, — слышался сердитый голос Марины. — Дождались шторма.

— Никакого шторма нет, — сообщил Петя мягким тоном. — Просто по ночам стихия всегда суровее. А мы этого не учли.

— Ничего, подтянем повыше, и все будет в порядке, — успокоил ее Костя, выбираясь из палатки. Он включил фонарик, и они с Петей почти бегом отправились к лодке.

В свете фонарей стало видно, что песка на отмели заметно убавилось и корма их посуды покачивается и подпрыгивает на волнах. Тогда они встали по бокам лодки и крепко взялись за борта. И тут же вал соленой воды нахлынул, ударил в спину, намочив их по пояс, обдал брызгами, забурился под ногами, потащил с песком назад, в черную глубину.

— Как накатит новая волна — толкаем на берег! — командовал Костя. — На счет «и — раз». Дружно!

3

Прохладный ветерок с резким запахом водорослей прокатывался вдоль острова. Костя с наслаждением подставлял ему лицо, голые плечи, грудь и живот. Море было смирным, оно едва колыхалось, будто за ночь утомилось и наконец-то задремало. Тишину нарушал только легкий плеск у самого берега.

За ночь береговая линия островка немного изменилась. Костя заметил это, когда перед рассветом выскочил из палатки и пробежался от лагеря к лодке, от лодки вдоль берега к холму и обратно к палаткам. Отмель на дальнем конце острова, у самого подножия холма, заметно расширилась, зато волны смыли метра два пляжа с плоской стороны островка — с той стороны, где стояли палатки. Впрочем, до палаток оставалось не меньше пятнадцати метров. «Надеюсь, за сегодня-завтра море не дотя-

нется до лагеря, — подумал Костя подавленно. — Хотя черт его знает, это море!.. А в общем, подождем до вечера. Если что — перенесем пожитки на холм. — Он с ненавистью взглянул на лодку. — Вот только надеюсь, это корыто не придется тащить туда же». Затем он помочился в кустики, поприседал и попрыгал возле палаток, размахивая руками, чтобы размяться после не-сладкого сна в спальном мешке. При этом Костя разглядывал берег, прикидывая, достаточно ли далеко вытащили они лодку ночью, и решил, что нормально, — от кормы до полосы мокрого песка оставалось не меньше четырех-пяти шагов. «Круто мы ее протащили — в темноте да с перепугу. И откуда силы взялись?.. А вот как мы ее обратно толкать будем?.. Хотя, может, берег за эти дни еще подмоет...»

Затем с опаской и надеждой он бросил взгляд на небо. Заря на горизонте стремительно светлела перед восходом солнца. В далекой голубизне — ни туч, ни облаков. Значит, непогоды не предвидится. Хотя и в этом нельзя быть уверенным. Как и в прогнозах метеорологов, обещавших неделю прекрасной погоды.

Из-за горизонта показался ослепительный, режущий глаза край солнца.

— А вот и рассвет! — громко и радостно сказал Костя и раскинул руки, словно собирался обнять светило.

Когда заспанная физиономия Пети высунулась из палатки, Костя сидел возле разведенного им костра, подкидывая в огонь деревянный мусор, собранный поблизости. Над огнем висел котелок с водой, рядом с Костей стояла початая бутылка пива.

— Привет, любитель поспать, — сказал он Пете. — Наверное, приятные сны снились.

Петя посмотрел на запястье — на отцовское наследство, старый, бывалый, но все еще пылевлагонепроницаемый «Ориент».

— Ничего себе — поспать! Только шесть тридцать девять. Да еще после вчерашних героических усилий... — Он повертел головой. — Маринка-то — никак все еще дрыхнет?

— Ну, даме можно. Она вчера тоже старалась с этой лодкой.

Петя выскочил из палатки и рысцой помчался за кустики. Костя подкинул в костер последние две щепки, отхлебнул из бутылки и довольно зажмурился. Нет, все-таки это была хорошая идея: поробинзонить в тесном дружеском кругу хотя бы несколько дней. В прошлом году было не то... Пьяная толпа, косячки с травкой, таблетки, девки, готовые на все и со всеми... И

едва закончилась выпивка, все погрузились на катер и отправились восвояси, попутно рыгая за борт. А потом гордо рассказывали: какой был кайф на острове... Костя кайфа не испытал. Как говорится, идея была хороша, а вот исполнение — ни к черту... Зато сейчас и впрямь кайф.

Обратно Петя возвращался не спеша, обхватив себя руками за голые плечи. Постоял перед костром, согреваясь. Вчерашний день, а вернее, поздний вечер у костра, да и ночное приключение с лодкой ему понравились. Хорошо бы и дальше так...

— Прохладно, — сообщил он с недовольством и поежился. — Пока солнце не разгорелось, надо утеплиться. — Он скрылся в палатке и вскоре появился оттуда в темно-зеленой футболке с эмблемой какой-то фирмы. Присел перед костром и, слегка морщась, помял себе мышцы на плечах. — Здорово мы ночью попахали.

Ночью, когда они вытаскивали лодку подальше на берег, очередная волна подталкивала и лодку, и Костю с Петей сзади, и поначалу они споро продвигались на берег. Потом волны перестали доставать до парней, а затем и до лодки. И тогда началось самое трудное. На счет «и раз» они тянули и толкали лодку носом вперед, песок противно скрипел под днищем, мокрые плавки неприятно липли к телу, а лодка едва двигалась. Между выкриками Кости «и раз» они поминали всевозможные грыжи, громко матерились и часто устраивали короткие передышки.

Потом прибежала Марина. Они втроем уперлись плечами в корму и, ругаясь и крикая от натуги, понемногу двигали тяжелую лодку все дальше и дальше, пока Марина не упала на колени, выдохнув: «Я в ауте». Тогда Костя выпрямился, посветил фонариком за корму и объявил: «Хватит! Приплыли!»

Они вернулись в лагерь и, чтобы согреться и расслабиться, выпили при свете большого фонаря граммов по пятьдесят спирта из Костиного НЗ, разбавив его водой, угрюмо закусали остатками окорока с хлебом и последними тремя солеными огурцами, покурили, перебрасываясь пустыми фразами, чтобы не чувствовать себя потерянными и одинокими, и только в третьем часу ночи разбрелись по палаткам.

— Пива хочешь? — спросил Костя.

— Лучше чаю... Давай пиво не будем сейчас дуть. Выкопаем перед купанием бутылок пять и оставим в воде. Пусть и дальше охлаждается. Представляешь, солнце, жара, жажда — и холод-

ное пиво с сушеными кальмарами. — Он улыбнулся. — Бесподобно!

— Ты кальмаров прихватил? Молодец! Тогда — будь потвоему.

В котелке забулькало. Петя принес из палатки пакеты с сахаром и заваркой и пустой черный пакет для мусора.

— Надо бы прибраться.

— Давай. — Костя благосклонно кивнул. — Я сегодня повар, а ты, значит, мусорщик.

— А что? Как говорили марксисты-коммунисты: любой труд почетен.

— И бесплатен, — добавила Марина из палатки.

— Похоже, все проснулись, — заметил Костя.

— С вами поспишь, — проворчала Марина. — Орете над ухом. Я вас давно уже слушаю.

— А подслушивать за старшими нехорошо, — заметил Петя. Он сосредоточенно собирал в мешок остатки ужина — одноразовые стаканчики, целлофановые пакетики, пустые банки.

Марина вышла наружу, расчесывая щеткой жесткие черные пушистые волосы.

— Было бы что подслушивать... — Кивнула на костер. — Костик, ты что, готовить собираешься? Я, например, есть не хочу.

— И я тоже, — подхватил Петя.

— Только чай, — сказал Костя, высыпая в кипяток заварку. — С сахаром. Можно с сухарями или сушками. У кого что?

— Сухарики у меня, — сообщила Марина, сладко потягиваясь.

— Сушки у меня, — сказал Петя, завязывая мешок с мусором. — Но сначала я окунусь.

Марина в красном купальнике — две узенькие полоски — загорала на своем надувном матрасе. Матрас, покачиваясь, плавал в нескольких шагах от берега, на мелководе. Марина расслабившись, дремала. На ее лицо и большие черные очки падала тень от длинного козырька белой бейсболки.

— Я пошел, — сказал Костя. В руке он держал маску и трубку. Мелкие волны, ласково журча, перетекали через черные ласты.

Петя, жмурясь от яркого солнца, приветственно поднял руку и тотчас уронил обратно. Он лежал на песке у воды кверху животом, раскинув руки и ноги, как лягушка на лабораторном столе. Ноги его омывали мелкие волны.

Марина подняла голову, спустила очки на кончик носа и заботливо сказала:

— Костик, далеко не заплывай. И долго не плавай. А то мы будем волноваться.

— Я не буду! — подал голос Петя. — Плавай, сколько хочешь. Можешь плыть хоть в Америку.

Костя ополоснул маску, натянул на лицо, приладил трубку и прогнусавил на прощание:

— Хрен тебе! Мне и тут неплохо.

Петя усмехнулся. Еще бы тебе тут плохо было! Море, солнце, девушка...

Костя сунул загубник в рот и попятился на глубину. Когда зашел по пояс, плюхнулся в воду, как тюлень, и заработал ногами, быстро удаляясь. За ним оставался пенный след, словно вместо ласт у него был катерный винт. Отплыв метров на сто, Костя нырнул — ласты взметнулись над водой и ушли в глубину.

Петя, шурясь, проводил друга взглядом, потом нехотя поднялся, поискал глазами торчащие из мокрого песка бутылочные горлышки с цветными крышками. Жара его разморила, а до пива было целых два шага. Петя дополз до пива на четвереньках. Возле бутылок присел на корточки, взял одну за горлышко и вдруг подумал, что если он, такой размякший, выпьет пива, то непременно заснет и обгорит на солнцепеке. И тогда весь день пропадет, а может, и весь отдых. Он посмотрел на море. Сначала надо бы освежиться, хотя после солнцепека вода покажется ледяной. Он поколебался, но не передумал. Взбаламучивая воду ногами, с отчаянным воплем пробежал несколько шагов вглубь и рухнул в прозрачную воду.

Задремавшая было Марина вздрогнула, резко приподнялась и чуть не свалилась с матраса. Петя тут же вынырнул, встал на дно (воды было чуть выше пояса), пофыркал, протер глаза.

— Петя! Что за идиотский вопль? — осведомилась Марина.

— Это для самоуспокоения. — Петя подплыл к матрасу. — Чтобы не так холодно было. — Он брызнул на Марину водой.

— Ну-у! Ты что! — возопила Марина, отмахиваясь. — Чем дурака валять, сплавал бы, посмотрел, где там Костя.

— Щас! Ты же знаешь, я на глубину не плаваю.

— Да? Как-то не обращала внимания.

— Еще бы! Все твое внимание приковано к великолепному Константину.

— Зануда... И плавать не умеешь. Сухопутная зануда.

— Почему? — оскорбился Петя. — В бассейне я от борта до борта дважды проплываю. Причем вдоль, а не поперек. Дважды, конечно, не рекорд мира, но на дальность тренироваться негде и незачем. А здесь не бассейн. Здесь глубина. В море, как только я понимаю, что подо мной глубина больше моего роста и уцепиться не за что, я тут же пытаюсь руками нащупать дно. — Петя осторожно лег на спину в воде. — Прямо рефлекс какой-то!

— И откуда же он у тебя?

Петя снова встал на ноги, провел по затылку ладонями, сгоняя с волос воду.

— Я в детстве дважды тонул. Но неудачно, как видишь. С тех пор и рефлекс. Я после второго раза лет шесть море вообще видеть не мог. Потом, правда, сменил гнев на милость... Кстати, вон трубка Костина торчит из воды. И к нам движется.

Неподалеку вынырнул Костя, с шумом и плеском подплыл к Пете, выплюнул слюнявый загубник, поднял маску на лоб, несколько раз вздохнул всей грудью.

— А вот и наша подводная лодка, — сообщил Петя. — В док вернулась.

— Классное тут дно, — чуть задыхаясь, проговорил Костя. — Красивое. Прямо как в тропиках. Берег немного дальше резко обрывается — сразу метров на пять вниз.

— А рыбы много? — спросил Петя.

— Есть. И крупная.

— Наловил бы к ужину.

— Руками, что ли?

— Ножом. Или вилкой. Никто вилку не захватил?

— Придумаем что-нибудь, гарпун какой-нибудь, — пообещал Костя, снимая маску и ласты, и двинулся к берегу. — А шас я пива хочу. Ледяного!

— А я-то про пиво чуть не забыл, — заметил Петя. — Зафлиртовал тут с дамой... Маринка, ты будешь?

— Позже, — сказала Марина. — Все не выдуйте без меня! — Она сползла наконец с матраса и не спеша поплыла в море.

Когда бутылки были откупорены, Костя прилег на полотенце, а Петя присел на песок рядом.

— Насчет ножа... — проговорил Костя задумчиво. — Надо будет взять с собой.

Петя взглянул на него с недоумением.

— Ты серьезно решил за рыбой поохотиться? Не получится ведь.

- Да нет, не охотиться.
- Тогда зачем?
- На всякий случай.
- И что это за случай такой — всякий?
- Для защиты... может быть.

Петя как раз делал большой глоток пива и едва не поперхнулся.

— Чего-о? Защиты? Гигантского осьминога ты там обнаружил, что ли?

- Да была там одна рыбка...
- Загадками говорите, дяденька.
- Акулу я видел.
- Акулу?!

Костя кивнул и присосался к горлышку. Марина вдруг с силой замолотила по воде руками и ногами, направляясь к берегу, и встала во весь рост на мелководье.

— Петя! — сказала она испуганно. — Ты что это сказал? Или мне послышалось?

— Костя говорит — акулу видел, — нехотя откликнулся Петя.

Марина выскочила на берег, забыв о матрасе. С берега пристально оглядела морскую рябь.

— Шутите, негодяи! — сказала она, успокаиваясь.

Костя с громким чмоканьем оторвался от бутылки и серьезно сказал:

— Я не шучу. Это была настоящая местная акула.

Марина сделала по пляжу шаг от моря. Петя ехидно заметил:

— Маринка, ты чего пятишься? Акулы на берегу не охотятся.

Она круто развернулась к парням, сорвала очки с носа.

— Дурак! — Глаза у нее блестели, а губы дрожали, должно быть, и от страха, и от намерения заплакать.

А она и в самом деле струхнула, отметил вдруг Петя с изумлением.

— Ну, я же не знал, что ты настолько... их не любишь, — сказал он извиняющимся тоном. — А с другой стороны, все мы на берегу, никаких акулих плавников на горизонте не наблюдаются. И вообще, Косте, наверное, показалось.

— Это была акула, — объявил Костя упрямо.

— Откуда в Азове акула? Разве тут есть акулы? Дельфины есть, бычки есть, а вот акулы... они в Черном море водятся. Может, это был дельфин?

— Акула. Из Черного моря заплывла. Заблудилась, наверное.

Петя соорудил зверскую рожу и посмотрел на Костю — тот допивал бутылку.

«Что ж ты, засранец, не мог сказать, что обмешулился?» — подумал Петя укоризненно. Впрочем, он понимал, почему Костя стоит на своем. Природная гордость не позволяла ему признать, что обознался. Чтобы он — да ошибся?.. Лидеры не ошибаются. Лидеры всегда правы и верным путем ведут свое стадо. Даже если впереди пропасть... И кстати говоря, возможно, он и впрямь перепутал рыбу породу. Много ли он видел натуральных акул? Да еще живьем.

Костя бросил бутылку на песок.

— Не дрейфь, Мариша, — подбодрил он подругу. — Местные акулы маленькие — не больше метра-полтора. Такая не слопает. Да и на мелководье она вряд ли заплывает.

— Слопает не слопает, а понакусывает наверняка, — дрожащим голосом откликнулась Марина. — Пока туда-сюда, до берега добраться... Запросто кровью можно истечь. И откуда ты знаешь, заплывает она или нет? Полтора метра — вполне заплывет. Особенно голодная.

Костя посматривал то на Марину, то на Петю. Его забавлял испуг Марины.

— Тут полно рыбы. С чего бы им голодать? — возразил он. — Да что ж ты их так боишься?

Марина вздохнула и присела на песок. Слабенькие волны едва дотягивались до ее узких красивых ступней.

— Не знаю. В детстве посмотрела фильм про акулу. Спилберга, кажется. «Зубы»... нет, «Челюсти». И наш один, старый, «Последний дюйм». И с тех пор жутко боюсь их... И купаться здесь уж точно не смогу.

— Как все запущено... — пробормотал Петя, пряча улыбку.

— Мариша, — сказал Костя ласково. — Что бы то ни было, оно уже уплыло.

Увидев акулу, он в первое мгновение не на шутку перепугался. Но потом, прикинув ее размеры, не стал паниковать, но и не стал знакомиться ближе, а неторопливо начал отгребать к берегу. Сейчас он успокоился, и его потянуло на подвиги. Это Петя пусть плавает вдоль бережка, где петуху по куриные яйца... Да и Маришку хотелось поддразнить.

«Нет, что я видел не дельфина, это точно, — лениво размышлял он. — Правда, в длину акула была не больше метра. Хотя в воде размеры искажаются. И вела она себя мирно. Сытая, наверное, была. Надо бы сплавать — присмотреться.

если она не свалила отсюда подальше. И нож взять не мешает. Хрен их разберет! Может, это был акулий детеныш. А где дети, там и родители. В «Аквариуме» рассказывали, что акулы в местных водах небольшие. Так что на монстра вряд ли нарвусь. А вдруг мамаша или папаша — кто у них там главный? — что-нибудь не то подумает и решит оборонять от меня любимое чадо?.. Вот нож и пригодится. Главное сейчас — заставить себя встать, снова напаялить всю эту амуницию и войти в воду... Мужик я или нет?»

— Петя, не в службу, а в дружбу, принеси мне мой нож из палатки, пока я причиндалы надевать буду, — проговорил Костя деловито.

— Ты это куда собрался! — вдруг взорвалась Марина. Она вскочила, поскользнулась, выпрямилась и пошла на Костю. — Охренел, что ли?

— Неужто наш отчаянный команданте решил сразиться с акулой? — заметил Петя.

— Нет, просто нырнуть еще разок хочу. А что? Мне тут кто-то запретит? — Костя откинулся назад, оперся на локти в независимой позе.

— Ты что, издеваешься?! — гаркнула Марина отчаянным голосом. — Или совсем ополоумел?! Специально это делаешь? Нервы мои решил проверить? Нырнуть он хочет! Акулу в три ряда зубов чмокнуть!.. Мачо из себя строишь?

И вдруг Петя и Костя обнаружили, что она плачет — по щекам ее протянулись неровные мокрые дорожки. А тут она еще и носом зашмыгала.

— Если ты опять полезешь в это чертово море, — объявила она с яростью, — я немедленно собираю вещи и жду вас обоих в лодке. Сегодня же возвращаемся на материк — и до свидания. И в институте даже не приближайтесь.

Костя подхватился, протянул к ней руки.

— Да ладно, успокойся. Чего это ты?.. Разошлась тут. Было бы из-за чего!

Марина хлестнула его ладонями по рукам и отвернулась, по-детски громко хлюпая носом и вытирая глаза и щеки. Костя обнял ее со спины, забормотал в ушко, прикрытое пышной прядью.

«Ну, блин, вылитая семейная сцена, — грустно подумал Петя, чувствуя себя посторонним. Он тоже встал и хотел сказать Марине что-нибудь успокаивающее, но, во-первых, его опередил Костя, а во-вторых, в голову ничего подходящего не зале-

тало, да и не стоило все это выеденного яйца. — Не пойти ли мне прогуляться по острову? — спросил он себя. — Я еще на том конце не был. Или искупаться? Меня-то Марина удерживать не станет. Это уж наверняка. Я не Костя и не мачо, и вообще для нее никто».

Костя отпустил Марину, шагнул к Пете и сдавленным голосом попросил: «Дружище, оставь нас ненадолго, пока я тут ее немного успокою...»

Петя пожал плечами, кивнул, вытащил из песка бутылку пива, не спеша откупорил, бросил открывалку возле пустых бутылок и, не оглядываясь, пошел в лагерь.

По пути он передумал идти в лагерь — ну, что там делать среди бела дня? — и отправился на холм, решив, раз уж случай представился, основательно обследовать их пристанище. Или остров сокровищ. Или остров несбывшихся надежд. Или остров идиотов. Последнее сравнение понравилось ему больше всего.

Петя медленно поднялся на холмик, подержался за тонкие стволы деревьев, пытаясь угадать их породу и размышляя, откуда здесь взялись семена. Породу он не угадал, а семена, решил он, осенью запросто могли принести перелетные птицы — вместе со своим гуано.

В двух шагах от деревьев из слежавшегося песка выглядывали края нескольких серых камней, а дальше, еще в трех-четыре шагах, склон круто спускался к неширокой отмели. Петя подошел к спуску, поглядел вниз. «Да уж... Пляжик — даже не присесть. А вообще неплохое место для купания. Надо будет его испробовать. Вот только камни торчат из песка, хотя мешать купальщику они не должны. Вообще-то, странные камни. Ровные, будто небрежно обтесанные. Или водой и ветром истертые? Такие же серые, как тут, на холме. Погоди-ка... Если присмотреться... Да немного фантазии добавить... Ну, точно, если проследить положение камней, то на отмели можно заметить остатки стены. Значит, и тут, под ногами, какие-то постройки. Любопытно, что тут могли построить? Посреди моря, да еще в таком сомнительном месте. Маяк? Здесь? Вряд ли! Да и круглые маяки, а не квадратные. Хотя бес их знает, какие они могут быть. А может, удалой рыбак слепил тут сторожку, а потом ее смыло, как рассказывал хозяин лодки?.. Сторожку? Из таких глыб? На чем же он привез их сюда?»

Петя собрался было спуститься на отмель, чтобы рассмот-

реть камни, но прикинул, что карабкаться обратно по крутому склону не очень-то легко, а обходить по берегу весь остров нет никакой охоты. Тогда он вернулся к деревьям на холме, отпил из бутылки пару больших глотков, чтобы охладиться, и присел на корточки перед одним из камней. Смахнул песок сверху, слегка отгреб одной рукой сбоку. Нет, он не ошибся. Это был здоровенный прямоугольный тесаный каменный блок. Такой и впятером не поднять. И к нему очень плотно пригнан его близнец. А дальше еще один. М-да, наверняка это никакая не сторожка. Это вам не нынешняя кладка на соплях. Но вот что это было? И когда? Сердце у Петя забилося быстрее, как бывает в предвкушении приятного приключения, неожиданного открытия, приобщения к неведомому.

— И что же здесь прячется интересненькое? — пробормотал он от избытка чувств. — Так-так! Без лопаты мне тут нипочем не обойтись.

Его саперная лопатка, купленная на «толкучке» специально для походов, лежала в палатке. Петя испробовал ее вчера, когда вдвоем с Костей закапывал ящик с бутылками. Допивая пиво, он поспешно спустился в лагерь, бросил пустую бутылку у входа в свою палатку, достал из рюкзака лопатку, снял армейский чехол и трусцой побежал обратно. Мельком взглянул в сторону Кости и Марины, но их не было видно — заслоняла лодка. Ну и бог с ними! Чем нервы себе портить — представлять, как они милуются на бережку, лучше заняться этой стеной и вовсе не думать о них. Пусть делают что хотят. Что они там хотят?.. Нет-нет, это их дело... А мое дело я себе нашел... Мое дело — раскопать кладку... Вдруг что-то интересное... Ржавые доспехи, скелеты, мечи, сундук с драгоценностями... Или шиш с маслом...

На холме Петя принялся с остервенением отгребать лопаткой песок от камней. Отгребать песок было нетрудно и удобно. Вскоре он догадался, что раскапывает мощную стену какого-то старинного сооружения, — то ли крепости, то ли замка, то ли храма. Стена, судя по всему, была довольно длинной и уходила глубоко вниз, а на некоторых камнях еще просматривались остатки резного орнамента.

Петя выпрямился, полюбовался откопанной кладкой камней — это был, судя по толщине стены, угол какого-то мощного здания. «Вернемся на материк — обязательно звякну в местный музей», — пообещал он себе, перепрыгнул через стену и начал откапывать ее с другой стороны.

Вдруг песок под ногами подался вниз. Петя мельком успел заметить, как накренились в его сторону оба деревца, а затем рухнул в сумрачную, холодную, мокрую, гулкую глубину.

4

В полдень, в самое пекло, Марина сказала Косте, что хочет спрятаться от солнца в палатке, — лучше пусть ей будет душно, чем терпеть такие палящие лучи. А позже можно будет вернуться на пляж. Но никаких заплывов на глубину.

Костя потел от жары и пива и не возражал. В палатку так в палатку. Только вставать и идти было лень.

Они обсыхали на берегу после купания, а точнее — неумолимо нагревались. Горячий ветер не приносил облегчения. Костя лежал на полотенце и дремал, загородив руками глаза от солнца. После пива его клонило в сон. Марина сидела на матрасе и сквозь темные очки смотрела на мелкие волны. Они мерно накатывались на отмель и с шипением медленно растекались по песку, как газированная вода из опрокинутого стакана.

— А куда Петя делся? — сказала Марина.

— Места много, — едва выговорил Костя сонным голосом. — Где-нибудь тоже загорает. Или спит в палатке.

— Может, он обиделся?

— А что это ты о нем беспокоишься?

— А ты не забыл, кто нас познакомил?

— Почему? Помню. Познакомил и благородно уступил тебя.

— Ты смотри! Благородно уступил...

— Впрочем, ты права, не уступил. Это ты решила, кому и с кем... Сама. Правда, не без моего чертовского обаяния.

Костя вдруг вспомнил, как Петя с жаром и восторгом рассказывал ему о Марине. Он так ее расписывал, что Костя был увлечен ею еще до знакомства. Да и знакомство не принесло особых разочарований. Костя вспомнил, как Петя признавался ему, что, кажется, не на шутку втрескался в Марину, но при этом настолько ее обожает, что боится сделать что-то слишком рано или не так в их отношениях, — вдруг она обидится на него или разочаруется в нем и оттолкнет. Или он разочаруется в ней... А потому дальше объятий и робких поцелуев роман их не продвигается. Костя тогда посмеялся над его старомодным поведением, заявил, что от Пети пахло нафталином, и обещал по-дружески помочь — убедить его, что в этой Марине ничего

такого нет. А затем сам не заметил, как помощь превратилась в соперничество.

— Ты у него девушку отбил, — сказала Марина, — а он простил тебе такую подляну. Как настоящий друг.

— Ты мне досталась не в поединке за тело, — пояснил Костя, — а в... гм... хм... противостоянии, что ли, чувств...

— Досталась? Я что — приз на соревнованиях?

— Нет, это другое... Не придирайся к словам... — лениво цедил Костя. — Ну и что... Ну, досталась... Но — по горячей любви. Моя любовь оказалась горячее, чем его. Вот ты об нее и опалила крылышки.

Марина подняла темные очки на лоб и пристально посмотрела на Костю.

— А почему ты считаешь, что он меня любил? — медленно проговорила она.

— Во всяком случае, он так думал. И мне проговорился.

Марина помолчала, размышляя. Любил? А ей казалось, что для Пети она всего лишь приятное увлечение. Костя оказался более пылким, решительным и настойчивым.

— И все-таки что ты ему недавно сказал, — осведомилась она, — что он так быстренько подхватился с места и свалил?

— Ничего особенного. Попросил погулять, пока ты успокоишься.

— Я бы на его месте обиделась.

— С какой стати? Я же не на материк его послал.

Костя страдальчески скривился. Он отправил Петю, потому что рассчитывал на кое-что большее. На пляже, днем. Супер!.. Хоть и жарковато... Но Марина заупрячилась... Ох уж эти бабские выкрутасы!

— Ну, ты — не он, а он — не ты, — сказал Костя рассудительно. Голова у него была по-прежнему тяжелая и тупая, но сон прошел. — Петя деликатный человек и на друзей не обижается, как ты верно заметила. Да я и не собирался его задевать. Такие преданные друзья редко встречаются. С такими друзьями не только прохладиться, но и работать здорово было бы.

— Конечно, — с издевкой заметила Марина, — если ты будешь начальником, а они подчиненными.

— Каждому — свое, — философски отозвался Костя.

— Слушай, а почему ты так уверен, что именно тебе судьбой предназначено быть начальником над ними, а не наоборот?

Костя досадливо поморщился. Ему не нравились такие во-

просы. Да, он чувствовал себя лидером, да, ему нравилось быть лидером, да, он мог быть лидером, да, он все сделает, чтобы в жизни быть лидером. И далеко не все черты лидера так уж привлекательны — для посторонних. Но главное, чтобы в него верили, чтобы за ним шли.

— А при чем здесь судьба? — сказал он сухо. — Я в судьбу не верю. Каждый из нас сам творит свою судьбу.

Марина молча усмехнулась. Она в судьбу как раз верила. Где-то она слышала, что случайностей в жизни не бывает, что случайность — это не распознанная закономерность... или что-то в таком роде. Это было совершенно созвучно ее убеждению. Марина считала, что судьба похожа на вязание — одно цепляется за другое. И ведь кто-то же должен вязать это все! Да только поди узнай, чьих рук это дело!.. И вообще, если как следует присмотреться, то при желании можно заметить, что изредка происходят события, которые противоречат утверждениям, будто все решает сам человек. Подобное случилось и с ней самой, и с ее родственниками и друзьями. Обычно друзья и родня ошеломленно считали это счастливой или несчастливой случайностью, но Марина любила поразмышлять над сходными случаями, прикинуть, а что и как могло быть в других вариантах и почему. И порой выходило так, будто кто-то невидимый и неосязаемый, но незримо присутствующий, совершенно непонятный и неизмеримо могущественный ради своих целей и устремлений (но уж никак не ради всего человечества, хотя кто знает наверняка, может, наоборот, именно ради него) временами незаметно подправлял течение событий. Поэтому Марина была почти уверена, что нечто непознанное и непостижимое существует и может вмешиваться в судьбу одного человека и всего человечества.

Она поднялась, указательным пальцем решительно поправила очки на переносице.

— Я иду в лагерь.

Костя тоже встал — медленно, нехотя. Потер глаза, взерошил волосы.

— Мы вместе идем.

— Захватишь мой матрасик.

Марина пошла впереди. Косте ничего не оставалось, как тащить водолазные принадлежности, свое полотенце и ее матрас. Восторга от этого он не испытывал. С Мариной он далеко не всегда чувствовал себя лидером.

В лагере Марина сразу окликнула Петю. Молчание. Она заглянула в его палатку. Никого. У палатки валялась бутылка из-под пива.

— И где он может быть? — повернулась она к Косте.

Тот возле своей палатки утомленно уронил матрас, а на матрас — все остальное. И с раздражением проворчал:

— Я же сказал: остров большой... Для троих во всяком случае... Загорает где-то.

Марина из-под ладони внимательно осмотрела остров и остановила взгляд на холме.

— Костя, — произнесла она зловеще. — Ты ничего не замечаешь?

Он прищурился и посмотрел в ту же сторону, что и она.

— Да нет, ничего... — И — удивленно: — Деревья!..

Оба чахлых деревца на вершине холма не стояли, а лежали, — над самой землей растопырились тонкие веточки с редкими листьями.

— С чего бы это?.. — заговорила Маша и осеклась. Она сразу подумала, что упавшие деревья как-то связаны с Петей, и в груди у нее тревожно сжалось, а потом сильно застучало, отдаваясь в горле.

— Что за черт! — ругнулся Костя.

— Быстро туда!.. — бросила она Косте на ходу, уже торопливо поднимаясь по склону.

Костя с тяжким вздохом — не нравится мне все это, ребята! — последовал за нею.

Приближаясь к вершине холма, они увидели откопанную Петей угловую часть серой стены из громадных блоков. Деревья упали жидкими кронами за стену, внутрь угла. Под ветками виднелся темный провал. Оттуда тянуло сыростью, илом и плесенью.

— Пе-етя! — испуганно позвала Марина.

— Э-эй! Ребята! — донеслось из провала.

— Петя! — воскликнула Марина обрадованно. — Ты как туда попал?

— Вытаскивайте меня отсюда скорей! Как попал — потом расскажу!

— Все цело? — осведомился Костя деловито.

— Порядок! Только замерз капитально!

— Надо оттащить деревья, — сказала Марина.

— Сам знаю! — огрызнулся Костя.

— Осторожно! — крикнул Петя. — Не лезьте через стену —

можете провалиться ко мне! Тут было какое-то большое помещение!

— Учтем, — проворчал Костя.

Он прошел вдоль стены, схватил одно деревце за тонкий и прямой, как копьё, ствол, потянул в сторону, потом быстро оттащил от провала второе. Деревца зашуршали листвою, полнотью открывая черную неровную дыру. Песок потоком обрушился в провал. Из глубины до Кости долетели плеск воды и ругань Пети.

— Осторожней! — донеслось снизу. — А то засыплете меня к черту!

Костя повернулся к Марине.

— Сбегай ко мне в палатку, возьми в рюкзаке моток веревки, топорик и пару железных кольев для палаточной растяжки.

Марина — лицо бледное, глаза круглые от волнения и страха — коротко кивнула, словно прилежная ученица учителю, и со всех ног бросилась в лагерь.

Солнце понемногу сползло к горизонту, тускнело и становилось ласковее. Петя сидел на бревне возле палатки, с удовольствием грелся на солнышке и допивал третью кружку горячего, сладкого чая с небольшой дозой спирта из НЗ. В голове немного шумело от спирта и пережитого волнения. Приключение оказалось неслабое.

В помещении, куда он провалился, было холодно. Воды там было немного, а вот в толстом слое ила он оказался почти по пояс. Он поначалу даже испугался, что уйдет в ил с головой, как в трясину. Однако, нащупав ногами твердую поверхность, немного успокоился. Вдобавок ил и песок смягчили удар при падении, так что обошлось без увечий.

Петя был уверен, что ребята скоро хватятся его и быстро найдут, и потому решил не звать на помощь — наверняка не услышат, — а выяснить, где очутился. На удивление, саперная лопатка осталась при нем. Правда, падая, он выронил ее, и пришлось шарить в черной, вязкой, вонючей жиже, но поиск оказался успешным.

Упал Петя в углу помещения, большую часть которого скрывал слой ила и песка. С трудом передвигая ноги в густой жиже, он сделал два шага в глубь помещения и нащупал ногой ступеньку, ведущую вниз. Тогда Петя вернулся обратно и принялся ногами и лопаткой обследовать пол в своем углу. Вскоре лопатка наткнулась на какой-то предмет. Петя, морщась от ост-

рого зловония, наклонился, нащупал предмет рукой и с усилием поднял его. Это была скульптура — под многовековым слоем грязи с трудом угадывались контуры человеческой фигуры. Судя по весу, скульптура была металлической. И тяжелой.

Сердце в груди у Пети радостно затрепетало: «Неужели золото?» Если так, он продаст эту статуэтку, и все невзгоды и лишения его семьи окончены, а денег хватит... Ох, надолго хватит!

Тут он задумался. А ребята?.. Делиться? Надо бы. Однако дружба дружбой, а их двое против одного. Но с другой стороны — дружба есть дружба. В дружбу Петя все еще свято верил. Хотя в последнее время сам порой не понимал почему... Должно быть, в силу привычки, да и воспитание сказывалось. Потому и друзей у него было всего трое: Костя и два друга детства, с которыми он виделся все реже и реже. Остальные — приятели, товарищи, знакомые.

К тому моменту, когда слышались голоса Марины и Кости, он так ничего и не решил насчет дележа добычи (на троих, пополам, фиг вам всем... а уж государству с его прожорливой оравой чиновников — фиг в любом случае).

Как Костя вытаскивал его, вместе с лопаткой и статуэткой, Петя даже вспоминать не хотел, — все это было нелепо, противно, глупо, натужно, враслопырку и враскоряку, с растерянностью, с дрожанием рук и ног, с застреванием веревки, с отборной мужской матерщиной и бабскими взвизгами и причитаниями. А уж как злющий Костя ругался, когда увидел, что выволок не только друга, но и ком грязи, который весил не меньше восьми-деяти килограммов, — это Петя особенно не хотел вспоминать.

Потом понемногу все успокоились. Петя с трудом отмылся в море, еле отстирал плавки, принял, по настоянию Кости, сто граммов разведенного спирта — для профилактики, и теперь сидел возле костра с кружкой в руке и разглядывал лежащий перед ним предмет, спрятанный, словно в коконе, в налипшем песке и толстом слое подсохшей грязи. Внутри, без сомнения, скрывалась древняя тайна.

Марина готовила дежурное блюдо — кашу с тушенкой, Костя развалился на кресле-коряге и, пользуясь правом спасителя, попивал холодное пиво.

— Так, говоришь, если ободрать это дерьмо, — рассуждал он с сомнением, — нам откроется неизвестное произведение искусства?

— Уверен, произведение древнего искусства, — поправил слегка захмелевший Петя. — Возможно, бесценное. Может быть, из золота. С драгоценными камнями.

Они уже успели обсудить, что за постройки скрывает песок. Все согласились: постройки могут быть только из далекого-далекого прошлого, когда береговая линия, скорее всего, выглядела совсем-совсем иначе. Однако на пожелание Пети и Марины завтра же продолжить раскопки Костя резонно возразил, что это дело профессионалов, и волей команданте категорически запретил туда лезть, — неизвестно, где, когда, на какую глубину и с какими последствиями может провалиться еще кто-нибудь из них.

— Искусство или нет, но я эту грязь обдирать не намерен, — объявил Костя.

— А я и не предлагаю, — возразил Петя. — Я это и сам сделаю. Во мне заговорил... можно сказать, забродил дух исследователя.

— Что-то сильно забродил он в тебе, — заметила Марина. — Тебя от него еще не пучит?

— Это не дух, это в нем спирт бродит, — съехидничал Костя.

— Вы как хотите, а я после обеда пойду на море и счищу со статуи всю грязь. — Тут Петя театрально потряс перед собой указательным пальцем. — И вы мне еще позавидуете!

— Не протри свою находку до дыр, — напутствовал Костя.

Петя посмотрел на часы: двенадцать минут восьмого. Солнце еще довольно высоко висело над морским горизонтом, но было уже совсем тусклым, оранжевым, уставшим. И мир вокруг слегка растерял дневную яркость. Море маслянисто блестело. Волны равномерно плюхались на отмель, шипела пена, шуршал песок. Резко пахло морской солью и водорослями.

Статуэтка стояла на мокром песке в полосе прибоя. Петя очистил ее почти всю, только во впадинах темнели остатки вековой грязи. На Петю исподлобья смотрел прищуренными глазами грузный лысый человечек из серого тускло блестящего металла без пятнышка ржавчины. На человечке было нечто напоминающее длинный жилет, на ногах штаны в обтяжку и странной формы башмаки. Руками он уперся в бока, ноги широко расставил на низком постаменте. Вид у него угрожающий и недобрый. Выкован он грубо, — все сделано приблизительно, заметны следы от ударов молотка. Только лицо и глаза скульптор проработал очень тщательно. И по-

тому глаза казались живыми, пристальными и подозрительными.

«Неприятный мужик, — подумал Петя. — Наверное, какой-нибудь древний идол. Всеми забытый божок... Ха! Теперь я знаю, как надо назвать остров. Остров забытого бога... Жаль, что ты не из золота, приятель, но есть надежда, что представляешь хотя бы археологическую ценность. Впрочем, пусть решают специалисты. Я сделал все, что мог. И рассчитываю на вознаграждение от государства... Хотя какое-то... Или от коллекционеров... А вообще, он мне кого-то напоминает... Он или даже поза его. Или то и другое вместе. — И тут Петю осенило. Божок был похож на тот кадр из фильма «Джентльмены удачи», где герой Леонова сидит на нарах и ждет встречи с подельниками его двойника, Доцента. Только в божке не было ничего смешного. Это был серьезный субъект с недобрый взглядом и подозрительным выражением лица. Петя фамильярно похлопал божка по лысине. — Хватит тебя драить. Остальное ототру завтра... или даже дома. Ну а к первому показу зрителям ты вполне готов. Все равно в древностях они ни хрена не понимают». Петя с натугой подхватил фигурку под локти, осторожно взвалил на плечо и, скособочившись от тяжести, одолел песчаный нанос и пошел к палаткам.

С берега хорошо был виден весь лагерь. Костя, голый по пояс, с шелушащимися плечами, сидит на обычном своем месте, на кресле-коряге, и перебирает струны гитары, — во рту сигарета, на песке у ноги — пивная бутылка. Марина в купальнике лежит животом на матрасе и решает сканворд в дешевой газетенке. И что она там в сумерках может разобрать?

Петя медленно подходил к лагерю. Под тяжестью статуэтки ноги глубоко вязли в песке. Вдобавок начала болеть голова. «Стресс, жара, да еще спирт... — подумал Петя с неудовольствием. — Не надо было его пить». Голова болела все сильнее. Он видел, как Костя выпрямился в «кресле» и уставился на него, как Марина обернулась в его сторону.

— Готово! — оповестил Петя громко, с наигранным весельем — в это время ему очень хотелось бросить свой груз и ладонями сдвинуть виски. — Принимайте хозяина острова — железного Робинзона!

Он увидел, что Костя отставил гитару и поднимается с места, что Марина села на матрасе и сжала голову руками, а затем и Костя схватился за голову и начал валиться всем телом вбок. Ноги еще шли, но в голове Пети стремительно вспухло нечто

ослепительное и — взорвалось. Красный туман застил глаза и мгновенно почернел, и Петя почувствовал голыми коленями колющий песок, а потом что-то тяжелое бухнулось оземь перед ним, и мелькнул обрывок мысли: «Статуэтка... мимо бы... а не головой...» — и щека, вслед за коленями, тоже впечаталась в теплый песок.

И настала тьма.

5

Костя пришел в себя... или проснулся? Ему было муторно и зябко. Болела голова — тяжелая, тупая. Мысли даже не пытались шевелиться, они висели где-то в мозгу кверху пузом, какдохлая рыба после знакомства с динамитом. Болела левая скула, словно от классического прямого справа. Воняло блевотиной и водорослями. Он был не в палатке — точно. Не открывая глаз, попытался сообразить, где же он? Море слабо плескалось и журчало совсем рядом. Он лежал на холодном, сыром песке — и лежал, должно быть, долго, потому что продрог. «Похоже, ночь я скоротал на пляже... и ночка, похоже, была еще та... — наконец-то затрепыхались равнодушные, неповоротливые мысли. — Осталось пневмонию заработать, и будет полный набор всех радостей жизни».

Он приоткрыл один глаз. Серо вокруг — рассвет близко. Вон лодка, шагах в пяти. Значит, и верно — пляж. А под самым носом — вонючее пятно. Со стоном Костя отодвинул голову подальше от пятна.

Как он тут очутился? Почему не в палатке? Где Петя и Марина? Что произошло вчера? Костя приподнял голову и посмотрел в сторону лагеря: палатки на месте, костер не горит, никого не видно. Выходит, его не ищут, о нем не беспокоятся.

Перед глазами поплыло, его затошнило. Костя опустил голову на землю и снова закрыл глаза. «Не стоило мне вчера вечером смешивать пиво со спиртом», — с укором подумал он. Эту свою глупость он точно помнил.

Потом Костя вдруг поразился, что никто не прерывает его, не перебивает, не путает, не лезет с подсказками и советами, с ненужными воспоминаниями. А вчера вечером всего этого было в избытке. И тут память стала медленно пробуждаться, словно после глубокого обморока.

Все началось... Нет, все кончилось, а потом снова началось, когда он увидел, что Петя возвращается с пляжа и несет на плече свою отмытую от грязи находку. Над головой Пети висит боль-

шое предзакатное солнце, и статуэтка на его плече недобро отсвечивает багряно-желтым. Петя одолевает песчаный нанос у берега, делает еще несколько шагов, машет свободной рукой и орет что-то неразборчивое, но по тону — победное.

Костя в это время наигрывал на гитаре. Он отставил гитару и сказал с иронией: «Ну, конец света — сейчас будем знакомиться с шедевром».

Марина рядом на матрасе зашуршала «Сканвордами» и села. Петя приближался. Солнце светило Косте в глаза. Костя прищурился, потому что в глазах, должно быть от солнца, появилась резь, но резь почти сразу превратилась в боль, а боль стремительно охватила всю голову и стала нестерпимой.

Костя услышал, как рядом мучительно застонала Марина. Он никак не мог сообразить, что происходит, и, чтобы хоть что-нибудь сделать, поднялся с коряги, отчего боль просто взорвалась в голове. Он с силой стиснул виски, а затем — тьма...

Но здесь, на пляже, он очутился много позже — это он тоже вспомнил. Он упрямо заставлял себя вспомнить и остальные события — между беспамятством и пляжем. И мозг его старался или пытался восстановить их в памяти, но, прикоснувшись к пережитому, тотчас же отказывался это делать. Потому что дальше началось нечто похожее на сумасшествие...

Костя с трудом сел, посмотрел на море — вода была гладкой и ровной, только слегка колыхалась, будто море вздыхало. Костю познабливало. Он почесал голову — в волосах полно песка. Нестерпимо хотелось снова лечь и заснуть. «Надо бы окунуться, — подумал он. — Сразу полегчает». Он неловко стащил с себя провонявшую футболку, потом, дрыгая ногами, выбрался из шортов, затем, кряхтя, встал и двинулся к морю. Точнее, его повело к морю, так что он едва успевал ногами за телом. Взбаламучивая воду, он вошел по колено и упал плашмя на зыбкую темную поверхность, погрузился в воду с головой. Сделав несколько сильных гребков, нащупал ногами дно и поднялся. Сердце бешено ухало, в затылке и висках пульсировало, но ображать он стал быстрее. Костя вытер ладонями лицо, потом нагнулся, набрал соленую, терпкую воду в рот и прополоскал горло. Выплюнул, высморкался, умылся и потащился обратно.

На берегу он уселся у самой воды и, глядя на едва различимый в предрассветной серости морской горизонт, снова попытался, с почти болезненным усилием, сосредоточиться и припомнить вчерашний вечер — вечер *после* внезапного и странного беспамятства...

Когда тем вечером Костя очнулся, то сразу понял — с ним что-то не так... Он какое-то время не мог сообразить, кто он такой, потому что был одновременно Костей, Петей и Мариной. При этом Костя, неизвестно почему и как, но точно знал, что и Марина и Петя тоже чувствуют себя Костей, Петей и Мариной.

Некоторое время, пока они приходили в себя, в голове царил полный сумбур из обрывков непонятно чьих мыслей, ощущений (ужаса, страха, удивления, недоумения, оторопи, растерянности, тревоги) и картинок — застывших, как фото, и движущихся, как видео, — и в картинках этих все, даже незнакомое для кого-то одного из них, было всеми троими угадано и опознано, объяснено и понято. Картинки эти были из долговременной памяти — были достаточно старыми, завершенными воспоминаниями всех троих.

Сидя на песке и опираясь спиной о корягу, пораженный Костя тыкался тупым взглядом в Марину, которая приподнималась рядом, ошарашенно мотая головой и упираясь руками в матрас; в Петю, который шагах в десяти от палаток с бессмысленным лицом медленно садился, подобрав ноги, возле статуэтки пузатого человечка с упертыми в бока руками. Взгляд Кости ненадолго задержался на статуэтке, которую Петя, падая, уронил и которая не лежала, а стояла чуть боком к ним, врывшись тяжелым постаментом в песок. Сумрачное красное солнце повисло совсем низко над горизонтом, и статуэтка теперь отсвечивала кровожадными багровыми бликами и тонами, как, впрочем, и весь островок.

Костя знал, что думает и чувствует каждый из них, и знал, что знают об этом и остальные, только все трое не могут разобраться, кому какие воспоминания мысли и чувства принадлежат, тем более что сиюминутные чувства и мысли у всех троих сейчас поразительно совпадали. Мысли мелькали, текли, ползли, проносились вперемешку, вразнобой, отрывками, редко — целиком, обгоняли друг друга, сталкивались, рассыпались на еще более бессвязные обрывки, соединялись в бессмысленные куски, сознание не поспевало за таким количеством информации, хотя и понимало, или расшифровывало, или догадывалось о большей части возникших и тотчас канувших мыслей, по большей части бесполезных, банальных, глупых, противоречивых, не годных для запоминания, не требующих запоминания, да и не запоминающихся, — то есть шло обычное, хоть и ошеломленное, мышление, правда, сразу трех непостижимым об-

разом-слитых между собой сознаний. И негаданное, ненужное единство их только добавляло бессвязности, сумбура мышлению, препятствовало попыткам разобраться в происшедшем, напоминая всполошенную, панически орущую толпу. При этом у всех троих мысли были одинаково беззвучные, как текст на бумаге, а потому кто тут, в самом деле, разберет, что думает Марина, а что думает Петя или Костя? И что вообще творится с их несчастными головешками? «...что, схожу с?.. твою мать!.. за фигня?.. живы?.. что это могло... олит ниче... сколько же я так пролеж?.. енные учения?.. кто объяснит, что здесь?.. что за бред у меня в голо?.. так мы что? все теперь... пипец полный!.. все тайны и секреты... голова как... друг о друге знаем?.. О, НЕТ!.. ТОЛЬКО НЕ ЭТО!..»

Но было именно так. И когда через какое-то мучительно долгое или мучительно короткое время, на грани помешательства, они наконец-то с большим трудом поняли — вовсе не благодаря мешанине из обрывков слов и фраз в головах, а просто поняли, и все, — что мыслят как единый мозг, что память всех троих загружена теперь информацией на одинаковом уровне, то есть они знают друг о друге все, что отпечаталось в биологических носителях информации, скрытых где-то в сером веществе под черепными коробками, — знают все о прошлом каждого, все запечатленные памятью события и желания, в том числе и самые сокровенные, все чувства, все размышления, отношение к различным людям, даже к тем, кого один или двое из них никогда не видели, но теперь вполне могли узнать как знакомых и даже родственников, — это ужаснуло их больше всего.

Вероятно, то обстоятельство, что они были медиками, хоть и не доучившимися, — в какой-то мере помогло им избежать настоящего безумия.

Постепенно судорожные метания мыслей и образов начали обретать плавность, хотя по-прежнему перебивали друг друга — недосказанные, без начала и конца, а то и без середины. Потом кто-то сообразил, как установить относительный порядок. «...резался бы головой в эту желез... И как в гла... ..руг другу?.. Порядок уст... ..выяснить... ..чилось с нами и как от этого кошмара из... Стоп! СТОП-СТОП-СТОП!!! Давайте... Надоплы... Стоп же, черт возьми!.. ..ть на ма... Давайте постараемся... ..зное бе... ..ПОСТАРАЕМСЯ НЕ ДУМАТЬ... Не думать? ..хнуть из го... ДА! НЕ ДУМАТЬ! Насколько возможно... Вот так!.. Давайте договоримся... Или додумаемся... Не хохмить!..

Какие хохмы, когда «крыша едет»!.. Каждый обязательно говорит вслух, что думает, но говорить будем по очереди, а не все сразу. Может, тог... Хорошая мы... Ой!.. Вот именно. Тогда мы, возможно, и примем хоть какие-то решения, разгребем завалы и поймем, что произошло... И кто начнет? Начну я. Кто — я? Костя. Ну, кто же еще!.. Да заткнитесь вы!.. Если не разберемся, что к чему, то у всех нас есть превосходный шанс остаться здесь и сдохнуть... Тьфу... Ой, что ты... ..на тебя!.. говоришь!.. Не думать всем! Хоть минуту! Постарайтесь! И я начну... НАЧНУ ГОВОРИТЬ!»

Но когда они постарались не думать, в памяти снова начали возникать, словно перемешанные обрезки фильмов, образы различных событий из их прошлого. Они сливались и наслаивались друг на друга. Но при этом снова всё было понятно, поскольку каждый и так знал все начала и концы.

Утроенная память будто издевалась над ними — над тремя ее носителями, — вытягивая из тайников самые неприглядные и позорные воспоминания. Даже то, что казалось навсегда забытым. Мелькали, правда, и воспоминания хорошие, добрые, но их было меньше и мелькали они быстрее — вроде как перелистывались скучные страницы в книге, а внимание троицы задерживалось на самом стыдном.

...И пьяный Костя, отметив окончание второго курса и едва соображая, едет в троллейбусе, повиснув на поручне, его тошнит, и в двух остановках от дома его рвет, и потоком блевотины заливает сидящую рядом женщину, и в провонявшем салоне поднимается возмущенный гам, но тут дверь троллейбуса открывается на остановке, и слегка протрезвевший Костя выскакивает на улицу и мчится в темные дворы пятиэтажек, и четырнадцатилетний Петя, тайком подглядевший за моющей теткой, яростно онанирует, запершись в туалете и стараясь представить, какое оно на ощупь, голое тело женщины, и пятилетняя Марина в детсадовском туалете, сняв трусики, познает разницу между полами со своим спустившим шортики одногодком, разглядывая и ошупывая его и позволяя разглядывать и ошупывать себя, и семиклассник Костя зимним вечером возвращается из школы, и один из мальчишек-одноклассников делает ему подножку, и Костя падает в сугроб, и встает, покрывая мальчишку отборнейшим матом, и вдруг чувствует, что кто-то хватает его за воротник, и он с руганью оглядывается и видит, что это мужик в форме милиционера, и у него холодеют ноги, а вокруг стоят и подленько посмеиваются одно-

классники, и милиционер заставляет его извиниться, грозя отвести в кутузку, и Костя извиняется, и ему кажется позором это извинение, и семилетний Петя в очередной раз описывается в постели, и молодая красивая мать с гримасой отвращения и злости ругает его, да только что ему ее ругань, если он не может преодолеть этот позор и все равно снова описается, и двенадцатилетняя Марина в укромном уголке двора возле сараев, за густыми кустами «волчьей ягоды», позволяет пятнадцатилетнему соседскому мальчишке мять и щупать ее везде, обрывая бретельки первого в ее жизни лифчика и стягивая с нее трусики до колен, и готова ради него, своей первой любви, на все, и признается ему, и он смеется, и ей горько из-за этого смеха и хочется плакать, и все равно она прощает его, и он поворачивает ее спиной к себе, заставляет нагнуться, задирает юбочку и тянет вниз молнию на своих джинсах, и Марине в первый раз и больно, и приятно, и страшно, и стыдно, и пятнадцатилетний Костя дерется с крепышом-одноклассником за углом школы, в кругу сверстников, и шансов у него нет, потому что одноклассник увесистее Кости, он разгоняется и метит угодить в Костю двумя кулаками и ногой, и Костя, получив удары кулаками в грудь и плечо, ловит его ногу, и они падают, и Костя, помня, что рассказывал дядя, медик, изо всех сил молотит ребрами ладоней одноклассника по почкам, желая, чтобы они у того лопнули и он сдох прямо тут, в кругу одноклассников, а увесистый одноклассник висит на нем, обхватив руками за шею, и наконец их разнимают, и крепыш-одноклассник, оказывается, плачет, и согласен на мировую, и подвыпивший Петя курит папиросу с коноплей, у дыма металлический противный привкус, который Пете не нравится, но сигарета уже начала действовать, и ему весело, и море по колено, и он смеется какой-то глупости, сказанной кем-то в маленькой компании старшеклассников у кого-то из них на даче, а потом кто-то предлагает поиграть в бутылочку, каких тут много — из-под пива, вина и водки, и все уже пустые, и все юные гости юного хозяина уже поддатые, да еще накурившиеся, и пустая бутылка, в свою очередь запущенная на полу рукой Пети, вертится посреди комнаты, и мальчишки и девчонки, затаив дыхание, ждут, когда она остановится, и горлышко замирает, указывая на пухленькую Наталку, и Петя присасывается губами к ее губам, и она отвечает ему, и он запускает руку ей в расстегнутые джинсы, ощущая колющее и мягкое, горячее и влажное, так долго запретное и вот теперь

доступное, и Наталка отступает, увлекая его в соседнюю комнату, и сердце частит, и он идет, зная, что с Наталкой не переспал в классе разве что лишь он, и догадываясь и предвкушая то, что сейчас произойдет в темной комнате с неудобным пыльным диваном, и Костя в школе, в актовом зале, на сцене выступает со стихотворением во время какого-то мероприятия с участием представителя мэра и говорит автоматически, не задумываясь, а точнее, думая о том, как перед выступлением ругался с одноклассником, так что чуть до драки не дошло, а может, и дойдет позже, и вдруг видит странное оживление в зале, испуганные лица учителей, изумленную физиономию представителя, веселые гримасы школьников, а кое-кто из них даже крутит пальцем у виска, Костя ничего не понимает, договаривает стихотворение и уходит за кулису, а там его ждут разъяренная директриса и насмерть перепуганная учительница по литературе, а Костя все еще в недоумении, и ему в бурной форме разъясняют, что в стихе он заменил одно слово на другое, очень похожее, но матерное, и сказал его на всю аудиторию, и, ах, что теперь будет, какой скандал, какой ты мерзавец, мальчик, и никто не слушает Костиных оправданий, и Марина в своем номере в пансионате, где она отдыхает с подружками после выпускного, задирает ноги на плечи двадцатисемилетнего парня, который вот уже неделю обхаживает ее, после того как увидел загорающей нагишом, он ей не очень нравится, но у нее не хватает денег на мобильник, который круче, чем у ее богатой подруги, а парень купил такой мобильник и отдал ей, и она не утерпела и взяла его, но за все надо платить, и он торопливо мнет ее груди, и она закрывает глаза, не представляя, как его слоновье хозяйство войдет в нее сейчас, и ей неприятно, но она терпит, а потом становится легче, и она даже издает стоны, будто с ума съезжает от того, что происходит, а потом парень гордо разглагольствует о своем природном достоинстве и о том, как все женщины тащатся от его размеров, и Марина молча сомневается в этом, и ей стыдно, и она думает о том, что это только один раз, чтобы насолить подруге, и Петя, запихнув в карман куртки бумажник с накопленными на поездку деньгами, идет к междугороднему автобусу, на ходу разглядывая билет, поднимается в автобус, но ему заступают дорогу два дюжих парня при костюмах, он протискивается мимо них, садится на свое место, а они, перепутавшие рейс, уходят, и водитель говорит, чтобы приготовили билеты, и Петя сует руки в карманы куртки и не обнаруживает бумажника, и

лихорадочно начинает искать его на сиденье, под сиденьем, в проходе между креслами, но бумажника нет и ни копейки денег нет, только билет в один конец, и он выходит из автобуса, несмотря на недовольство водителя, и спешит в отделение милиции, догадываясь что дюжие парни были гнусными подонками из клана карманников, и из-за этих тварей поездка и встреча с подругой срываются напрочь, а в отделении ему не очень-то и рады, потому как никого не собираются искать, и он догадывается, что все тут повязаны, и водители, и карманники, и ублюдки-менты, и Костя поздно вечером на террасе кафе трусливо и подобострастно поддакивает привязавшемуся к их маленькой компании однокурсников незнакомому пьяному бугаю, недавно вышедшему, по словам того, из зоны, агрессивному, поучающему, желающему пообщаться с кем угодно, и Костя не может поставить алкаша на место, потому что от страха у него крутит в животе, как перед поносом, и когда пьяный отправляется к стойке за новой кружкой пива, Костя командует однокурсникам тихо сматываться, и выскальзывает из-за столика и позорно сигает в темноту под деревья, и первокурсник Петя, возвращаясь студеным и снежным вечером домой, видит, как в окно соседей на первом этаже влезает мужик, по виду — бомж, и дома звонит в милицию и бежит на улицу — караулить бомжа, чтобы не дать ему смыться, а милиции все нет, и бомж выкидывает из окна две увесистые сумки и лезет наружу, и Петя стоит перед ним, сжавшись от страха и ненависти, и бомж, рослый, плечистый, вонючий, подбирает сумки и делает шаг в сторону, обходя Петю, как столб, и Петя снова заступает ему дорогу, и тогда удивленный бомж молча роняет одну сумку, и лезет за пазуху, и вытаскивает кухонный нож, и Петя, чувствуя слабость, представляет, как этот нож входит ему под ребра, и брезгливо думает, что придется хватать эту скользкую от грязи зловонную лапу с ножом, и бомж бросает вторую сумку и надвигается на Петю, выставив нож, и Петя медленно отступает назад, но не уходит с его дороги, и тут на дорожку между домами выворачивает патрульная машина с крутящимися мигалками, и из нее выскакивают два увесистых патрульных, и бомж сникает, сует нож за пазуху и начинает шататься, представляясь пьяным, и Петя сбивчиво объясняет, в чем дело, а милиционеры обыскивают бомжа и обнаруживают нож, и заламывают ему руки, и звякают наручники, а Петя вдруг сознает, что уписался, и десятилетняя Марина сидит в классе, и за мокрым окном сумрачный день,

поздняя осень, а у девчонки через две парты очень красивая шариковая ручка, и Марине очень хочется такую же, но где же взять именно такую, и на перемене, когда в классе почти никого, и никто не обращает на Марину внимания, она подходит к парте с тетрадками, напряженная, дрожащая, с мокрыми, холодными ладонями, и незаметно вытаскивает из тетради ручку, и спокойно выходит в коридор, заскакивает в раздевалку и прячет краденое в щель между стеной и вешалкой, а в классе обворованная девчонка уже вовсю ищет ручку и рыдает, как будто ее обобрали до нитки, и Марина ищет со всеми, а после уроков в раздевалке долго возится, пока не остается одна, забирает добычу и идет домой, и по дороге понимает, что не сможет пользоваться этой ручкой, потому что боится, что кто-нибудь из одноклассников увидит у нее эту ручку, и, проходя мимо контейнеров с мусором, с сожалением бросает ручку в контейнер, понимая, что воровки из нее не получится, и Костя на острове, пьяный вдрызг, сдирает плавки с такой же пьяной девицы — смазливой и податливой, а вокруг веселье гудит вовсю, и не собирается Костя жениться ни на ком, в том числе и на Марине, которая сейчас черт знает где, на фиг надо, он до нее, при ней и после нее успеет еще натешиться с такими вот девками, а уж если жениться, так выбрать надо и суперклассную, и максимально «упакованную», хотя Марина хороша, и не для Пети она, что ему, нищете, с ней делать, такие девочки, как Марина, — для таких, как Костя, которым всегда достается лучшее, да и завидно ему было смотреть на них, и вообще, что на самом деле значит любовь? — так, игра, и Петя в пустой квартире раздевает девчонку с параллельного потока, а она страстно целует его, и он валит ее на родительскую кровать, поднимает ее ноги, видит ее босые ступни, похожие на ступни гномика из диснеевской «Белоснежки», и его вдруг начинает разбирать смех, и он вспоминает, что у Марины ступни узкие, красивые, и думает, что сейчас она где-то с его лучшим другом Костей, и у него пропадает всякое желание, и он отпускает изумленную девушку, поднимается и бормочет что-то неловкое, и Марина сидит в комнате Кости у него дома, и его мать сейчас на кухне, а они с ним только что по-быстрому занимались любовью, и довольный Костя разглагольствует о чем-то, но Марина его не слушает, а думает, что, может быть, зря поменяла Петю на Костю, Петя ей в самом деле очень нравился, возможно, она все-таки любила его или даже до сих пор любит, но у Кости перспектива, воз-

возможности, достаток, а у Пети бог знает что маячит после диплома, и все же она не хочет потерять его совсем, вот выйдет она замуж за Костю, тогда и к Пете можно стать помягче и познать, столь же нежен и ласков он в постели, как и на их свиданиях, а дальше — видно будет, может, и втроем что-то получится, эх, ну и размечталась!..

И все это и многое другое они видели, чувствовали, понимали и с беспощадностью еще не до конца утраченного юношеского максимализма каждый раз вдвоем насмехались, издевались и судили кого-то третьего из них — без возможности и права на оправдание, поскольку подсознание тотчас же подсказывало и навязывало им оценки увиденного, и они соглашались и, чаще всего, осуждали большинством двоих против одного, и клубок чувств из горечи, досады, негодования, возбуждения, злобы, презрения, гнева бурлил в их душах все яростнее и непримиримее.

— А-а-а!.. Хватит!.. — отчаянно завопила-подумала Марина и вскочила с матраса. — Хватит-хватит-хватит!.. — Она сжала голову ладонями. — Хватит этого кошмара! Я не могу больше!

— А кто тут может? — ледяным тоном сказал-подумал Костя. — Всем скверно! А от тебя еще и тошно...

— Тошно от тебя, скотина, — парировала Марина злобно.

И в этот момент всем было скверно, тошно и злобно...

Петя встал, перешагнул через статуэтку и потащился к палаткам. И все трое уже знали: он идет защищать Марину от Кости, но Костя считает, что еще неизвестно, кого тут следует защищать, эту продажную и подлую суку или его, но Петя уверен, что сука тут Костя, подлая сволочь, отнявшая у него любовь, хотя и Марина не ангел, но она женщина, плюс обстоятельства, да и все мы не мед и сахар, все имеют потайные закутки, ах вы, умники, едрить ваши кочерыжки... И снова было непонятно, кто и что думает, пока Петя подходил к догорающему костру с выкипевшей кашей в котелке, потому что мысли мелькали молниеносно и осознание их происходило столь же стремительно и по-прежнему анонимно.

— Говорите, идиоты! — рявкнул Костя. — Что бы там ни было, говорите! Иначе мы не поймем ни хрена, и... и неизвестно, что будет, что случится дальше!

— Я бы не говорил, я бы тебе в рыло съездил, — сообщил Петя, подойдя.

— И что тебя держит? — спросил Костя.

— Друг, какой-никакой.

— Скорее никакой, — ввернула Марина.

— А ты бы вообще заткнула варежку! — оборвал ее Костя.

— Да уж, не тебе встречать, — согласился Петя.

— А может, стоит охладиться? — предложил Костя. — И решить две главные задачи: что произошло и как от этого избавиться.

— Все и так ясно... — сказал Петя. И они отчетливо увидели статуэтку.

— Ты хочешь сказать... сказал?..

— И подумал, и сказал. Прикинь сам. Как я.

И они уже знали, что догадка Пети, хоть и похожа на бред ополоумевшего сказочника в этом прочно реальном мире, но, учитывая происходящее, в общем-то приемлема.

Заключалась она в том, что в незапамятные времена тут, вероятно, было какое-то древнее святилище, где стояла эта статуэтка. Что за святилище, откуда у статуэтки такое странное воздействие на мозг человека и для чего ее использовали, так-таки сразу и не догадаться, да и не это сейчас главное, а главное, что статуэтка позволяет узнать о человеке всю его подноготную, причем, в отличие от фантастических романов о телепатах, все на самом деле не настолько просто и даже примитивно, как выдумывают досужие писаки, а очень даже запутано и сложно. И слава богу, что их на этом острове всего трое, иначе бы робинзоны наверняка двинулись рассудком. Но это, при любых обстоятельствах, открытие, которое взорвет научный... да что там научный — весь мир.

— И что теперь? — спросил Костя. — Что нам делать с этой радостью?

— Везти на материк, — заявил Петя.

— Не знаю, как и кто, а ты, похоже, уже рехнулся.

— Почему?

— Представляешь, что будет, если мы притащим это в поселок, полный отдыхающих... плюс местные... и все с утра до вечера и с вечера до утра налегают на горячительное?

— М-да... Смертоубийство обеспечено.

— Вот именно. Это чудо природы надо оставить здесь. Пусть другие с ним разбираются.

— Ни в коем случае! Никаких других! Приоритет за нами.

— Тогда что?

Петя беспомощно развел руки в стороны.

— Не знаю. Пока.

— И никто тут не знает. И думать нечего. Я все-таки команданте...

— Забудь, — вдруг вмешалась Марина. Она только что сняла с огня котелок с остатками варева и небрежно уронила его на песок. — У нас отныне демократия и равноправие. Я не собираюсь тебе подчиняться. На хрен команданте, в сортир, в топку...

— Да, Костя, она права, — поддержал Петя.

«Предатели...» — мелькнула свирепая мысль у Кости.

— Кто бы говорил... — тотчас отозвалась Марина. — Иудушка...

— А ты... — задохнулся Костя от неожиданной волны бешенства и вскочил на ноги. — Ты... Шаболда продажная... Шалава подзаборная... Ты... мне... — Он сжал кулаки.

— Спокойно! — Петя встал между ними.

Марина медленно подалась в сторону Кости, выпятив грудь, как бойцовый петух. Она нехорошо улыбалась.

— Мы все чувствуем одно и то же, не забыл, Костик? — вкрадчиво проговорила она. — Так вот. Никому не позволено оскорблять меня. И ты пожалеешь о своих словах...

Ощущение злобы и ненависти нарастало.

— Остынь! — приказал ей Петя.

Марина злорадно оскалилась.

— Фиг тебе! Я просто горячая девочка. А бесится Костик. Но у него все эмоции еще впереди. И у тебя тоже.

— Ты что заду...

Но им уже было ясно, что задумала Марина. Внезапно парни мысленно увидели ее обнаженной, она призывно извивалась, улыбалась, делала непристойные жесты, манила, и вот уже возникло желание — непонятно чье, да и какая разница!.. — которое росло, разъедало, как опухоль, все остальные мысли и чувства, пока не осталось только оно — желание... И все кончилось. Кроме неукротимого желания.

Марина, по-прежнему в купальнике, стояла перед ними и не улыбалась — скалилась.

— Конец первой части, — сказала она с превосходством и крепко взяла Петю за локоть. — Пошли, сладенький. Сейчас будет вторая часть. — И потянула к его палатке.

Петя искоса глянул на оторопевшего Костю, опустил голову и покорно пошел за Мариной. Желание пригасло, но оставалось достаточно сильным, чтобы руководить инстинктами, подавляя рассудок.

Они скрылись в палатке. Протрещала молния на входе Костя стоял у костра, с тупым недоумением и недоверием глядя на Петину палатку. Он слышал и чувствовал все, что там происходило, но его там не было, он выбыл из числа участников, его вышибли болезненным пинком. Он сейчас, впервые в жизни — лишь наблюдатель на скамье запасных. Словно перед ним потрясающий деликатес, который он не раз пробовал, но который теперь ему дают лишь понюхать, а лакомится другой.

«Ведьма, стерва, садистка, поиздеваться решила... Смотри ты, как он заводится... Не надо, не подначивай его... Я спокоен, только называю тебя твоими собственными именами... Еще вчера ты называл меня иначе... Вчѐра я не знал... И я не знала, и Петя тоже... Костя уйди, не надо... Нет, Костичек, оставайся — или кишка тонка?..»

Костя знал, отойди он на полтора десятка шагов от лагеря, и все — воздействие статуетки кончится, и он, пусть на время, освободится от этого наваждения, но не мог заставить себя сделать и шаг. Он так и стоял между остатками костра и корягой, лицом к Петиней палатке, за которой темнел холм, а треть солнечного диска еще торчала из-за горизонта слева от острова, окрашивая край холма и часть отмели в грязно-коричневый цвет, и тусклая вечерняя заря растекалась вдоль горизонта, отражаясь в море, а небо над головой уже потемнело, и слабо светился серп молодого месяца, и вот-вот должны были появиться искорки первых звезд.

Из палатки доносились шорох, шепоток, неясные звуки, но Костя мог бы и не слушать их, потому что и так видел, чувствовал, переживал все, что там происходило. Объятия двух обнаженных, скользких от пота тел, духота палатки, расстегнутый спальник, торопливые поцелуи, возбуждение обоих нарастает, они ласкают друг друга, ласкают везде, и Костя чувствует то же, что их ладони, губы, кожа, и там его женщина и его друг, и друг входит в его женщину, им хорошо, их объятия сжимаются, возбуждение кажется невыносимым, но все еще стремится к пику... еще... вот... вот... да-да-да-а-а... Из палатки доносятся стоны. Костя испытывает их возбуждение и разрядку, но странно, не телом, а лишь бесплотно, мысленно, головой и будто разрывающимся сердцем, он машинально тянет руку к шортам... Нет, он дико возбужден, а они успокаиваются и тоже чувствуют его, а он — их облегчение, радость, лёгкое раскаяние, злорадство... И это Марина, несомненно, заметила Костин конфуз, и злорад-

ство принадлежит ей, а потом он слышит из палатки ее издевательский смех, который заражает Петю, и они смеются уже вдвоем, хохочут, истерически заходятся и не могут остановиться, но Костя почему-то не испытывает их веселья, в глазах его темнеет от неистового бешенства.

— Смеетесь... — хрипит он перехваченным горлом. — Мрази, гниды, убить вас мало... Убить... Убить вас!.. — Он отчетливо вспоминает, где в его палатке лежит походный топорик, и кидается в палатку, нашаривает холодный металл обуха, стискивает топорщице, вырывается наружу и устремляется к Петинной палатке, а там уже никакого веселья — там ужас и ледяное спокойствие одновременно, полог их палатки разлетается в стороны, и перед Костей стоит голый Петя, ледяное спокойствие — это его, в отведенной в сторону руке Пети саперная лопатка. Они замирают друг перед другом, яростно глядя в глаза, а солнце совсем уплывает за горизонт, и остров освещает лишь неверная гаснущая заря, и Петя в сумерках тихо, без выражения говорит:

— Ну...

Костя молчит.

— Ну? — повторяет Петя. Пауза. — Ты не сможешь.

— Смогу. — Но перед глазами Кости, а значит, и Пети и Марины уже стоит то, на что нагляделись они на дежурствах в больнице «скорой помощи»: много крови, сломанные кости, милиция, боль, страх, страдания, смерть.

— Трус, — шепчет Петя.

И тут Костя понимает, что Петя смог бы. Он едва не плачет. Отшвыривает в сторону топор, который попадает в котелок и с грохотом опрокидывает его. Петя роняет лопатку и впечатывает кулак в левую скулу Кости. Тот отшатывается, отступает, чтобы не упасть, а затем бросается бежать на холм — подальше от пороа...

...Долго, до глубокой ночи, Костя сидел на краю холма, спиной к палаткам. Он курил сигарету за сигаретой и смотрел, как умирает свет на горизонте и отблески его гаснут на воде и разгораются звезды. Вспоминал и не мог поверить в то, что произошло, — так не бывает, это сон, бред... Но болела скула после Петинного кулака, и это служило осязательным напоминанием, что все реально. Костя вроде бы не плакал, но щеки, заросшие редкой мягкой щетиной, почему-то были мокрые.

Монотонный шум волн успокаивал. Костя ни о чем не думал, он отдыхал от назойливого присутствия посторонних в

его бедной, чуть не сбрендившей голове и чувствовал, как вместе с вечерней зарей в его душе тоже что-то гаснет, но, в отличие от зари, это неуловимое *что-то* гаснет навсегда. Он был уверен: после всего, что они узнали друг о друге, после всего, что случилось на этом острове сегодня вечером, их отношения никогда не будут прежними. Если вообще будут какие-нибудь отношения. И ему было жаль себя и прежних отношений, когда каждый знал друг о друге только то, что ему было позволено знать.

Он сидел на камнях древнего храма, пока яркие звезды не засыпали все небо. Глядя на них, Костя понял, что очень хочет выпить, и понуро побрел в лагерь. Костер погас, было темно. Костя все время спотыкался и чуть не напоролся на кучу кустов. Обходя кусты, он вдруг вспомнил о проклятушей статуэтке. Она, должно быть, все еще стояла там, где Петя уронил ее. И Костя мстительно возрадовался. Отлично! Наука? Открытие? Человечество? А хрен тебе, Петенька, со специальной смазкой! Не хватало, чтобы еще кто-то пострадал!

Костя сменил направление, добрался до того места, где, как он запомнил, должна стоять статуэтка. Замер на миг, прислушался к ощущениям. В голове не было никого чужого. Значит, спят. Намаялись, бедненькие, натрудились. И спят, небось, даже без сновидений.

Костя согнулся и принялся шарить ладонями над песком, пока не наткнулся на холодный металл. Он ошупал человечка. Сволочь железная!.. Поднял... Эх... Тяжелый какой... Ввалил на плечо, напряг мышцы живота, плеч и шеи и, проваливаясь в песок по щиколотку, понес статуэтку к морю. «В лодку бы не врезаться», — на ходу подумал он.

Однако неподвижный силуэт лодки на фоне слабо поблескивающей морской зыби он увидел вовремя, обошел его, ноги захлюпали по мокрой песочной каше, мелкая волна обдала голени брызгами. Опять вода подмыла берег, отметил он, и подобралась почти к самой корме лодки. Скоро остров растает в море. Скорей бы!..

Костя шел от острова, пока вода не достигла груди — дальше было сразу с головой. Он поудобнее перехватил статуэтку — как спортсмен, толкающий ядро, — присел, развернул плечи и с силой бросил фигурку вперед, в блики на волнах.

Раздался громкий всплеск, взметнулись брызги, окатили Костю. «Ищи теперь, дружище, свое открытие века! — едко подумал он. — Зато у меня появился повод, чтобы не просто так

выпить, а отпраздновать окончание кошмара». Костя поежился от холода, хохотнул и, бороздя волны, направился к берегу. Отряхнувшись, как собака, и двинулся в лагерь. Тихо прокрался в свою палатку, долго разбирался в потемках, что где валяется, наконец нащупал плоскую фляжку со спиртом и две прохладные бутылки пива.

Прижимая к себе поклажу, вернулся на берег, залез в лодку, открыл зубами первую бутылку, отпил половину, залил полфляжки спирта. Взболтал, отхлебнул. Крепко, но неплохо. «Ура! Да здравствует умница Костя!.. Так их всех, педрил недорезанных!.. Вот возьму и нажрусь как свинья...» — весело подумал он. Отпил еще — и еще... Вскоре почувствовал тепло, ощутил, как мышцы и мозги расслабляются, улыбнулся в темноте и закурил.

Светало, и остров обретал очертания, которые прежде скрадывала тьма, но все еще был тусклым и серо-черным, как рисунок углем или старинная гравюра. Костю знобило и подташнивало, а голову распирало изнутри, будто мозги разрослись и пытаются разорвать череп и вывалиться наружу, — это все еще давал знать о себе коктейль из пива и спирта, подхлестнутый куревом. Костя сидел на берегу, сжавшись в калачик, — ноги плотно притянуты к груди, руки крепко стискивают колени. В такой позе, казалось ему, колотит меньше. Сейчас не хотелось ни покурить, ни выпить. Разве что литров пять ледяной воды — без остановки.

«А что же было дальше, чем все закончилось?..» — спрашивал он себя.

Дальше он помнил смутно. За первой бутылкой пива последовала вторая — с таким же сногшибательным коктейлем. Кажется, он пробовал петь, но язык не слушался, и в ночи раздавалось хриплое мычание. Иногда он пытался говорить, но издавал звуки, которые не нравились ему самому. Потом решил уплыть на материк, бросив здесь этих голубков-предателей. Он с трудом перевалился через борт лодки, упал в противно мокрый песок, встал, цепляясь за лодку, и попытался ее сдвинуть, потом раскатать — бесполезно. Все было против него... Весь проклятый, подлый, паскудный мир... Ему стало так печально, что он повалился наземь и зарыдал, а волны мерно бухали рядом, как будто по затылку, и в этой мерности было что-то укачивающее, вдобавок в голове и так все плыло и колыхалось без волн. В конце концов его укачало и вырвало. И он отключился...

Костя застонал от всех этих воспоминаний, запустил пальцы в торчащие влажные волосы и дернул их, но легче не стало, да и не очень-то больно было.

«Ничего не поделаешь... как сложилось, так тому и быть... и придется с этим жить, — приговорил он мысленно. — Хорошо бы, конечно, все запамятовать... Амнезия после стресса... Случается, говорят... Да вот только не со мной...» Действительно, раз вспомнил он, значит, вспомнят и они. А может, они и не забывали, это ведь он наакался почти до алкогольной комы... Однако с этим или без этого, при любых обстоятельствах надо жить дальше. И самое лучшее — сегодня же убраться с острова.

Но для начала следовало привести себя в норму.

Костя с трудом встал на слабых, неверных ногах и нехотя потащился в лагерь.

Вот и лагерь. Мертвый костер. Опрокинутый котелок с вывалившейся темной кучей, похожей сейчас вовсе не на кашу. Неподалеку от котелка топорик зарылся лезвием в песок. Черт с ним, пусть пока полежит. Две палатки. «Искусственные норки для двуногих тарантулов, — хмыкнул Костя. — Кто в них притаился?» Он с некоторой опаской заглянул в свою палатку. С облегчением обнаружил, что Марины там нет... Конечно же, нет — и больше не будет. Да и что ей тут делать? А вот аптечка — есть. Он забрался в палатку и взялся за рюкзак. И где же тут упакована желанная аптечка? В большом клапане рюкзака. Вот она. Аспирин. Аскорбинка. Руки-то как трясутся. Не рассыпать бы таблетки. Чем бы запить? Костя наткнулся на последнюю бутылку пива, вспомнил его вкус, испытал дурноту и омерзение, и оставил бутылку в покое. Где же фляга с водой? Ага!.. Какое счастье! И фляга нашлась, и вода во фляге бултыхается.

Он высыпал жменью таблеток в пересохший рот и опрокинул содержимое фляги в горло. Пил теплую воду медленно и с удовольствием. Потом заставил себя оторваться: хорошего помаленьку, — если много воды закачать с перепою в желудок — тоже будет плохо.

Теперь осталось подождать, пока таблетки подействуют. Он стянул с себя сырую футболку, плавки, залез в спальный мешок и вскоре крепко спал. Сном праведника.

6

Петя открыл глаза и поднял руку с часами: без четырнадцати десять. В палатке жарко — снаружи солнце припекало вовсю. Петя повернул голову направо. Рядом, до пояса завернувшись

в Петин плед, лежала голой спиной к Пете, едва слышно и ровно посапывая, Марина.

Спать ему больше не хотелось. Вставать тоже. Будить Марину — тем более. Петя потянулся, заложил руки за голову, задумался о том, что с ними вчера приключилось... нет, скорее — стряслось.

В первый раз после этого жуткого единения всех трех сознаний, или как там правильно сказать... и можно ли вообще правильно сказать, верно и точно подобрать слова?.. он проснулся, когда в палатке было еще темно. Фосфорные точки на циферблате «Ориента» показывали двадцать три минуты четвертого. Разбудили его шорох шагов и пьяное злобное бормотание, — по лагерю проволочка Костя, похоже, вдрабадан пьяный. Петя напрягся, быстро соображая, как поступить, если разжалованный команданте сунется в его палатку и попытается продолжить выяснять отношения. Бить его не хотелось, но если придется, что ж...

Однако, судя по звукам, Костя был на полном автопилоте. Он споткнулся о котелок, упал между палатками и, кряхтя и ворча, долго с переменным успехом поднимался, потом со второй попытки забрался-таки в свою палатку, повозился там и затих.

Петя лежал в темноте, прислушиваясь к ощущениям, — чего-то не хватало. Спросонья он никак не мог сообразить — чего. Ведь рядом куролесил Костя... И вдруг понял — они больше не ощущали чувства и мысли друг друга.

Что же произошло, пока он спал, а Костя шлялся по острову? Постепенно, после некоторого сопротивления, память сдалась, — оказывается, даже несмотря на сон, она кое-что сохранила: Костя нашел в потемках статуэтку и понес к морю — в ту сторону, где стояла лодка. Он так хотел от нее избавиться, так ненавидел, когда нес на берег, что не мог не воспользоваться моментом. «Утопил ты ее, милый друг, — думал Петя, уплывая в сон. — Но далеко закинуть такую тяжесть не смог бы и Шварценеггер. Значит, она лежит недалеко от берега. И ее вполне можно отыскать. Не сейчас, так позже, — через неделю, через месяц, осенью, в будущем году. Я найду, с кем это сделать, и придумаю, как ее перевезти на побережье — и дальше... Вот это будет фурор!.. И вообще, это ведь так увлекательно — узнать, что за божок, для чего и кому служил, почему забыт... А что бы он мог в наше время! Суды. Переговоры политиков. Экзамены. И всегда — только правда... — Тут он вспомнил, что

произошло с ними. — А в общем-то, конечно, следует подумать, нужен ли такой определитель правды в нашем мире и в наше время? Недаром же его бросили на острове и забыли... Хотя, конечно, как бы там ни было, но сначала надо бы его изучить... А перевезти... вот проблема... да-а-а... Да почему проблема? Кто сказал? Все делается очень даже просто. Божка снова надо как следует обмазать грязью, толстым слоем. И дать высохнуть. И вези куда хочешь». С этой мыслью довольный Петя снова заснул...

И вот теперь он лежал, и глядел в синий потолок палатки, и понимал, что вот-вот проснутся остальные, и они снова окажутся лицом к лицу... После неправдоподобных событий вчерашнего вечера, то ли сна, то ли бреда, то ли реальности, которой не может быть и в которую не поверит никто, если не хочется верить даже самим участникам. Как будет теперь... или как им быть теперь, после пережитого и прочувствованного? Что делать с грузом чужой памяти, который отныне каждый вынужден таскать в своей голове?

Но всё это были риторические вопросы, потому что Петя не знал ответов и не готов был искать их. Чтобы хоть на время избавиться от мыслей о том, что может произойти, когда проснутся все и снова соберутся вместе (а иначе никак, никуда не денешься, остров есть остров, и как приплыли вместе, так и уплывать придется вместе, и уплывать придется сегодня, какой, к чертям собачьим, теперь отдых, да еще вместе), Петя решил, что лучше пока подумать о чем-нибудь отвлеченном. И он закрыл глаза и стал неторопливо раздумывать об удивительных свойствах божка и вообще обо всем, что приходило в голову по поводу этого невероятного явления природы. О том, откуда мог взяться такой странный кусок металла (в чудеса и магию он никогда не верил, хотя фантастику смотрел, да и почитывал, когда было свободное время, с удовольствием), и о том, что это за развалины, как бы они могли выглядеть, если раскопать их полностью, и о том, кто мог божку поклоняться и когда это было, и что могло бы произойти нынче, притащи кто-нибудь эту статуэтку куда-нибудь в учреждение или просто в толпу.

По его, Петиным, соображениям, получалось, что божок этот — скорее всего, кусок метеорита, а свойства он приобрел, пока летал где-то в глубинах космоса через всякие там разные излучения и через темную материю, которую ученые никак не могут опознать. Упал метеорит на землю, а древние увидели и

подобрали, и на себе испытали его силу, и перепутались, и стали поклоняться, и родилась из этого поклонения некая забытая ныне религия, что-то вроде Храма Истины, как сочинили бы фантасты, а потом и племя или даже целый народ вместе со своим божеством канули в небытие. Катаклизм приключился, землетрясение, потоп, извержение вулкана, цунами, военное нашествие...

И понятно, почему без особого сожаления забыли эту религию. Любой хочет всё знать о других, но никто не хочет, чтобы другие всё знали о нем самом. Наверное, этот божок был чем-то вроде пытки для подозреваемых или провинившихся, вместо следователя или палача. А кто же любит наказания? Божку поклонялись, но вряд ли его любили, скорее — ненавидели. Вот при случае и поквитались. Либо захватчики, либо сами местные. И лежал он спокойненько много столетий, а то и тысячелетий под водой и под землей, пока троица студентов-медиков не приперлась на этот вынырнувший из пучины островок и не обнаружила забытый кусок метеорита... на свою голову. А может, и на голову всего человечества? Может, пора пришла? Не так уж много в нашем благословенном и проклятом мире осталось правды. Все врут и обо всем врут. А тут — вот вам. Хошь не хошь, а всю правду, всю изнанку, всю подноготную извольте-ка вывалить наружу. И преступникам с террористами теперь не отвертеться, и ученые, вместе собравшись, объединив мозги, сделают кучу невероятных открытий... Хм... Впрочем, не все так просто. У каждого есть тайники с неприглядными поступками, скелеты в шкафу. Преступники будут узнавать все нутро следователей, так что впору будет обоим сажать, ученые узнают, какие гадости друг о друге думают и тут же передерутся, какие уж тут открытия, сплошные закрытия начнутся, а уж политики на пушечный выстрел к этому божку не подойдут, поскольку всё их бессовестное, мерзкое и наглое вранье вывалится наружу огромной вонючей кучей, и никаких тайн в мире не останется, в том числе и военных... И так далее... — как любил писать Курт Воннегут. М-да... И все равно хорошо бы вытащить божка в люди. Нобелевка будет обеспечена. Да и встряхнуть наш мир не мешало бы, грохнуть по лицемерию и лжи шершавым языком правды. Может, что-то хорошее все-таки и получилось бы из этого. Но продуманно. Не так, как у нас сегодня ночью...

Тут Марина глубоко вздохнула, перекатилась на спину и подняла вверх руки, потягиваясь. Петя повернул голову в ее сто-

рону. Глаза ее были закрыты, губы блаженно улыбались, голые небольшие груди с крупными коричневыми сосками торчали вверх самым соблазнительным образом. Глядя на них, Петя, неожиданно для себя, сконфузился. Потом вспомнил, что они вытворяли, как помешанные, ночью, и почувствовал, что возбуждается. «Интересно, а что подумает и почувствует Марина, когда сейчас откроет глаза?» Но этого, увы, теперь ему не узнать. Можно только догадываться.

Марина открыла глаза. Петя наблюдал за выражением ее лица. Она так и замерла с поднятыми руками. Блаженство сменилось недоумением, затем тревогой и, наконец, — хмурой озбоченностью. Марина медленно опустила руки, медленно потянула плед повыше. На ее щеках проступил румянец. Она медленно повернула голову в сторону Пети. Тот, голый, слегка возбужденный, повернулся на бок, подпер челюсть ладонью и доброжелательно молвил:

— Привет. — Ему было немного неловко, но накинуть на себя было нечего — плед у Марины, а торопливо искать плавки, поспешно натягивать их... После всего. Зачем? Да и глупо выглядело бы со стороны. А выглядеть смешным в глазах Марины ему совершенно не хотелось.

Марина замешкалась. Потом ответила мягко и вкрадчиво:

— Привет. — И выжидательно уставилась на него.

Петя тоже смотрел на нее и молчал. «Если ты ждешь, что я начну объяснять тебе что-то, — думал он, — то не дождешься. Мне так же трудно, как и тебе. Вспомним равенство, которого добивался ваш пол. Начни-ка ты. Хотя бы с вопросов».

Марина, заметно краснея, потупила глаза. Безмолвие затягивалось. Она поджала губы, нахмурилась. Тоже повернулась на бок — лицом к Пете, заботливо придерживав плед на груди. «Что же ты молчишь? — думала она досадливо. — Ведь я женщина. И все, что было вчера вечером... и ночью... Было или не было? И как ты к этому относишься? Всего несколько слов — и я пойму по твоему тону... Или ты своей молчанкой — издеваешься?..» Она приоткрыла рот, готовясь заговорить, замерла, собираясь с силами, — опущенные ресницы подрагивали, — и произнесла севшим голосом:

— Ну да, теперь мы не... Все кончилось... — Сообразив, что наваждение с объединенной памятью и чтением мыслей прекратилось, она вдруг испытала не только облегчение, но и сожаление. — Весь этот бред... Все — было?.. На самом деле?

«Скажи — нет, — с мольбой подумала она. — Скажи, что не

понимаешь, о чем это я. Скажи, что впервые слышишь, что мне просто приснился кошмар...»

— Да, — спокойно ответил Петя. «А тебе хотелось бы, чтобы ничего не было?» — Было... Все... — Он сделал паузу и повторил: — Все было. — И улыбнулся с легким злорадством.

Марина снова подняла глаза. Лицо — в красных пятнах. «Значит, и у нас с тобой все было. А что же теперь с Костей? Что я ему скажу?... Ах да... Он и так все знает... Ужас! Жуть какая-то... Конечно, ничего прежнего не будет. Наверное, больше вообще ничего не будет. Кто может простить измену? Я — его шашни на стороне, он — мой трах с Петей... Да и остальные наши с ним намерения. Как выяснилось, совершенно разные».

— И что теперь?... — осведомилась она, стараясь не смотреть на Петю ниже пояса.

Петя поднял брови, пожал плечом. «Хотел бы я сам знать, что теперь... Какие у нас должны быть отношения — у всех троих? Я могу отвечать лишь за себя. Да и то... не знаю как следует... Все было бы терпимо. Но яблоком раздора стала именно ты... Вот ведь проблема!»

— А что теперь? — сказал он. — Все живы-здоровы. Это главное. Остальное... С остальным... конечно, придется разбираться. Тут уж ничего не попишешь.

— Да, разбираться... — отозвалась Марина удрученно. «Хорошо вам, мужикам... дружба, недружба... Общий язык найдете. А вот мне каково!.. С каждым из вас разбираться... И чем все кончится? Одно понятно: все, что я планировала, все, на что рассчитывала, — все рухнуло. Спасти бы хоть малость. Но как?»

Петя едко усмехнулся.

— И уж наверняка всем нам будет что вспомнить об отдыхе на необитаемом острове. — И — глядя прямо в глаза Марине: — А мне — уж точно будет что вспомнить. — «Ты была выше всех похвал, — мысленно добавил он то, что не смог выговорить. — Вот бы снова так. Но без всяких там обязательств... Все равно я никогда не смогу тебе верить... Во всяком случае, верить до конца...»

— Да уж. Я буду вспоминать этот остров с дрожью.

— Вот как? С дрожью удовольствия или отвращения? Или того и другого вместе?

Марина емутилась. «А ведь и впрямь не все было так плохо. Ночь, как ни крути, мне понравилась. Но это было какое-то сумасшествие. Какой-то неожиданный и необъяснимый порыв или прорыв... к тому, что я хотела... Не знаю, смогу ли я снова с

тобой... Когда мы столько знаем друг о друге... И не знаю, сможешь ли ты... Захочешь ли?...»

— Ну, я имела в виду — в общем... весь этот скандал...

— Общее состоит из частных.

— Но в частных надо еще разобраться.

— Одна из частных — мы с тобой.

— И Костя тоже. Неотрывная частность.

— Н-да... Наверное... — Петя недовольно-скривился. «Тоже проблема. Я и Костя. Проблемы с Мариной пусть он сам решает. А вот мы... Друзья... дружбаны... корефаны... друганы... Кто мы теперь друг для друга? И вообще, были мы друзьями или нет? Тоже предстоит переварить...»

— А где Костя? — спросила Марина не без тревоги — то ли за него самого, то ли за вероятные проблемы и неприятности, которые могли от него последовать.

— В своей палатке дрыхнет.

— А он не мог там что-нибудь... учудить?..

— Над собой, что ли?

Марина коротко кивнула. Петя покачал головой.

— Во-первых, он не из тех, кто на себя руку поднимает, — слишком уж он себя любит...

Марина кивнула, соглашаясь.

— А во-вторых, — продолжал Петя, — если бы хотел учудить, то учудил бы раньше, до рассвета. Всю ночь по острову шлялся. Божка утопил. И приперся в лагерь только под утро. Когда наверняка все перегорело... Впрочем, скоро узнаем. Пора вставать и собираться. Думаю, отдых на острове закончен. Для меня — точно.

Марина вытащила из-под пледа две полоски купальника.

— Отвернись.

— Зачем? — искренне удивился Петя. — Ты что, сильно изменилась, пока спала? У тебя за ночь третья ягодица выросла или пара лишних грудей проклюнулась? Ты забыла, что вчера вечером я тебя не только видел?..

— Ну, как хочешь! — сказала она сухо.

Марина отбросила плед и начала надевать трусики, потом лифчик. Петя любовался ее телом и с сожалением думал: повторится ли подобная ночь?..

— А остальное... — задумчиво протянула Марина, стоя на коленках посреди палатки и оглядываясь.

— Остальное? Что — остальное?

— Ну... мои вещи...

— Ты же сюда не насовсем переехала, — проговорил Петя колко, — а только переночевать. Так что остальные твои вещи все еще в Костиной палатке.

Марина молча расстегнула вход и, пригнувшись, вышла наружу. Петя встал, натянул плавки и вышел следом. Марина пошла напрямик к морю.

— Марин, ты куда? — удивленно сказал ей в спину Петя.

Марина остановилась, обернулась, молча посмотрела на Петю. Затем с трудом выговорила:

— Надо мне... пополоскаться, чтобы... Сам понимаешь...

Около полудня, когда Петя и Марина, почти не разговаривая, вдоволь поплавали, после чего распотрошили запасы съестного в Петином рюкзаке и уничтожили по банке цыпленка в желе и по паре ломтей подсохшего батона, запили консервы теплой водой из пластиковой бутылки, собрали рюкзак и палатку Пети, а Марина почистила песком и морской водой котелок из-под каши, — после всего этого Петя отнес и уложил в лодку свои вещи. Оба котелка и топорик Марина поставила возле Костиной палатки.

Петя сменил плавки на полосатые пиратские шорты, нацепил серую шапочку-панамку. Марина, по-прежнему в купальнике, спасаясь от солнца, повязала на голову Петино полотенце. Петя предложил разбудить Костю, чтобы она забрала из его палатки свои вещи, но Марина отказалась.

— Будем ждать, пока он проснется, — сумрачно заявила она.

Они сидели в лодке: Марина на скамейке — колени вместе, локти на коленках, подбородок на кулачках, а Петя на борту — одна нога на скамейке, другая покачивается за бортом. Оба поглядывали на Костину палатку и молчали.

Чем дольше они молчали, тем тягостнее становилось молчание. И Марина и Петя чувствовали себя неловко, хотя старались не показывать этой неловкости. Однако неловкость лишь усиливалась, когда кто-то из них вдруг вспоминал минувшую ночь и сегодняшнее утро, а вспоминали они то и дело, вспоминали невольно, стоило им взглянуть друг на друга. Они никак не могли до конца осознать, принять новые и столь внезапно случившиеся в их отношениях перемены, эту близость, и желанную, и приятную, и ненавистную, и оскорбительную, и неожиданную, — и все это одновременно из-за странного воздействия на всех троих неведомой силы древнего божка. И отношения свои теперь надо было выстраивать как-то по-новому, потому

что по-старому теперь не получится, а вот как по-новому — никто из них не знал.

Но и молчать, словно после тяжелого семейного скандала, становилось неумоготу, а Костя все еще не появлялся из палатки. Оба понимали, что надо бы все же заговорить друг с другом, и оба не решались прервать молчание, опасаясь, что ничего путного из разговора не выйдет, разве что с пустяка начнется перепалка, а за нею и ссора. Оба не хотели ссориться.

Марина искоса взглянула на Петю. Тот наклонился вперед, уперся локтями в колени и сосредоточенно наблюдал, как под днищем лодки раскатываются мелкие волны.

— Как ты думаешь, — тихо сказала Марина, — что это могло быть?

— Что — это?

— Фигурка.

— Хм... Какой-то местный божок. Из глубины веков, так сказать.

— Я имею в виду силу воздействия этой... этого божка. И вообще, что за воздействие на человеческий мозг — излучение, волны какие-то?.. Откуда такое могло взяться?

Петя вздохнул.

— Есть многое на свете...

Марина немного подождала продолжения и поинтересовалась:

— И что? На свете...

Петя тяжело вздохнул.

— Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. Шекспир. «Гамлет». Тебе и номер страницы назвать?

— Исчерпывающий ответ.

— А какой бы ты хотела? — вяло спросил Петя. — Я эту железную штуковину и в руках как следует не подержал... — Он замаялся. — Судить могу только по ночным ощущениям... Как, впрочем, и ты... А уж чтобы ответить на вопрос, что же у нее за воздействие такое, надо бы целому секретному институту над статуэткой поколдовать пару лет... Впрочем, вряд ли кто теперь сможет это сделать. — Он выпрямился и потянулся, с наслаждением прогнулся назад, едва не потеряв равновесие и не опрокинувшись на дно лодки. — Может, это и к лучшему. Представляешь, что было бы с этим институтом, попади божок туда?

Марина усмехнулась.

— Нетрудно догадаться. Неожиданно все всё друг про друга знают. Кто с кем тайно спит; кто сколько и за что берет взятки и кто кому дает взятки; кто кому на самом деле пишет диссертации; кто ворует институтские деньги; у кого какие заначки и в каких банках, включая коды сейфов; кто какой разведке что сливает и за какие гранты и гонорары; кто регулярно «стучит» на своих сотрудников и подличает ради того, чтобы сделать карьеру, получить ученое звание, премию, а то и вовсе ради того, чтобы только получить удовольствие от чужих неприятностей, или просто — по велению иудской своей души.

— Вот это была бы кутерьма-кутерьмища! — отчетливо и с удовольствием выговорил Петя. — Такому институту враз пришел бы капут. Без всякого распоряжения свыше.

— А подсунуть ее политикам... — подхватила Марина. — Скажем, на солидной пресс-конференции, чтобы журналисты узнали, что политики не только говорят, но и думают. Или прямо в парламент...

— Увидеть бы все это, — сказал Петя с мечтательной улыбкой.

Они снова помолчали. Теперь каждый искал тему, чтобы снова завязать разговор. Первой снова нашлась Марина.

— Я думаю, что если бы минерал или руда с такими свойствами существовали на Земле, то их давно бы нашли.

Петя оживился и даже позволил себе посмотреть на Марину.

— А может, и нашли, да сразу засекретили. Ведь распространись такое по свету, наша цивилизация давно бы откинула копыта. Нашему миру лжи на одной планете с таким вот минералом не ужиться.

— И что было бы? Зажили бы мы при коммунизме?

Петя покачал головой.

— Думаю, что это была бы очень обновленная или даже совсем другая цивилизация. Причем после очень большой войны. А как ее потом назвали бы? Наверное, и не коммунизмом, и не капитализмом. Это была бы... какая-нибудь безудержная всемирная супердемократия, при которой потенциальные преступники просто вешались бы от безысходности, а правил бы всем миром диктатор... а может, и не диктатор. Откуда нам знать?

— Нет, наверное, это все-таки был метеорит, — проговорила Марина. — Я читала о таких. Полетал где-то в космосе, нахвтался излучений, которых на Земле не бывает, и однажды в не-

запамятные времена свалился прямо на голову местному народу.

Петя ухмыльнулся. «Да ты просто мои мысли читаешь — безо всяких божков!»

— Вот-вот! После этого страна развалилась и утонула. Вместе с народом, который не выдержал собственной честности — неожиданной и ненужной.

Марина пожала плечами.

— А что? Может, все так и было.

— А почему метеорит? — спросил Петя, снова разглядывая волны. — Почему не какая-то древняя и могучая магия? Как в кино показывают.

— Н-ну, потому что, в отличие от некоторых своих подружек, я в эту фигню не верю... Или почти не верю.

Петя ехидно улыбнулся.

— А как же все эти документальные передачи по тиви — про аномальные зоны, духов, колдунов и привидений?

— Ну, во-первых, тиви и есть тиви — что с него возьмешь? Ты же на больных не обижаешься? А во-вторых, я убеждена, что вся эта магия считается магией лишь до той поры, пока ее не возьмут за хвост и не выпотрошат ученые. После чего она становится научно доказанным фактом. Такое уже не раз было в нашей истории.

— Прописные истины упрямого прагматика.

— Прописные или нет, а всё — истины, — отозвалась Марина рассудительно.

Затем они снова замолчали. Петя закурил первую за сегодня сигарету и после двух глубоких затяжек с отвращением почувствовал, как от никотина слегка поплыло в голове. Марина, пригорюнившись, водила пальцами по шершавому борту лодки с облупившейся и местами осыпавшейся краской и старалась не думать о том, что будет, когда Костя наконец вылезет из своей берлоги.

Солнце припекало, и немного погода Марина попросила воды. Петя достал из рюкзака бутыль с водой и передал Марине. Когда она пила теплую пахнущую пластмассой воду, Петя вдруг напрягся и с оживлением негромко сказал:

— А вот и он. Жив, здоров и невредим — лидер Костя, сукин сын.

Марина резко опустила бутыль.

— Петя! Прекрати! На материке можете говорить что хотите. Здесь, пока мы не уплыли, давай сдерживать эмоции.

Петя бросил недокуренную сигарету на мокрый песок и обреченно вздохнул. Она права. Спокойно. Что это он, в самом деле? Скорее всего, вчера они, все трое, были одинаково неправы. А стало быть, все — сукины дети.

— Это я так... — сообщил он. — В рифму пришлось.

Костя огляделся и теперь неторопливо шел к ним. На нем были плавки. Он был бос. В руке — фляга с водой. На ходу он отпивал по глотку.

— Обойдись без рифм, — глухо посоветовала Марина. — Тем более — таких.

— Ладно. Только ты и ему скажи...

— Скажу, если надо будет.

— Ага. И если он послушает.

Костя подошел и остановился в нескольких шагах от слегка задранного носа лодки. Прищурившись, поглядел на лодку, на Петю, на Марину. Вид у него был не самый свежий — русые волосы взлохмачены, глаза припухли, губы потрескались.

«М-да... Викинг, потрепанный бурей, — подумал Петя. — Впрочем, не все же тебе попутный ветер по жизни, дружище».

— Собрались, я гляжу, — сиповато промолвил Костя.

Петя молча кивнул и стал смотреть в сторону.

— Да, как видишь, — сказала Марина равнодушным тоном. «О боже! Хоть бы обошлось без выяснения отношений».

— Что, бросить меня хотели? — с укоризной осведомился Костя. Он вспомнил свою ночную попытку отплыть.

— Хотели бы — бросили бы, — ровным голосом заявила Марина. — А так — сидим, ждем вашу милость.

— Ладно, сердобольные мои. Подождите еще немного, пока я тоже соберусь.

— Окупись, что ли, — предложила Марина. — Взбодрись. А то видок у тебя... как после тяжелого запоя.

— Так и есть, — проворчал Костя, завинчивая флягу, уронил ее на песок, вздохнул глубоко и с разбегу нырнул в прибой.

Петя вспомнил, что у Кости хранилась плоская фляжка НЗ со спиртом и что пиво стояло в его палатке. «Ну конечно, — подумал он. — Крутой парень топит горе в огненной воде. Тоже мне — индеец Белое Перо. В заднице».

— Что это он сказал? — спросила Марина, обернувшись к Пете.

— Ничего особенного. Сдается мне, он вылакал спирт из НЗ и запил его пивом. Никогда не пробовала?

— Нет.

— Убийственная смесь. Даже в небольших количествах. «Ёрш» называется.

Марина, шурясь от солнца, вопросительно посмотрела на Петю. Тот неохотно пояснил:

— Мне жаль его печенку. Полагаю, она в нокауте.

«Вот дурачок!» — сочувственно подумала Марина о Косте. Но нет, надо держать себя ровно с обоими. Хотя бы на острове. Да и вообще, ей бы сначала в себе разобраться.

Мокрый Костя вышел на берег. Он тяжело дышал и держался рукой за правый бок, где, судя по его ощущениям, на месте печени залег тяжеленный булыжник. «Что-то я переборщил вчера. Пошел в разгон, сорвало тормоза, и потом уже не мог остановиться, пока не добил весь спирт. М-да, такой «ершик» надо было употреблять осторожней, — сказал себе Костя. — А эта сучка — видит, что мне хреново, и хоть бы спросила, что да как, не говоря уж о том, чтобы посочувствовать. Не чужие все-таки... Не совсем чужие. И Петя хорош. Ишь, рожу воротит. Будто сам — ангелочек небесный».

— Я быстро... — пробормотал он, отдышавшись, и пошел к одинокой палатке возле кучки золы. В горле стоял ком обиды.

— Петя, помоги Косте, — сказала Марина, глядя вслед согбенной фигуре бывшего команданте.

«Да, жалко его, — подумал Петя с искренним сочувствием. — Сдается мне, он тут больше всех пострадал. А его самолюбие — уж точно. Такое разочарование и такие удары судьбы. — Он вспомнил свой прямой справа. — А этот удар, наверное, был-таки лишним». Он повернулся к Марине.

— Там ведь и твои вещи. Могла бы присоединиться.

Марина ловко перескочила через борт. Они зашагали вслед за Костей. Тот оглянулся, но ничего не сказал. Он снова шел впереди, но в его походке не было прежнего лидерского задора.

Еще через час общими усилиями, почти не разговаривая (точнее — хмуро обмениваясь сквозь зубы словами и короткими фразами), тяжелую посудину с трудом стащили на воду и поспешно побросали в нее поклажу. Костя и Марина забрались в лодку, а Петя отвел ее немного от берега, потом подтянулся на руках, отчего лодка накренилась и закачалась, и перевалился на рюкзаки и скамейки. Тем временем Костя поставил мотор на место и завел со второго рывка. Лодка развернулась по широкой, плавной дуге и пошла прочь от острова. Костя сидел на руле и посматривал на компас. Остров медленно удалялся —

маленький, неприметный, безымянный, необитаемый и опасный.

«Надо будет сюда вернуться, — подумал Петя. — Обязательно надо вернуться и найти этого божка... И притащить на материк... И посмотрим, что после этого с нами — со всем нашим миром — станется. Оч-чень будет интересно...»

— Прощай, остров загадок и разочарований, — грустно произнесла Марина, глядя из-под длинного козырька бейсболки на груды серого песка над таинственными развалинами.

«Еще каких разочарований! — подумал Костя, не оглядываясь. — Будь ты неладен! Чтоб тебя первым же штормом смыло!»

— Остров железного идола, — сказал Петя и мысленно добавил: «Кому остров разочарований, а кому... В общем, кому как...» И украдкой глянул на Марину.

— Железного идола? — процедил Костя брюзгливо. — Если ты об этой железяке, то лучше и не напоминай.

Валерий БОХОВ
МОРЯКИ С СУХОГРУЗА

В Баренцевом море в штормовых условиях перевернулся и затонул сухогруз «Одесса». Тела моряков не обнаружены. Предположительно экипаж насчитывал тридцать человек. Предписано всем судам, находящимся в акватории Баренцева моря, обращать внимание на плавающие обломки.

Редко когда в июне в Баренцевом море бывают шторма. Этот начался 1-го июня и отправил на дно несколько суденышек-рабобтяг.

Двое суток свирепый шторм трепал жалкий спасательный плот.

Пятерых моряков, находящихся внутри плота, кидало друг на друга, жестко швыряло на стенки, неоднократно переворачивало плот, бросало с волны на волну, поднимало на гребни волн и опускало с высоты так стремительно, что у них замирало сердце, подкатывало к горлу, и все, что из пищи и слизи еще было внутри, вырывалось наружу.

Влага, пот, грязные тела, моча и остатки пищи заполняли это маленькое пространство; воздух внутри плота был плотен и неприятен.

Морякам не удавалось передохнуть ни минуты в эти двое суток.

На третьи сутки боцман, очнувшийся раньше других, понял, что шторм затих и их уже никуда не несет и не тащит. Больше того, они были неподвижны! Совсем неподвижны! Все матросы провалились в тяжелый сон. В верхнем иллюминаторе боцман, с трудом разлепив глаза, увидел яркий солнечный свет и... радугу. Заставив изломанное тело приподняться, он увидел, что радуга перекинулась через огромное водное пространство.

Еще он обнаружил, что плот их неподвижно стоит на огромном скальном языке, полого спускающемся к воде.

— Ребята, подъем, мы на суше!

Началось вялое шевеление тел.

Во рту у каждого из матросов было сухо, и языки их еле ворочались.

— Еще бы малость поспать.

— Пора раздирать люки!

— Воды бы! — сквозь сон прохрипел кто-то.

— В кошельках между иллюминаторами пристегнуты термосы

с водой, — голос боцмана набирал силу. — Передохнём чуть-чуть, и надо будет просмотреть продуктовые ящики, оглядеться! — Он с усилием расстегнул молнии матерчатой дверцы.

* * *

Мурманск, ул. Ленина, 64

*Здание Управления уголовного розыска МВД
по Мурманской области*

10 июня

— Лейтенант Шелабнёв! Вы Ленинградскую школу МВД окончили?

— Да!

— Я тоже. Вы, я смотрю документы, уроженец нашей области?

— Да, так точно. Я из Кандалакши!

— Знаете, значит, Кольский, иные районы области, хорошо?

— Да, пришлось в свое время поездить.

— Это вам здорово поможет в работе. Нам приходится много передвигаться. Самим или с привлечением СОБРа, или Мобильного отряда особого назначения.

— А в основном, какого вида преступления у нас бывают?

— Ну, мы с тобой будем в основном заниматься убийствами. Это значит — розыскные мероприятия, засады, облавы, погони, кропотливая работа с документами.

— А что еще, товарищ капитан, из правонарушений встречается в области?

— Много краж разного рода. Автомобили, прочие транспортные средства. В сельской местности, так как вокруг много воды — морей, озер, рек, — крадут лодки, моторы, бензин. Иные направления деятельности МВД — против наркотиков, захвата людей, торговли людьми. Без дела не сидим.

Много преступлений и происшествий связано с употреблением...

Вот, например, пропала продавец одного сельского магазина. Родня не заявляла об исчезновении. Такой родни просто-напросто не было! Но покупатели-то есть! Заволновались! Еще бы! Который день собираются у магазина, а так было уже три дня, а продавец отсутствует! Оказалось, забурилась она с приезжими рыбаками на острова! Гуляй, открытая душа! Наслаждайся родной природой! Любуйся на закаты у моря!

Или ребята напились. Дело было в одном поморском селе зимой. И помчались на двух тракторах по льду. Или на рыбалку,

или наперегонки решили прокатиться. Возле островка одного сначала один трактор нырнул под лед. Потом — другой. Один «гонщик» выплыл, другой нет.

Еще такие случаи были. Типичные для наших мест. Как известно, в полярную ночь у людей сдвигается верхняя надстройка. Биочасы сбиваются. Все-таки это монотонное, сонное время ломает психику людей, и очень здорово ломает! Настроенное угнетенное, состояние подавленное. Душа требует какой-то встряски! И встряски добиваются таким способом: напьются и стреляют по тещам.

— О подобном слышал, — сказал лейтенант. — Ведь даже на настроение очень влияет наша погода!

— Советую взять в архиве несколько дел, ну, два-три, — продолжал капитан. — Почитать! Войти, так сказать, почувствовать атмосферу!

* * *

Прошел час, затем еще один.

Понемногу внутри плота возобновилось оживление. То одна сонная фигура, то другая, приподнималась, осматривалась. Наконец кто-то поднял и закинул наверх полог. Дышать стало легче. По одному моряки стали вылезать наружу.

Каждый, кто появлялся на воздухе, видел скальный выступ, далеко выдвинувшийся в море, на который вынесло плот, широкий песчаный пляж, манивший размять усталые ноги и скрюченные тела.

— Да, поставь тут пальмы — и не отличишь от какой-нибудь Бразилии с ее Копাকাбой.

— Где же этот Шойгу, где его хваленая спасательная авиация? — Главный механик окинул взглядом безоблачное небо. — Флотские где? А береговая охрана, наконец?

— А ведь радист стучал, выстукивал сигналы! — заметил один из моряков.

— Так Шойгу же перевели куда-то, я слышал, — поправил Женя Никитин главмеха.

— Интересно, кто-нибудь еще, на других плотах, спасся? — спросил рыжий механик, из-за сморщенного лица, изборожденного многочисленными морщинами, прозванный Изюмом. — Море-то кругом совсем чистое!

— Три плота всего было. Все три у нас на судне были десяти-местные Зодиаки. Первыми, сейчас скажу, — боцман наморщил лоб, — сели палубная команда, штурман, кок и радист. На дру-

гом плоту пошли: капитан, трюмная команда, крановщики. Я ему еще крикнул, что я — с мотористами, как и предписано. Мы последние и покинули корабль. Спасжилетов, я смотрю, никто из нас так и не взял!

Вскоре все разбрелись. Двое — боцман и Изюм — сняли с себя грязную одежду и стали полоскать ее в воде, натирая изредка песком. Прополоскав белье, развесили его на ближайших деревьях.

— Советуем и тебе, Олег Кириллыч, постирать одежду и голышом походить, пока высохнет, — сказал Изюм появившемуся из леса Терехову.

— Ребята! Туда, налево, за ручей, не ходите — пасмурно там, болото там гнилое, мрачное. Ели темные, в лишайниках. Какое-то гиблое место! Змею видел. Черная, без пятен на голове; наверное, гадюка! — Эту новость принес Леха, высокий парень со светлым чубом и фамилией Светлов.

— Ну вот, а в какой-то ученой книжке я читал, что за Полярным кругом змей не бывает! — подал голос главмех Олег Терехов.

— Так, сидя в кабинете, писать хорошо, удобно! — поддержал разговор боцман Василич.

— Кабинет, букет, паркет! Это же то что надо для умственной работы! Закон моря! — Изюм не мог обойтись без своей любимой присказки.

Из леса вышел пятый пассажир плота, Женя Никитин.

— Ого! Стираетесь! Надо будет тоже! А там, в трех минутах ходьбы, рыбацья изба, ребята. Посмотрим?

— Айда!

В удалении от берега, на продолжении каменистого лба, среди высоченных сосен стояла изба, срубленная из сосновых бревен среднего размера. Венцы сруба были надежно прошпаклеваны высохшим мхом. Крыша покрыта толем. В окна вставлены стекла. Широкий навес примыкал к избе.

— Да тут зимовать можно, ребя! — засмеялся Леха. — Так хочется надолго остаться здесь, отдохнуть от всего!

Всей гурьбой ввалились вовнутрь помещения.

— Смотрите! Полати! Все разом поместимся! — обрадовался Олег.

— Самое главное, печь сложена! Каменка! И котел в нее вмазан. — Юрий Васильевич Кирьянов задумался. Это для бани или пишу варить? Во всяком случае, воду кипятить есть где!

— Тут и запас дровишек, топор есть наточенный! — Никитин

Женя был восхищен. — И спички с солью. А вот и посуда — миски, кружки, чайник. Жить можно, и неплохо!

— Нам, ребята, следует определиться — старшего выбрать нужно. Иначе порядка не будет! Как за столом без тамады! — пояснил боцман Василич. — Определим, кто продукты выдает, а кто вещи.

— Боцман, ты что — рвешься старшим стать? — Леха удивленно поднял брови.

— А почему нет? — вопросом на вопрос ответил боцман. — Впрочем, можем обсудить! Муштровать вас я не собираюсь! Но порядок нужен! А то кто в лес, кто по дрова.

— Мне лично команды ваши — до лампочки. Без команд хочу побыть! Без командиров! А то с детства и до старости — окрики, команды, командиры, приказы, распоряжения! Всю жизнь!

— Боцман прав: иначе — раздрай. Кто куда, а я на рынок! Да пусть он и будет, раз речь завел. Тем более ему привычнее эта роль! Он и пограмотнее и толковее многих, — встрял в разговор Изюм.

— Тогда так, — произнес боцман. — Беру на себя командование. Разобрать продукты и вещи, которыми укомплектован плот. Все — в избу. Этим все займемся. Плот вымыть, разложить на пляже для просушки, оранжевым вверх — вдруг нас искать будут! А еще плот пригодится для ловли рыбы. Что еще? За вещи отвечает Изюм. А продукты хранить и выдавать кому поручим?

— Женьке Никитину, может? — предложил главмех.

— Давайте, я согласен!

— Ну а воду набирать будем по очереди. Я — первый, — сказал Юрий Васильевич, — далее по алфавиту: Изюм, Никитин Евгений, Светлов Алексей, Терехов Олег Кириллыч. Надо найти, во что ее наливать. Дрова заготавливать тоже будем по очереди — по двое в порядке, обратном алфавитному.

Из плота вытащили вещи и перенесли к избе, под навес: плавающий якорь с линем, два весла, две губки, черпак, тросы. Две непромокаемые сумки, в которые сложили ручную помпу и ручные насосы.

В избу принесли остальное: ремонтный набор, несколько ножей, инструкцию по пользованию плотом, набор инструкций по выживанию в море, карту сигналов бедствия, набор для ловли рыбы, пять теплоизолирующих накидок, фальшфейеры, химические источники света, парашютные ракеты, сигнальный фонарь в водонепроницаемом корпусе, батарейку и лампочку, сигнальное зеркальце, свисток, аптечку первой помощи, таб-

летки от морской болезни, сухие пайки, питьевую воду в двадцатилитровой канистре и в термосах, мерный стаканчик для питья.

На чердаке нашли две лучковые пилы, три лопаты, котел, корыто, несколько ведер — видимо, туда их засунули, чтобы забредший медведь не помял.

Протопили печь. Она работала исправно. В избе стало уютно.

Тельники, сушившиеся на ветвях деревьев, казались стайкой зебр, забредших полакомиться свежей зеленью.

— Предлагаю сегодня перекусить сухим пайком с чайком и залечь — выспаться!

Предложение боцмана все восприняли с одобрением.

— Никто сегодня нас так и не искал! — подвел печальный итог дня Олег Терехов.

— Очень похоже, что нас не ищут! И на свете нас нет! Мы ведь без паспортов! Мы — неучтенные единицы! — подхватил Леха.

— Владелец судна, знаю, не заинтересован нас найти. Он торопился скорее в рейс нас выгнать. Торопил меня: «Шестнадцать человек набрали, и ладно, — пояснил боцман. — Вам идти недолго». А тридцать человек — это по штатному. Зачем ему рваться сюда, прерывать отдых на Мальдивах? Да и страховку он так и так получит!

— Это сколько же нас, мотористов, должно было быть? Шесть? — спросил Женя.

— Шесть — это само собой, по двое в три смены. А еще седьмой — освобожденный от вахт главный механик, — пояснил Олег Кириллыч.

— Ребята, нам надо еще решить — возвращаемся в Мурманск, к семьям, у кого есть? Документы восстановить! Или побездельничаем, отдохнем, поразгильдяйничаем? — Леха вопросительно всех оглядел. — Давайте подумаем! Мне отдых больше нравится! Хотя я и женат! Надоело — вечно пилит, пилит и пилит! Как на лесопилке! Посмотрим, как она там без меня побудет!

— Леха! А больше женатых и нет у нас! Не обзавелись! Закон моря! — прояснил ситуацию Изюм.

Прошло две недели.

Матросы обжились в рыбацкой избе.

Размеренная жизнь: рыбалка для желающих, обязательные

хозяйственные работы, готовка пищи — все это способствовало тому, что они полностью оправились от пережитого шторма.

Периодически все поглядывали на небо и вдаль, на море, — не плывет ли спасительный шлюп, не летит ли воздушный спасатель. Но движения в воздухе и на воде не было никакого.

Мысленно они смирились с тем, что про них забыли. Забыты и властью, и Богом.

Им даже нравилось, что о них никто не вспоминал.

Детство и юность их прошли в слободках и маленьких поселениях в разных краях страны. Это были портовые и шахтерские поселения. Росли они в тесных и душных бараках и лачугах. Среди грязи, нечистот, в нищете, неудобствах.

Дразги, драки, мат, ругань, пьянство — привычная для них обстановка.

Тяжелая жизнь, тяжелый быт, тяжелый труд. И безвылазная, непреходящая бедность.

За плечами у каждого из них была мореходка, куда они вырвались из неустроенности быта и угнетенности состояния. Куда их позвала какая-то романтика, какое-то светлое пятно. А потом, перед гражданкой, служба на флоте — тоже жизнь не сахар, без разносолов.

Что они видели? Даже каникулы и отпуска проводили там же, где жили. А тут они принадлежали полностью себе, могли делать что хотели. Чувствовали себя так же, как когда-то беглые люди, становившиеся вольными казаками. Свобода!

Как выразил однажды их настроение Изюм: «Двадцать четыре часа — и все наши. Закон моря!»

«Да, списали нас, ребята, с довольствия», — вздыхал иногда кто-нибудь из моряков.

Свободное время каждый заполнял по-своему, каждый нашел занятие по душе.

Светлов Леха осуществил давнюю мечту — сделать рогатку и поохотиться на зверя или дичь где-нибудь в глуши. Рогатку он смастерил классную, и именно такую, какой представлял ее в своих мечтах. Деревянная часть — рогуля — была выполнена из березы. Леха считал, что это могла быть и карельская береза, хотя кроме Карелии, по мнению специалистов, она нигде не росла. Но очень уж плотной была древесина с характерной структурой. Резину Леха взял из ремнабора. Клубок суровых ниток ему удалось найти в избе; нитки он использовал для прочного соединения растяжек и рогули. Но самым сложным делом оказалась заготовка метательных снарядов, чем послужили ему

тщательно подобранные одинаковые по величине камешки морской гальки — окатыши.

Несколько дней Леха «набивал» руку. А потом, добившись точного попадания в намеченный листик дерева, ушел на охоту и принес трех морских тупиков. Чтобы не лезть в холодную воду, Лехе пришлось их долго караулить. И дождался, когда небольшая стайка тупиков села на берегу. Это здорово разнообразило рацион моряков. Спустя два дня он ушел на охоту и принес новую добычу — большого баклана и крикву.

Видя такие охотничьи успехи, разнообразившие их пищу, другие моряки тоже стали мастерить орудия охоты.

Боцман смастерил лук. Женя Никитин — более экзотическое орудие, миску.

Но обо всем по порядку.

Материал для лука нашелся. Леска была в наборе для ловли рыбы; для составного лука подошла подходящая березка и найденные в лесу рога оленя. То есть плечи, или лучи, лука и были составными. Самое главное — парные части должны были быть одинаковыми. На их вырезание и скобление и ушло, в основном, все время. По ходу дела возникла проблема: чем срастить составные части? Юрий Васильевич пришел к выводу, что более всего подходят тоненькие корешки дерева. Их он увидел на краю леса, где тянулись к небу корневища вывернутой из земли сосны. Длинные нити корешков, образуя широкую бороду, свисали с могучих корней. День он продержал пучок отобранных корешков в воде. Отмокшие, они стали гибкими и хорошо вязались. Но тут возникла новая проблема — леска при натяжении тетивы все время рвалась. Преодолеть этот недостаток Юрий Васильевич пока не мог — замены леске не было.

Матросы советовали Юрию Васильевичу смастерить копье — в нем нечему было рваться. Но совет так и остался советом.

Женя к своему выбору орудия пришел так. Где-то он слышал, что в каком-то из лагерей один из вертухаев постоянно измывался над зеком. Измывался так, что тот несколько раз кидался на него с кулаками. За что этот зек был неоднократно бит и отсиживал за каждый такой проступок в карцере.

И вот у зека появилась навязчивая идея — обязательно отомстить надзирателю. Но охранник, видимо, почувствовав это, стал избегать близких встреч с зеком.

Чтобы дать выход скопившейся злобе, зек энергично стал расплющивать закатанный в валик, ободок миски. Обыкновенной алюминиевой миски. Видимо, что-то интуитивно подска-

зывало зеку, что именно надо делать. И он делал. Он взял твердый камень. Используя его как молоток, он стал плющить, утончать ободок миски. Постепенно аккуратными ударами он довел толщину края миски до толщины бритвы. Чрезвычайно тонкой и острой бритвы. Носил он ее под телогрейкой, засунутой краем за ремень. Снаружи миска не была видна, но в любой момент достать ее можно было легко.

И вот — кульминация этой истории! Однажды охранник прошел мимо зека. Оба они находились по разные стороны колючки. Охранник подошел к вышке, на которую должен был полезть, как это он делал регулярно во время несения службы. Занес ногу на ступеньку лестницы, замер на мгновение. Этого хватило зеку, чтобы мгновенно выхватить свое остро отточенное орудие и с силой пустить его в ненавистного врага. Последний рухнул с перерубленной шеей как подкошенный.

Вот такая история — выдуманная или нет, неизвестно, — вдохновила Евгения Никитина на работы по изготовлению такого метательного орудия.

У моряков вошло в привычку оглядывать пустой горизонт.

— Никто не искал нас и не ищет! — периодически восклицал кто-то.

— Богом забыты мы! — это произнес уже Изюм, описав положение, в котором они оказались.

— А мне очень нравится вольница! Очень! Век бы так жил-поживал, — вздохнул Леха.

Олег Кириллович все свободное время посвятил тому, что учился обращению с ножом и топором. К концу недели он уже добился приличных результатов. Пень, который был выбран в качестве мишени, был весь в следах попаданий ножа и топора.

Ножей в хозяйстве всего было четыре. Один нож постоянно таскал боцман. А три оставшихся Терехов взял себе, для упражнений.

Однажды лес огласился криком торжества, издаваемым Жекой:

— Убил, я убил! Миской! Прямо срезал!

Оказывается, миской была убита белка. Женя Никитин стал героем дня.

Вечером, собравшись, наскоро пожалев зверька, Изюм поведал историю о белке-летяге из своего детства:

— Стояло лето. Мы, ватага ребятни, играли в прятки. Иногда удавалось поиграть! Между поселком и лесом было достаточно

места для нас. Одиночные деревья на лугу, овражек, ямки — всего этого нам хватало для игры.

Вдруг кто-то из ребят истошно закричал:

«Белка, белка! Смотрите, белка бежит!»

Между нами огромными скачками стремительно неслась белка. Каждый, мимо кого она пробегала, делал шаг или несколько шагов ей навстречу и непременно кричал: «Белка! Белка!»

Маленький оранжевый комочек несся мимо нас и вдруг взмыл на верхушку одиноко стоящего дуба.

«А давайте поймаем ее?» — это предложил самый старший из нас — Игорь. Нам было по семь-восемь лет, а Игорю исполнилось уже двенадцать.

Поляна была обширной. Вокруг дуба было много места, где мы встали, образовав кольцо. Между нами было расстояние в два-три метра.

«Вот так и стойте. Ей некуда деться — она в кольце. Если соскочит — хватайте, а я полезу за ней».

И он полез за белкой, а она, по мере его приближения, забиралась все выше и выше. И вот, когда Игорю оставалось до жалкого пушистого комочка рукой подать, белка вдруг сиганула.

Из всех ребят она выбрала меня, самого маленького по росту.

— Так ты и сейчас не великан, — заметил, смеясь, Женья Никитин.

— Ну да. Продолжу! Она летела прямо на меня. Страх у меня не было. Я тянул руки вверх, чтобы поймать ее. Я видел маленькое тельце, широко раскинутые четыре лапки и развевающийся хвост. Мне показалось, что в маленьких бусинках-глазках зверька бились испуг и отвага. Все случилось мгновенно — белка вдруг изменила направление полета и под самыми моими руками пролетела, приземлилась возле моих ног и яркой стрелой умчалась в чащу. Одним словом — закон моря!

— А вот еще о белках, — это заговорил Леха. — Однажды с опытным охотником я был в лесу. Он увидел белку, показал ее мне и говорит: «Вот посмотри, как можно попасть белке в глаз дробинкой, если, как пишут в книгах, дробь летит кучно с разбросом метр на метр. Это можно, лишь когда белка выглядывает из-за дерева и торчит только ее голова, а шкурка защищена стволом».

Вот заговорили — и вспомнил я о детстве. У нас в Кеми любимая игра была — «Саранча». К кому-нибудь домой приходим мы, подростки, и все, что есть из еды, — съедаем в момент!

Правда, и еды-то особенно не было — картофель да соленая треска. Другой еды мы и не знали!

Общие разговоры за обедом или после ужина все чаще сворачивали на темы о женщинах. Если раньше достаточно было только мечтательно произнести три слога «Ба-бу-бы», и все понимающе улыбались или смеялись, то теперь все готовы были на эту жгучую тему говорить подольше.

— Слушайте, — как-то сказал главмех, — так кто же на нас посмотрит таких — обросли все как деды!

Изюм однажды спросил у компании:

— А знаете ли, что на Сахалине бригады рыбацек есть? Вот сюда бы занесло бригаду какую-нибудь, а? А что? Вполне реально — дикий смерч несет их сюда. А здесь мы встречаем! Без цветов! Но можно, конечно, и с цветами — вон иван-чай всюду растет, — широким жестом показал Изюм. — Закон моря!

— Ребята! Слышу моторку! Кто-то усердно вспахивает море. И похоже, прямо сюда идет! Скажу, тридцать лошадей, никак не меньше! — главмех обратился в слух.

— Я один пойду встречу! На всякий случай, не выходите! — предупредил всех боцман. — А то напугаем! Узнаю, что да как!

Моторка красиво описала дугу и, не снижая скорости, понеслась к берегу, к тому месту, где в море впадал ручей; там, заметно подскочив, моторка буквально прыгнула на пляж. Человек, одетый в телогрейку и высокие болотные сапоги, с ведром в руках, сошел на берег. Он подошел к самому глубокому месту ручья и стал кружкой, которая была в ведре, зачерпывать и наливать в ведро воду.

— Бог в помощь! — подошел и поприветствовал его Юрий Васильевич.

— И вам всего!

— Здравствуйте!

Незнакомец обернулся к боцману. Лицо у него было круглое, с тонкими ниточками усиков и бакенбардами. Равнодушное лицо; никакого любопытства не проявляло оно. Глаза какие-то пустые, оловянные, невидящие. Голову его покрывала бандана защитного цвета. Как-то не вязалась его внешность — безразличное лицо, холеные усики и бакенбарды — с моторкой, ватником и сапогами.

«Никогда не видел таких глаз у человека. Неприятный типчик. Наверное, много времени проводит у зеркала», — подумал Юрий Васильевич, а вслух сказал, чтобы как-то расположить к себе, проявив участие:

— А как катерок обратно на воду выведете?

— Приливная волна скоро придет, поднимет. А таскать воду так поближе будет!

— А кто вы, откуда?

— Кто, кто. А сами-то откуда тут взялись?

— Мы тут на рыбалке, — боцман решил пока не говорить всего. Уж больно агрессивно начал беседу незнакомец.

— Мы? Это кто же «мы»? Что за «мы»? И много этого «мы» здесь? — очень неприязненно заговорил прибывший.

— А вы ведь так и не представились! — как можно сдержаннее сказал Кирьянов.

— Так и вы, я не знаю, что за птица? Что за гусь такой подозрительный?

— Я вам ответил на этот вопрос!

— А откуда прибыли? Небось, браконьерничаете? Браконьеры долбаные!

— Кто вы? — настойчиво спросил боцман.

— А у вас право на ловлю рыбы есть, лицензия имеется? И сколько вас? На плоту путешествуете? — незнакомец обратил внимание на спасательный плот, разложенный на скале.

— Мы на надувном катамаране плаваем, — Юрий Васильевич решил пока не раскрывать карты.

— Тельняшку надели и думаете, что уже бывалый мореман? Так сколько вас?

Юрий Васильевич уже начал тихонько закипать. От беспардонной речи. От того, что незнакомец так и не назвался. От того, что тот так пренебрежительно относился к ним. В правой руке, которая была у него в кармане, он стискивал рукоять ножа.

— Нас несколько человек, — ответил боцман.

— Вот такие, как вы, браконьеры, месяц назад убили моего напарника. Он всплыл у берега, надутый уже, с большой огнестрельной раной в груди. Мне бывший коллега, вместе в милиции служили, вызвонил и на опознание пригласил. А моторку напарника или забрали, или утопили. А тех так и не нашли.

— А как же утопить смогли? У моторки отсеки непотопляемости есть с пенопластом, да и просто с воздухом.

— Так там сливные отверстия на что, мореман!

— Вы говорите, напарника? А сами-то вы кто? — боцман был последователен и напорист.

— Я — лесник с кордона. Вон мой остров виден. За водой я или сюда, или на берег мотаюсь. Вы в домике обосновались?

— Да, в избе.

— А хозяин избы с вами?
— Нет, мы одни там!
— Значит, без спросу! Сейчас наберу воду и сходим посмотрим, что вы за гуси лапчатые. Какие документы есть, паспорта, лицензии, там? Может, красная рыба где припрятана, сети браконьерские, снасти запрещенные? Все проверим! Браконьеры! Я выведу вас на чистую воду! Ловить они приехали, сволота! Только вред от вас, поганцев! Может, вы и есть те самые браконьеры гребаные, что моего напарника застрелили?

Лесник наклонился, чтобы продолжить набирать воду.

Услышав последние слова, Юрий Васильевич сдержать себя уже не мог. Он не мог вынести такого обращения, таких обвинений. Кровь забурила у него в висках. Он на какой-то миг потерял контроль над собой; выхватил из кармана нож и с силой вонзил его в спину лесника, под левую лопатку. Лесник шумно плюхнулся в воду.

В избу боцман вошел пошатываясь.

— Ребята! Я убил человека! — растерянно, шепотом сказал он.

— Так мы все слышали! Весь разговор был слышен! Мы перед избой стояли. Ветер в нашу сторону дул, и ни слова не пропустили! Не вы, так мы сами его порешили бы, — это сказал Леха Светлов.

Боцман попил воды и тяжело выдохнул:

— Уфф! Как тяжело мне сейчас, если б знали! Как он довел меня! До сих пор не успокоюсь. — Руки Юрия Васильевича дрожали, он обессиленно опустил на полати. — А его, знаете, совсем не жалко!

— Пойдемте, ребята, надо того пристроить. — Главмех решительно двинулся к двери. — Не на виду же его держать!

Изюм остался с боцманом, остальные трое пошли к моторке. Прилив уже начался, и лодку качало на слабой волне. Жека Никитин вытащил якорь, привязанный почему-то к банке моторки, и оттащил его подальше к кустам. Надежно зацепил его за выступающий корень.

— Все, никуда теперь не денется!

Ноги лесника лежали на песке, а голова его была в ручье. Над водой выступала только часть банданы.

Они решили снять с лесника ватник, одежду и сапоги.

— После стирки кто-нибудь, может, и наденет, — сказал главмех. — Давайте-ка в болото, подальше с глаз отнесем его. Только повнимательней смотрите — змеи!

Рубаху и майку лесника они использовали как рукавицы, обмотав руки. Женя Никитин сказал, что в болото полезет только в сапогах.

— Смотри-ка, часы его ходят! Возьму их! — Леха приложил к уху снятые с лесника часы. Увидев гравировальную надпись, прочитал: — «Никифорову С. С. — лучшему надзирателю года. Учреждение 3515. 1988 год». Что это за учреждение. Зона?

— Вряд ли, — вступил в разговор Терехов. — Это тюрьма.

Отнесли труп так, чтобы он не был виден с берега. Положили за кочку, на которой росло несколько хилых берез. Наломали еще лапника с росших недалеко елей. Закидали труп еловыми ветвями.

* * *

Мошкодёры — сборщики мха и агар-агара — сообщили, что нашли в болоте на мысе Толстик труп мужчины. Труп был гол и бос и завален лапником.

Нашли его по исходившему от него запаху.

Бригада мошкодеров была сформирована в Архангельской области. То, что они не смогли опознать найденный труп, удивительно не было — они ведь «люди не местные».

Труп мошкодеры оставили на месте. Ждали приезда полиции.

— Оpozнание — это уже наша работа, лейтенант. Поедем вместе. Одному тебе будет сложно. Сегодня третье июля. Труп обнаружен вчера. Выезжаем завтра.

— Кто нам понадобится для опознания, на твой взгляд?

— Я бы с собой на этот мыс Толстик пригласил людей из ближайших населенных пунктов. Для начала, — лейтенант посмотрел по карте, — из Лесозавода.

— Правильно рассуждаешь, лейтенант! Заедем по пути. Отправимся на машине до Кандалакши, там возьмем катер или моторку. Захватим полиэтиленовый мешок для груза двести. Патологоанатома пригласим из Кандалакши. Необходимые звонки я сейчас сделаю. Оpozнание опознанием. Но у меня возникает еще такой вопрос. Убийца или убийцы были на Толстике. Куда они могут рвануть? Если по морю, то могут уйти на Терский берег. Могут пойти в Кандалакшу. А могут запилить и до Архангельска. А по суше? Добравшись до нее, могут выбраться на трассу Мурманск — Питер. Вот куда они пойдут потом — на север или на юг? Давай так, лейтенант. Позвони по поводу морского пути, чтобы там, в Кандалакше, Умбе, Архангельске, ожидали. А я позабочусь о постах на трассе. В Каре-

лию, на всякий случай, позвоню — сопредельная сторона. Ну, за дело!

— Есть, товарищ капитан!

* * *

— Завтра снимаемся, подальше от этого места. Хорошо? — спросил боцман.

— На моторке этого! Там бензина — канистра еще полная, я по весу понял. — Жека довольно посмотрел на всех. — А вот кто «Ямаху» осилит?

— Я с японцами с удовольствием повожусь, — согласился Изюм. — С «Хондой» я управлялся, понравилось!

К вечеру, повозившись с «Ямахой» и несколько раз запустив двигатель, Изюм с каждым пытался поделиться тем, как легко запускается двигатель:

— Зверь, да и только! Настоящий зверь! Цепочку на корпус накинуд, оборота на три верхний винт бензобака открыл для поступления воздуха. «Опен» для тока бензина, понятное дело, повернул и скорость между «черепашей» и «зайцем» выставил! Все! И не надо полчаса дергать за «сим-сим», как это на наших моторах делается. На кнопку нажал, на маленькую черную кнопку, — и все, заревел! Закон моря!

— Ну что, ребята, предлагаю сейчас и пойти. Ноги будем делать! Ночи сейчас светлые. На камни не напоремся! Уберем только плот, чтобы в глаза не бросался!

Собрались моряки в пятнадцать минут.

Женя и Леа разулись, сняли брюки, чтобы их не намочить, и стали выводить катерок на глубокую воду. Когда все наконец расселись в лодке, то смотрели только на сияющего Изюма. Сегодня, похоже, был его праздник. В сухом отсеке, на пайолах, разместились канистра с питьевой водой и на ней свернутые накладки. Боцман кивнул, давай, мол, Изюмчик.

И Изюмчик дал. Дал так, что небо, казалось, раскололось от грохота.

— Потихе, — все разом закричали ему.

Изюм чуть сбросил скорость, но все равно — моторка стремительно выскочила из-за мыса на водный простор; тугой порыв встречного ветра прыгнул каждому в лицо, взбил волосы; и вот вскоре зоркие глаза моряков могли разглядеть: справа — высоченную заводскую трубу, там угадывалось скопление множества домов поселка; слева — широко раскинувшееся село с церковью, поставленной в полгоры.

— Смотри-ка, ни одной доры, ни карбаса, ни одной лодочки, — прокричал Алексей, показав на морскую ширь.

— Так день-то, небось, будний! — предположил Женя.

Боцман знаками показал Изюму взять курс на село, но чтобы близко к селу не подходить. Когда пристали к берегу, где почти к самой воде подступали ели, сказал:

— Сейчас показаться в селе — будет подозрительно, время ведь позднее. Под утро можно подойти — разжиться живностью.

* * *

Капитан Басов встретился с лейтенантом Шелабнёвым Юрием в восемь часов утра в здании Управления.

— Юра, я все забываю ваше отчество. Его ведь вам, несмотря на молодость, присвоили уже? — с лукавой улыбкой взглянул капитан на подчиненного.

— Андрей Константинович, я — Кондратьевич. Хоть и молод, но присвоили отчество, — ответно засмеялся лейтенант.

— Поехали, Юрий Кондратьевич! Машина ждет нас у выхода.

— Товарищ капитан, поездом часов шесть добираться, а машиной за сколько доберемся?

— Я рассчитываю, что за четыре-пять часов должны доехать до Кандалакши. Там нас будут ждать патологоанатом и местный полицейский. Хочу немного покемарить. Кроме как в дороге спать некогда!

— Михаил, — назвалса водитель, когда капитан и лейтенант расселись в машине и представились. — С Богом! — сказал он, и машина тронулась.

Машина неслась по трассе. Кругом были леса и озера.

Прошло часа три.

— Смотрите, — шепотом сказал лейтенант, обращаясь к водителю, — Имандра! Красивые виды! Считаю, скоро будем на месте!

При подъезде к Кандалакше стали мелькать картинки Белого моря.

— Красота! Какие у нас тут места! Согласны, товарищ капитан?

— Да, виды знатные! А теперь, — Басов обратился к водителю, — на Пронина, восемь, давай!

— Это в честь майора Пронина названа улица, капитан? — усмехнулся водитель.

— Нет, конечно, майор Пронин — фигурирует только в анек-

дотах! Вот Юрий Кондратьевич, может пояснить. Он родился в этом городе!

— Улица Пронина названа именно в честь одного отважного милиционера. Он задерживал банду, которая долго орудовала в городе. При исполнении погиб.

— А когда это было? — у водителя появился нескрываемый интерес.

— В конце пятидесятих годов.

Зазвонил мобильный у капитана.

— Что? В порт? Хорошо! Едем в порт, Михаил, нас ждут уже там, — обратился к водителю Басов.

— А это я знаю, как ехать! Мне вас где ждать, капитан?

— Обратитесь в УВД. Там вам, Миша, дадут направление в гостиницу Управления.

— Старший лейтенант Морозов Василий Васильевич, — назвался представитель Кандалакшского УВД. — Вы ведь Басов?

— Да! И со мной лейтенант Шелабнёв Юрий Кондратьевич.

— А это наш патологоанатом, — Морозов показал рукой на человека в штатском, который стоял на борту полицейского катера, — Ильин Валентин Николаевич.

Прибывшие из Мурманска поздоровались, кивнув Ильину.

— Будем садиться? — спросил капитан Басов, перейдя по трапу на катер. За ним пошли лейтенант и старший лейтенант.

— Отправились? — Получив утвердительный кивок, старший лейтенант крикнул, чуть присев, мотористу: — Федор! Курс на мыс Толстик!

Солнце стояло высоко и ярко светило, отражаясь в воде и заставляя весело поблескивать дорожку, по которой мчался полицейский катер. Полтора часа пролетели незаметно.

— Вон он — ваш Толстик, — моторист на минуту высунулся наверх. — А слева — Терский берег.

— Видишь, где люди? Туда, Федя, и причаливай, — бросил старший лейтенант мотористу и обратился к капитану: — Вас, Андрей Константинович, оставляю здесь с Юрием Кондратьевичем и Валентином Николаевичем. Сам на катере смотаюсь в поселок, для опознания возьму кого-то из местных, пару человек.

— Это долго, Василий Васильевич?

— Четверть часика туда, столько же обратно; ну, и там поставимся управиться за двадцать минут, в поселковом совете должны нас ждать — звонили уже туда утром.

— Хорошо!

Высадившиеся на берег подошли к группке людей. Среди них стоял полицейский, в вылинявшей гимнастерке, галифе и сапогах, с непокрытой головой. Он первым обратился к капитану:

— Товарищ капитан! Я местный участковый, Степанов Афанасий Иванович!

— Афанасий Иванович, а почему вы в таком виде? — как можно тише спросил капитан.

— Так ведь нам новую форму не выдавали. По телефону сказали, что аттестацию я прошел — и никаких нововведений! Всё — то же! У меня участок, знаете — ого-го! Пол-Бельгии будет! А напарника нет!

— Понятно! Я — капитан Басов Андрей Константинович, Управление уголовного розыска МВД по Мурманской области. Со мной лейтенант Шелабнёв Юрий Кондратьевич и патологоанатом из Кандалакши Ильин Валентин Николаевич.

— А Морозов Василий с вами не прибыл? — удивился Афанасий Иванович.

— Вон он, — лейтенант показал рукой на катер, глиссировавший по водной глади и поднимавший за собой буруны. — За понятыми поехал в поселок, чтобы опознать труп.

— Так труп я уже опознал, — ответил участковый. — Это лесник Никифоров Станислав с кордона. Он на острове базируется, вон он, — Степанов показал. — Васька Кривой его остров называется. А это, — продолжал участковый, реагируя на вопросительный взгляд капитана, — мошководы. Вот их старший бригадир — Кокорев Игнат.

— Поступим так. Вы, Юрий Кондратьевич, запишите показания мошководов — кто увидел первым труп, как он лежал, трогал ли кто, ну, сами знаете... Кто еще его видел. Я смотрю, Валентин Николаевич, уже надел перчатки.

При отливе притопили моторку, отвинтив винт сливного отверстия и нагрузив ее камнями. Сделали пометку ножом на ближайшей сосне.

В глубине леса развели костер, чтобы отпугивать комаров. Ночь была теплой, поэтому моряки спали прямо на земле, закутав головы в накидки — так комары меньше доставали их.

В пять утра — именно столько показывали часы на руке у Лехи — отправились. Пошли боцман, главмех и Леха.

Собаки побреживали где-то вдалеке. Вот и село. Серели в ут-

реннем тумане дома, срубленные из мощных бревен. Ни в одном окне не горел свет.

Один из ближайших домов оказался магазином, как указывалось на вывеске. Зайдя с тыльной стороны, увидели висячий замок с огромными дужками.

— Отойдите. Я такой легко сниму одним ударом. — Олег Кириллыч, держа в правой руке топор, отстранил всех левой рукой. Поднял топор и резко ударил им по замку. Замок слетел на землю.

— Идем с тобой, Леха. А Юрий Васильевич на стреме тут побудет! Спички у тебя есть? — обратился главмех к Светлову.

— Есть.

Из магазина они вышли через пять минут. Рубахи их раздулись от набранных вещей и продуктов.

— В следующий раз сумки или что другое надо брать, — шепотом сказал Леха.

Тем же путем моряки вернулись к своим.

При ярком свете костра, вокруг которого все уселись, из карманов и из-за пазухи прибывших появились буханки хлеба, консервы, три бутылки водки и пять пива, мыло, спички.

— Хорошо, что у нас никто не курит! — главмех весело обвел всех взглядом. — А то еще одна забота!

* * *

Патологоанатом в белом халате, с чемоданчиком в руке, деловито пошел к трупу.

— Тут змеи водятся, Валентин Николаевич! — крикнул Степанов.

— Те змеи, что ужалили лесника, уже скрылись! — раздалось ему в ответ.

— Афанасий Иванович, а мы с вами давайте пройдемся! — обратился к участковому, взяв его под локоть, капитан. — Какие-нибудь происшествия на вашей половине Бельгии были в последнее время?

— Одна мелкота только была — овцу украли, а может, она сама заблудилась... Рубахи сушились — выкрали. И это в селе, где последний вор уже умер, — некому воровать стало. Вот это вызывает удивление. А больше — ничего, тишина. Если время у вас будет, можем в участке, в Зеленом Доле, посмотреть — там автоответчик все фиксирует! Может, еще жалобы были! Вот меня здесь кое-что волнует. Мошководы живут на воздухе, в палатке возле сушильни, — вон стойбище их. А тут рыбацкая изба еще есть за деревьями. Вот избушку эту очень интересно по-

смотреть! Есть там вещи, а чьи они — большой вопрос. Даже просище! Давайте посмотрим!

— Идемте!

Возле избы они увидели свежевыкопанную яму для отходов. В ней были обожженные консервные банки, остатки хребтов и голов рыб, птичьи кости и перья, разрубленная белка, облепленная белыми большими червями, почти истлевшее мужское нижнее белье — трусы и майка.

— Смотрите, Афанасий Иванович, яма для отходов, все правила пребывания соблюдаются... А не засыпана. Это о чем говорит?

— Да о том, что уходили наспех.

— Верно замечено! А у мошкодеров своя яма?

— Своя!

В избушке участковый обратил внимание капитана на подборку инструкций по пользованию плотом, по выживанию в море и карту сигналов бедствия. Все эти вещи капитан положил в непромокаемую сумку, в которой была ручная помпа. Кучка, в которой были фальшфейеры, ракеты и сигнальный фонарь, тоже была отправлена следом.

На скамейке в избушке они увидели стопочку из вымытых шести мисок, рядом пять чистых кружек, из которых торчали пять столовых алюминиевых ложек.

— Вполне может быть, что это вещдоки, — в задумчивости проговорил капитан Басов, разглядывая содержимое сумки. — Похоже, здесь жили пятеро или шестеро неопознанных пока лиц.

На чердаке, куда слазил капитан, был обнаружен спасательный плот. Капитан сбросил его на землю.

— Это тоже зацепочка. Надпись принадлежности к судну отсутствует, но у флотских можно прояснить, чье это может быть оснащение и кто терпел крушение у нас, — капитан рассуждал вслух. Он попросил Степанова: — Афанасий Иванович! Обращайте внимание на людей в тельняшках, не бритых, может быть. А судя по посуде, их могло быть человек пять или шесть! Попросите мошкодеров отнести плот к берегу. Сумку я сам отнесу. И еще. Хозяина избушки вы, Афанасий Иванович, знаете?

— Конечно. Наш он — из поселка. Фомичев Сенья.

— Вот выясните у Сени, давно ли он был здесь и знает ли о происхождении вещей.

Оставив сумку на берегу, Андрей Константинович вернулся к болоту, где находился труп, уже уложенный в патологоанатомический мешок.

Ильин Валентин Николаевич встретил капитана словами:

— Я закончил предварительный осмотр. Труп положил в ваш мешок. Не возражаете? А то у нас, в Кандалакше, закуплены тоненькие полиэтиленовые мешки из Китая. Так никакого сравнения. Небо и земля!

Теперь мое мнение о трупе. Кожа его имеет чрезвычайно резкую бледность. Значит, тело попало в воду, температура которой была ниже, чем его температура; кожные сосуды при этом сократились, что и обусловило бледность кожных покровов, возникла так называемая гусиная кожа.

У трупа сократилась также кожа мошонки и кожа грудных сосков. Эти признаки могут возникать как при утоплении в холодной воде, так и при попадании трупа в воду вскоре после наступления смерти.

Серый оттенок фиолетовых трупных пятен определяется количеством гемолизированной крови. Розовый цвет кожных покровов по краям трупных пятен возник вследствие того, что под влиянием воды эпидермис разрыхляется, что облегчает проникновение через него кислорода, который окисляет гемоглобин.

Уже через несколько часов после пребывания трупа в воде отмечается жемчужно-белая окраска лица, ладонной поверхности кистей и подошвенной поверхности стоп. В течение трех суток сморщивается кожа всей ладони — «руки прачек».

Мацерация кожи кистей в зависимости от времени пребывания трупа в воде такова.

К концу недели начинается отделение эпидермиса, а к концу третьей недели набухший, разрыхленный и сморщенный эпидермис можно снять в виде «перчатки смерти». Этого нет еще. Определенное влияние на динамику развития мацерации оказывает также минеральный состав водной среды (пресная, соленая, морская). Одежда на трупе, перчатки на руках и обувь могли задержать развитие мацерации, но в нашем случае этого нет.

Если перевернуть труп, то на спине, слева, то есть в области сердца, ясно видно глубоко проникающее отверстие. Зонд показал, что орудие было острым и проникло на двенадцать сантиметров.

Предварительно могу сказать, что убийство могло произойти две недели назад. То есть примерно в середине июня.

— Хорошо, доктор. Спасибо! А вон и Василий Васильевич показался, — капитан посмотрел на часы, — как и было обещано, в пределах часа их не было.

Вскоре к берегу пристал полицейский катер в сопровождении катера пожарной охраны.

— Взяли с собой, — объяснил Морозов присутствие катера пожарных, — им все равно баллоны с газом на остров везти надо.

Прибывшим из поселка показали труп, расстегнув мешок, и оба понятых в один голос воскликнули:

— Станислав Сергеевич, Станислав Сергеевич Никифоров. Лесник с кордона на Ваське Кривом.

Составили протокол опознания и опознавателей отпустили.

Затем погрузили на катер приготовленные вещи. Простились с мошкодерами. Попрощались со Степановым Афанасием Ивановичем, капитан попросил его присылать по инстанции информацию о происшествиях, которые случились в течение последнего месяца, и о всех, которые, возможно, произойдут.

Отправились в Кандалакшу, где решено было остаться ночевать в гостинице.

* * *

Моряки угнали стоявшую возле железнодорожной станции Княжая автомашину и дней десять мотались между Зеленым Долом и Красными Холмами, где располагалось примерно пятнадцать населенных пунктов. В них работало десятка четыре — пять магазинов, магазинчиков, базарчиков и отдельных палаток. Десятки из них моряки ограбили, взломав в некоторых случаях замки.

Ночевали они в машине, в лесу, в заброшенных клубах, в забитом досками зале ожидания маленького железнодорожного разъезда без названия.

Не раз, встречаясь с людьми, они слышали оскорбления в свой адрес, самым мягким из которых было «бомжи вонючие».

Однажды моряки заскочили на почту, где в свободном доступе была знакомая им газета «Флотские новости».

По сообщениям газеты можно было восстановить картину спасательных работ в Баренцевом море. Первого июня начался шторм, получены сигналы SOS с сухогруза «Одесса». Третьего июня шторм стих. Начались поиски пропавших моряков с использованием авиации и флота. Четвертого и пятого июня продолжались интенсивные поисковые мероприятия. Пятого июня поиски моряков прекратились.

Сообщение от седьмого июня гласило: «С учетом собранных на первоначальном этапе расследования доказательств в качестве основной причины затопления судна рассматривается нарушение правил маневрирования судном в условиях штормовой погоды», — сообщила официальный представитель Северо-За-

падного следственного управления на транспорте Следственного комитета России.

— Значит, судя по газете, мы все погибли, да? — растерянно произнес боцман, покидая почту.

— Мечтаете? Хорошо бы, козлы вонючие, — это вдогонку морякам бросила почтовый работник.

— Осторожно в выражениях, — хотел ввязаться главмех, но моряки не дали ему продолжить и, подхватив под руки, вывели из здания почты.

Тут, на площади перед почтой, моряки увидели ряд матерчатых палаток, торговавших промтоварами. Но покупателей было мало, и продавцы явно скучали.

К одному из чернявых торговцев подскочил Леха Светлов.

— Ты кто, азер или цыган? — спросил он, приставив к горлу продавца нож. И, не слушая ответа, продолжил: — Это и не важно! — Он срезал поясную сумочку продавца. — В полицию не побежишь?

— Нет, нет, нет, — залопотал продавец. — Там... документы только верните, — чисто, без акцента, затараторил продавец.

— Вынимай документы, — Леха протянул ему сумочку, из которой бывший хозяин ее стал вытаскивать документы. — Мы курточками у тебя разживемся?

Продавец согласно кивал.

Леха брал кожаные куртки, лежавшие на импровизированном прилавке, и передавал часть Жеке, а часть — главмеху.

Потом они быстро прошли к стоявшей неподалеку машине, за рулем которой сидел Изюм, и уехали.

— А я прихватил у этого азера пять помазков и две упаковки одноразовых бритв, — похвастал Жека. Только что были бедны, как корабельные крысы, а вот протянули руку — и все стало иначе, разбогатели.

— Ребята! Вы увидели в названии почты слова «Кандалакшского района»? Так это ЮБК — Южный берег Кольского, — сообщил всем Леха. — Значит, нас вынесло в Белое море! Ребята! Мы не в Баренцевом! Вот отчего спасатели нас не обнаружили. А отсюда недалеко до моей Кеми. Там все сможем достать. Все, что нам надо!

После ночи, проведенной в гостинице УВД, и завтрака, капитан Басов и лейтенант Шелабнёв на машине Управления, за рулем которой был Михаил, отправились в Кандалакшский отдел полиции на Пронина, 8.

— Эти белые ночи совсем не располагают ко сну, — пожаловался Михаил. — Никак не привыкну к ним.

— Так ведь и мы, северяне, неважно переносим их, — ответил капитан. — А все, кто из средней полосы приехал, те ночами мучаются, конечно, побольше нашего!

— Юрий Кондратьевич! Мы сегодня со старшим лейтенантом Морозовым Василием Васильевичем проанализируем все происшествия; кроме того, запрошу информацию в Мурманске, что туда поступило... А с вами мы разделимся: проясните по поводу спасательного плота — с какого судна, узнайте о команде этого судна. Кроме морской версии, другой мы пока не имеем. Заодно выясните: может, аварию или крушение на море кто терпел.

— Все вещдоки наши в машине? — спросил Юрий Кондратьевич у Михаила.

— Как привезли вы их с Толстика, сложили; с тех пор, зная, что они под охраной, я их и не видел. Так что все должно быть на месте.

Лейтенант Шелабнёв побывал в отделе кадров Кандалакшского порта, в отделе комплектации Северного флота, в линейном отделе на транспорте УТ МВД РФ по Северо-Западному ФО. После посещения подразделений администрации порта ему стало ясно:

— ни одно судно, приписанное к порту, крупную аварию или крушение не терпело за весь период текущей навигации;

— в акватории Белого моря в этом году никаких происшествий масштаба, интересного для полиции, на воде не было;

— отсутствие моряков в составе экипажей рыбопромыслового флота не отмечено;

— десятиместные спасательные плоты типа «Зодиак» на суда, известные портовой администрации, не поступали;

— администрации порта известно, что в акватории Баренцева моря в течение июня с. г. имели место происшествия с тремя коммерческими судами торгового флота, приписанными к портам Мурманска, Архангельска и Санкт-Петербурга, куда она рекомендует обратиться.

С полученными результатами, изложенными в рапорте, лейтенант Шелабнёв Ю. К., обратился к капитану Басову А. К.:

— Андрей Константинович, есть предложения.

— Давайте, излагайте!

— По полученным рекомендациям готов начать окучивать порты приписки, начиная с Мурманска!

— Хорошо, Юрий Кондратьевич! Возвращайтесь в Мурманск поездом. Питер и Архангельск, чтобы не терять время, я поручу другим нашим сотрудникам. Вас они найдут, их проинструктируйте. Расскажите о наших действиях. Введите их в курс дел.

* * *

Лейтенант Шелабнёв в Мурманском порту, в службе капитана порта получил списки экипажей двух затонувших коммерческих плавсредств торгового флота, приписанных к портам Архангельска и Санкт-Петербурга. Их при заходе в порт судов сообщили капитаны. Таков порядок.

С судном, которое было приписано к Мурманску и вышло отсюда 31 мая, дела обстояли хуже. Известно, что это сухогруз. Название «Одесса». Известны фамилии капитана и боцмана. Капитан Пафнутьев Сидор Петрович, Боцман Кирьянов Юрий Васильевич. Владелец судна обязан был сообщить состав экипажа, но нарушил это правило. Его самого не видно в порту давно. Предположительно моряков, членов экипажа, должно было быть тридцать.

Десятиместные спасательные плоты типа «Зодиак» могли быть закуплены судовладельцем теперешним или бывшим. Сухогруз перекупался несколько раз. Обычно так бывает на практике аренды или покупки судна — сшибут после фрахта копейку и продают посудину, чтобы не делать ремонт, не заботиться...

На вопрос лейтенанта, можно ли где еще узнать фамилии членов экипажа сухогруза «Одесса», ему неофициально подсказали:

— У портовых бичей. Они тут всех и все знают.

— Заодно уж, не скажете, где их можно найти, где они обитают? — лейтенант не мог не задать этого вопроса.

В ответ он узнал, что обитают бичи на промбазе, на продовольственной базе. Там есть пункты общепита, где всегда им можно подработать и поесть.

Вечером Шелабнёв появился на продовольственной базе, где нашел нескольких бичей. На вопрос о сухогрузе «Одесса» ему сказали про капитана, боцмана Кирьянова Юрия Васильевича, главмеха Терехова Олега Кирилловича и механика Изюма. Ни имени его, ни отчества никто не знал. Полагают, что Изюм — это и прозвище, и фамилия его. За эту информацию, как и было условлено, Юрий Кондратьевич выложил информаторам сумму, равную стоимости двух бутылок водки. Об остальных членах экипажа посоветовали узнать, обратившись к Паше Ле-

пихову, старейшине бичей. На вопрос, где его найти, сказали, что в коллекторе на промбазе.

Там лейтенант выяснил, что Паша отбывает пятнадцать суток в КПЗ отделения транспортной полиции. На следующий день лейтенант добился встречи с Лепиховым Павлом Игнатьевичем, предварительно узнав, что причиной ареста явился скандал, учиненный из-за того, что Лепихова П. И. не пустили в общественный туалет.

— Кто это настойчиво добивался встречи со мной? Кто без меня никак не может? — такими вопросами был встречен лейтенант. Он представился и показал служебное удостоверение.

— Ну, вот он я. И чего же ты хочешь, лейтенант?

Лейтенант сказал.

— А чем ты мне можешь? Срок скостишь? Я не стремлюсь к этому! Мне и тут хорошо! Деньгами если? Ну, это приемлемо! И знай, что голодный бич страшнее волка, а сытый бич — смиреннее и спокойнее овцы.

Лейтенанту ничего не оставалось, как вручить бичу сто рублей; это ему советовали и полицейские перед встречей.

— А смысл моих слов? Кому они помогут?

— Надеюсь, что самим ребятам из экипажа. Может, другим хорошим людям, кому моряки уже не смогут навредить.

— Ну, ладно! Вижу, ты знаешь, что хочешь! Верю тебе. Мы считали их погибшими. Во всяком случае, лучше на шконке сидеть с широко раскрытыми глазами, чем зажмуренным лежать на дне. Отвечу тебе, и очень точно. Весь экипаж назову. Каждого знаю лично! Меня тоже чуть не взяли, но из-за славы моей отказали. И из-за расхождений с Кодексом торгового мореплавания РФ.

— В чем же эти расхождения?

— В том, что пью я, когда мне хочется, а не когда разрешают!

— Ясно. А сколько в экипаже состояло, тридцать моряков?

— Нет, половина от тридцати, точнее шестнадцать человек.

— А нет ли среди них уголовников бывших?

— Нет, уголовников среди экипажа нет, насколько я знаю. Ну, записывай фамилии. А в кадрах их личные дела есть и фотографии. Можешь и на мое фото взглянуть — молодой там, мордатый!

Ценным советом лейтенант воспользовался, взглянув вначале на дело Лепихова П. И. На фотографии был изображен бравый здоровенный моряк с черным чубом. Дело же Лепихова П. И. пересекала синяя надпись «СПИСАН».

Возле Красных Холмов моряки заправились бензином, выехали на трассу, и машина встала.

Пока Изюм и Олег Кириллович осматривали двигатель, остальные слонялись вокруг.

Леха стрелял из своей рогатки по дорожным столбам, которые, при каждом удачном выстреле, издавали четкий звук падения, после чего камни отскакивали в разные стороны на дорожное полотно.

Жека с силой запускал свое орудие вдоль придорожных кустов, «постригая» их.

Из-за поворота вдруг вынырнула полицейская «канарейка», в которой сидели два инспектора ДПС. Сначала полицейская машина проехала мимо. Потом задним ходом вернулась к морякам. Из машины вышли двое полицейских. Один крутил на пальце наручники, в руках у другого была полосатая палочка. У обоих на плечах висели автоматы.

— Почему стоим? Что случилось? Предъявляем документы!

От этих слов настроение у ребят моментально испортилось. Невыносимой тягомотиной сразу все вокруг стало казаться морякам.

— А что случилось, командир? — задал вопрос Юрий Васильевич.

— Кто из вас водитель? Вы разве? — полицейский обернулся к Кирьянову.

— Так что произошло, командующий? — снова спросил Юрий Васильевич.

— Ничего. Обычная проверка документов!

Леха переглянулся с Жекой. Женя Никитин стоял за спинами полицейских. Он знал одно — эту встречу надо быстрее прекратить, прервать. Она не нужна им. Ничего хорошего встреча им не принесет. Наоборот! И он с силой метнул свою миску в ближайшего инспектора ДПС. Миска впилась в шею инспектора. Тот медленно повернувшись, осел на дорогу.

Тем временем Леха Светлов запустил из рогатки, которая была у него в руках, «пульку» в голову другого сотрудника ДПС. Этот сотрудник покачнулся и стал отходить назад, одновременно поворачиваясь к Лехе. Автомат он успел схватить обеими руками и тут же получил мощный удар ножа Терехова в грудь. Оба полицейских были мертвы. Их пришлось отнести подальше, в глубь леса. Автоматы полицейских перекочевали в машину моряков.

Полицейскую машину, сняв с тормоза, столкнули под откос. Она разогналась и тут же ткнулась вниз в росшие на краю борта березки.

* * *

*Здание Управления уголовного розыска МВД
по Мурманской области.*

*Оперативное совещание отдела капитана
Басова А. К. 6 июля.*

— Лейтенант Шелабнёв. Юрий Кондратьевич, доложите, что у вас по Мурманскому порту?

— У меня списки экипажей, товарищ капитан, всех трех погибших в июне кораблей. По сухогрузу «Одесса» имеются фотографии всех шестнадцати человек. Установлено, что один из членов экипажа родом из Кеми. Остальные все родились дальше. Фотографии моряков увеличили до размера десять на пятнадцать. Плот типа «Зодиак» — по нему ясности нет. У меня все.

— Следует разослать снимки по трассе Мурманск — Санкт-Петербург. Выставить посты и патрули перед крупными городами. Это, Юрий Кондратьевич, за вами.

— А по другим портам приписки что-то есть, Ивашов и Емельянов?

— Те же списки экипажей. Мы сравнивали — идентичны. Про десятиместные плоты сведений нет.

— Участковый Степанов Афанасий Иванович звонил, товарищ капитан. Я тут на телефоне дежурил. По поводу вещей в рыбацкой избе на мысе Толстик. Хозяину избы ничего не известно об их происхождении.

— Ну что же, товарищи. Все работает на нашу единственную версию — мы подозреваем моряков с сухогруза «Одесса». Хотелось бы не промахнуться в наших предположениях! Что у нас с анализом сводок о происшествиях, старший лейтенант Купатый? Давай, Сан Владимыч!

— Анализ сводок говорит об участвовавших случаях краж и ограблений в населенных пунктах между Зеленым Долем и Красными Холмами. Там пятнадцать населенных пунктов, около пятидесяти торговых точек, в десяти из них были взломы и хищения продуктов и вещей. Без убийств! Явного смещения, как мы ожидаем, на юг или север не наблюдается. Похоже, что перемещения они осуществляют на машине, но заявлений о пропаже, угоне машин не поступало. Как правило, все происхо-

дит ночью, но есть случай, когда их видели днем. Имеется заявление от Арифова Рамиса Сафаровича. У него днем прилюдно взяли деньги и пять кожаных курток.

— Товарищ капитан! Только что пришло сообщение: убиты два сержанта полиции, сотрудники ДПС Карелии. Это произошло возле Красных Холмов.

— Мы с Шелабнёвым срочно вылетаем вертолетом на место. Юрий Кондратьевич, слайте фото на рассылку, а несколько комплектов берем с собой. Мы идем вдоль трассы, сообщите участковому Степанову А. И., что мы его подберем. Пусть он в своем Зеленом выйдет на трассу. Мы его увидим. Если нет — пусть ловит нас!

* * *

При подъезде к Кеми моряки увидели две патрульные машины.

— Сворачиваем! — скомандовал боцман. — Хорошо, что мы издали их увидели. Это сигнал нам — основную трассу избегать! Будем двигаться только рокадными дорогами.

Объехав Кемь, машина моряков понеслась в Беломорск, до которого было пятьдесят километров.

Въехав в город, моряки обратили внимание на множество неожиданных вывесок. Например, салон красоты «Багира», банк «Кредит-Хоум», изготовление ванн «Марат — друг народа»... Последняя вывеска показала глубочайшее знание авторами истории французской Революции. Где-то на улицах встретилась растяжка «Сделай подарок с выгодой!».

Улицы города были пустынные. Было только пять часов утра. На какой-то темной аллее под колеса машины вдруг бросилась женщина. За рулем машины был Изюм. Изюм ничего не мог поделать — он ее не видел. Все вышли из машины и не знали, что делать.

Увидели невдалеке светящееся табло «Полиция».

— Берем ее и понесем, — скомандовал боцман.

Сбитую женщину моряки понесли к отделению полиции. Дверь была заперта. На настойчивые звонки дверь открыл сонный полицейский:

— Что вам? Что вы? Откуда вас столько? — он был явно растерян.

— Вот женщине нужен врач, — проговорил Юрий Васильевич. Про себя же он подумал, что врач тут уже не нужен. — Роженца вот, ей плохо! — услышал полицейский.

— Что же делать? Ей действительно нехорошо? — полицейский еще не проснулся.

— Похоже, ей уже хорошо! А вот тебе сейчас будет плохо, если не скажешь, где оружейная комната, — Кирьянов, приставил нож к горлу полицейского. — Говори, если жизнью дорожишь!

— По коридору последняя комната!

— А ключ от нее где?

— На моем столе в дежурке!

— Похоже, жизнь ему действительно была дорога! — Юрий Васильевич вытер нож о гимнастерку полицейского. — Одним свидетелем меньше!

В милицейской комнате моряки взяли по два-три пистолета «Макарова», и множество коробок с патронами.

— Жалко, нет «Стечкина». Я в тир ходил, учась в мореходке. Так там «Стечкин» был! Классная вещь! — восхищенно сказал главмех.

Трупы полицейского и сбитой автомашиной женщины моряки отнесли в оружейную комнату отделения полиции.

Моряки только вышли из здания отделения полиции, как были сразу же обстреляны. Откуда производились выстрелы и кем, они не видели. Моряки побежали к машине, оставленной метрах в ста. Свои АК они оставили в машине. Под градом пуль неизвестного стрелка они сели в машину и рванули с места.

Светлова Алексея с ними не было.

В это время смертельно раненный Лежа лежал на аллее, по которой только что пробежали моряки, и глядел вслед уехавшему автомобилю.

К нему подошел, убирая в кобуру пистолет, старший лейтенант. Наклонился к умирающему. Глаза Светлова уже потеряли способность видеть. Губы еще шептали:

— Ребя! Давай в Кемь. Там все...

Осмотр места убийства двух сержантов ДПС силами сотрудников МВД Республики Карелия позволил обнаружить странные вещи — рогатку и миску. На миске были следы крови и сама миска имела остро отточенные края. Эти предметы были взяты как вещдоки. Трупы сержантов доставлены в морг больницы Красных Холмов, куда должен был подъехать, как было обговорено по телефону с Морозовым Василием Васильевичем, патологоанатом Ильин Валентин Николаевич.

До участкового Степанова Афанасия Ивановича дозвони-

лись поздно; он сам нашел капитана Басова, добравшись в район Красных Холмов на своем мотоцикле.

Капитан Басов, лейтенант Шелабнёв вместе с участковым подъехали к базарчику, благо он был рядом. Там работал потерпевший Арифов Р. С.

На показанных ему фотографиях торговец опознал всех, кроме Изюма. Тот сидел в авто и поэтому не был виден.

Тут капитану Басову А. К. поступил звонок на мобильный. Из отдела доложили о произошедших в Беломорске убийствах.

Басов и Шелабнёв незамедлительно отправились в Беломорск.

Старший лейтенант Попов Николай Витальевич рассказал о случившемся, о том, что не смог помешать бандитам, прибыл на службу позже; стрелял уже им вдогонку; сказал капитану и лейтенанту о последних словах умершего уже бандита о Кемии; на предъявленных фото указал на А. А. Светлова. Кроме того, Попов Н. В. доложил капитану, что на убитом были часы с надписью «Никифорову С. С. — лучшему надзирателю года. Учреждение 3515. 1988 год».

Капитан Басов А. К. и лейтенант Шелабнёв Ю. К. сразу же отправились в Кемь. В дороге капитан произнес:

— Значит, «Ребя, давайте в Кемь! Там все...»

Стоял жаркий день. Близость моря не приносила облегчения жителям Кемии.

Молчавшие рации патрульных машин внезапно ожили и посеяли кругом тревогу:

— Внимание! Внимание! Всем патрульным машинам! На улице Щорса произошло ограбление сберкассы. Ранена кассир и убиты два посетителя кассы. По словам потерпевшей, бандиты в количестве четырех человек выскочили из помещения, пытались завести машину. Это у них не получилось, и они, выскочив из машины, побежали вдоль улицы в сторону железнодорожной платформы. Преступники вооружены пистолетами. Одеты в кожаные куртки. У одного куртка зеленого цвета, у остальных — черного.

В карусели, кружившей вокруг места происшествия по плану «Перехват», приняли участие четыре машины полиции. Экипажи двух из них, выехавших на улицу в двухстах пятидесяти метрах от платформы, почти тут же увидели четырех человек, бежавших в их направлении. Машины перекрывали бегущим

подходы к платформе. Одеты бандиты были так, как их описала кассир.

Увидев патрульные машины, перегородившие им путь, беглецы растерянно остановились. Один из полицейских выбрался из машины.

— Стоять! — крикнул он, направив пистолет в сторону бандитов.

В ответ на его окрик один из преследуемых стал стрелять по полицейскому с обеих рук. Несколько пуль попало в него, и он, схватившись за грудь, стал медленно оседать на асфальт.

Беглецы бросились в ту сторону, где была парковая зона.

— Полицейский ранен! Полицейский ранен! Нужна «скорая помощь»! Срочно! Бандиты побежали в сторону парка, — это сообщение передал по радиации полицейский, он был за рулем машины, в экипаж которой входил сраженный пулей полицейский.

Тем временем бандиты вбежали на территорию парка, преследуемые тремя патрульными машинами. Две машины преследовали их по одной аллее, а третья — по параллельной. Бандиты бежали по газонной траве, росшей между этими аллеями. Убегающие стреляли по патрульным машинам, держа руки на отлете. Вести прицельную стрельбу на ходу они не могли. Полицейские, сидящие в машинах, стреляли реже, но попасть в кого-либо из бандитов им тоже не удалось.

Преследование в парке длилось уже минут семь. Бандиты выдыхались, им становилось все тяжелее бежать, ноги у них заплетались.

Обе аллеи парка вели к большому пруду, на ближнем берегу которого, на поляне, стоял заброшенный дом. В него и вбежали бандиты.

Дом был двухэтажный. У входной двери уцелела только половина, другая выбитая половина двери валялась на входных ступенях. Во всех окнах дома стекол не было. Окна нижнего этажа частично были заколочены. Некоторые доски валялись тут же, под окнами; другие же свисали на вывернутых ржавых гвоздях. Бандиты вели стрельбу из окон верхнего этажа.

Минут через тридцать дом был окружен большой группой полицейских, которые укрывались за стволами растущих здесь деревьев. Вооружены полицейские были автоматами и пистолетами. Командовал операцией майор, имевший боевой опыт. По рупору, который был у него в руках, майор предупредил все своих, лежавших в оцеплении:

— Из укрытий не выходить! Не геройствовать! Бандиты сам

загнали себя в угол. Им некуда деться — они в кольце! Патроны у бандитов скоро кончатся. Запасов, полагаю, в доме у них нет. В дом они забежали случайно.

Майор периодически обращался к бандитам с предложением сдаться. На что те отвечали яростным огнем.

— Любую огневую активность бандитов пресекать интенсивным огнем, — скомандовал майор. — Они не сдаются, поэтому разрешаю стрелять на поражение.

Любопытствующие прохожие и зеваки находились на дальних подступах к дому. Их не пускало оцепление.

На аллее, метрах в трехстах от осажденного дома, стояли вызванные пожарные машины, автомашины с прожекторными установками. Подъезжали санитарные машины.

Обстановка у дома не менялась. Майор в очередной раз предлагал бандитам сдаться. Те отвечали беспорядочной стрельбой. В ответ на нее полицейские открывали автоматный и пистолетный огонь. Потом наступала тишина. Периоды затишья становились все длиннее и длиннее.

Громкий обычно в это время птичий гомон сейчас не был слышен; птицы притихли.

В одно из таких затиший из боковых окон первого этажа вдруг выпрыгнули четыре бандита; один из них тут же свалился на землю, сраженный пулей; раздались крики «Кроши гадов!», «Гаси лягавых!», «Полундра!» — и трое помчались к ближайшей группе деревьев, стреляя впереди себя и в стороны. Почти тут же, не успев отбежать от дома, они были встречены плотным огнем, и один за другим, сделав по инерции несколько шагов, неуклюже попадали на землю, уткнувшись в нее лицами.

Операция завершилась.

Майор обходил перевернутые трупы убитых. Рядом с ним шли капитан Басов и лейтенант Шелабнёв

— Видишь тельники, лейтенант? Это наши!

— Товарищ капитан! Это точно они! Я лица запомнил!

Один из бандитов еще дышал. Лейтенант Шелабнёв нагнулся над ним и стал на колени, прислушиваясь.

Женя Никитин, умирая, прошептал:

— Был моряк с сухогруза! Стал грузом... двести.

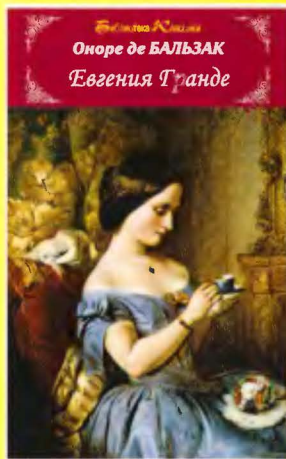
НЕВАЛЯШКА — КНИГИ НА КАРТОНЕ

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

НАШИ НОВИНКИ

Книги можно заказать в редакции или через сайт www.iskatel.net

